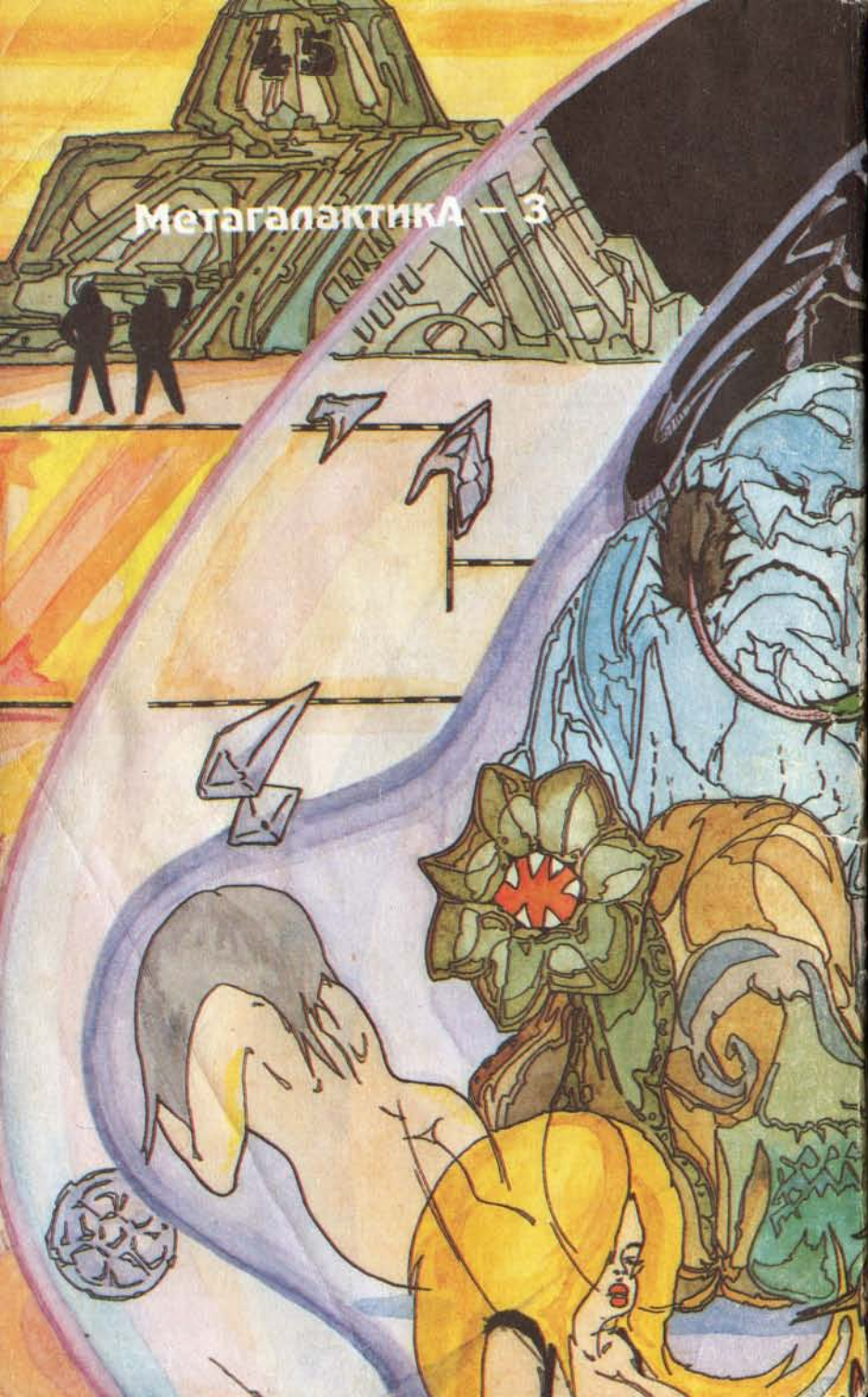
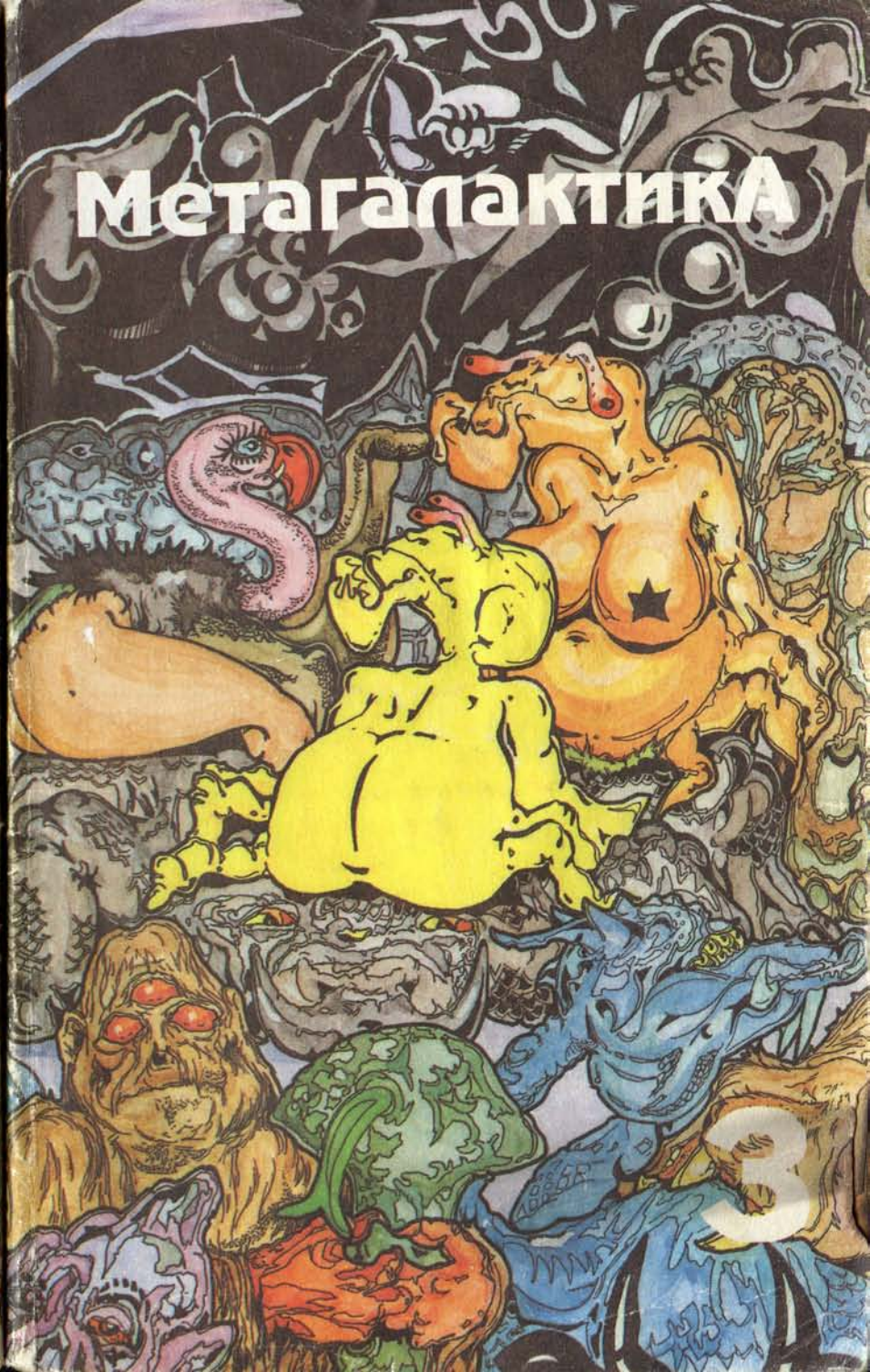

Метагалактика — 3

Метагалактика

НАШИ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Принимаются заказы:

- Комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1991 год - цена 600 руб.
- Комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1992 год - цена 600 руб.
- Подборка избранных номеров ежемесячника ужасов, мистики и аномальных явлений "Голос Вселенной" 1991-92 г.г. - 300 руб.
- Книги серии "Приключения, фантастика": "Бойня", "Измена", "Западня", "Прокол", "Бродяга" "Сатанинское зелье", "Чудовище" - по 150 руб.
- Историко-мифологическое исследование о двенадцатитысячелетней истории Русского Народа "Дорогами богов" - 150 руб.
- Талисман-оберег от глаза, порчи, энергетического вампиризма, зомбирования, демонизации, черных наговоров, колдовства, всех видов присух с инструкцией - 310 руб.
- Фантастико-приключенческий детектив "Западня", повествующий о приключениях инопланетного резидента-убийцы, - 50 руб.

Для получения заказа Вам необходимо выслать почтовым переводом соответствующую сумму, указать свой точный почтовый адрес, на обороте указать, что Вы заказываете.

Адрес: 111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д. Отправлять только почтовыми переводами. Телеграфные не принимаются.

Метагалактика-3

СОДЕРЖАНИЕ

В.Федоров. КОГТИ ДРАКОНА. Детектив — ная повесть ужасов	3
С.Разенков. НОЧЬ — ВРЕМЯ ПРИЗРА — КОВ. Фантастический рассказ	131
С.Колобаев, МЭД, Фантастический рассказ	155
М.Остроухов. ДОРОГА В МИЛЛИАРДЫ ЛЕТ. Фантазия	180

© МЕТАГАЛАКТИКА

Художники Р.Афонин, А.Филиппов

ЛР 060423

111123, Москва, а/я 40.

Директор, гл. редактор Ю.Д.Петухов

Сдано в набор 7.01.93. Подписано в печать 10.02.93.

Формат 84x108/32. Бумага типографская N 2.

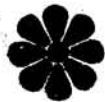
Печать лазерная. Усл.печ.л. 10,08. Тираж 70000 экз.

Заказ 66.

Отпечатано в Московской типографии N 13.

107005, Москва, Денисовский пер., 30.

Индекс 73257 ISSN 0135-5511

Метагалактика-3

Уже с ранних юношеских лет я проникся полной убежденностью в том, что углубленное и пристрастное изучение семейных архивных бумаг является занятием не столько неинтересным и бесполезным, сколько довольно рискованным и даже опасным, грозящим непредсказуемыми последствиями для всех дальнейших принципов и взглядов на окружающий мир. Нарушая покой усопших времен, оно нередко награждает беспечного исследователя весьма неприятными фактами и биографиями, заставляя впоследствии долгое время бичевать себя в душе за пороки и злодеяния тех, кого можно лицезреть лишь на потускневших фамильных портретах. И, разумеется, как прямое следствие легкомысленного любопытства, перед вами неотвратимо открывается коварная дорога к невольному сомнению в чести и репутации давно ушедших предков, до сего момента бывших вечным и светлым символом самого высокого и безупречного идеала.

Наверное, именно по причине вышесказанного, мой семейный архив незыблемо покоился в запретной темной комнатуншке подвала, где кроме кип бумаг скопилось столь

весомое количество паутины и пыли, что даже при самом большом желании и крайней необходимости я мог попасть к неммым свидетелям былого лишь с немалым трудом. Это своеобразное довольно мрачное хранилище могло просуществовать, не видя света, вероятно, еще многие и многие года, однако наступившее лето заставило меня поневоле отпереть изъеденные ржавчиной тяжелые запоры, из-за чего в свои неполные тридцать лет я и ношу на голове густые седины глубокого старика. Теперь для меня не существует никаких идеалов и я сквозь пальцы мрачно смотрю на все происходящее вокруг, сознавая, насколько ничтожна вся эта чепуха по сравнению с тем, что произошло со мной тем памятным июльским месяцем 1894 года.

Начало этой безумной до ужаса истории, перед которой меркнут лучшие творения средневековых сочинителей, положила моя страстная, но безответная и во многом непонятная любовь к некой мисс Дортон — отпрыску древнего и знатного рода, но, как и подобает, девушке весьма своевольной и гордой. Уже к этому времени искренность чувств позволила мне сделать несколько прямых столь пылких и трогательных признаний, что они поколебали бы даже самое неприступное и черствое создание, однако какое-то злое напасти в моем случае распорядилось совсем наоборот. Именно после этого мисс Дортон стала воспринимать меня с еще более ярко выраженным безразличием, постоянно изматывая во время свиданий бесконечными личными впечатлениями о недавних спектаклях, украшениях своих знакомых и всевозможных достоинствах тех, с кем ей доводилось сталкиваться на приемах и торжествах в богатых столичных салонах и дворцах. Я сопротивлялся гнетущему внутреннему противоречию, казалось, до последних сил, пока роковая капля не переполнила чашу моего терпения.

Смею прямо заверить, мой шаг меньше всего походил на открытый протест уязвленного наследника могущественного и старого рода, кем и являлся я в те времена. Опасаясь, что мои чувства, на сей раз загнанные в глухой тупик отчаяния, вдруг могут проявиться в какой-либо неожиданной и несурзадной форме, я, чувствуя себя жалким и несчастным, по странной логике любви решил неизвестно зачем еще более ограничить свое существование, заперевшись на долгие дни в стенах своего дома с тем, чтоб не видеть и не слышать решительно ничего, что делалось вокруг.

Поначалу все время добровольного затворничества я посвящал чтению пухлых романов, занимавших на много-

ярусных полках целую комнату, однако это, как я вскоре убедился, дало совершенно обратный результат и никоим образом не способствовало столь желанному успокоению души. Почти во всех произведениях я невольно находил себя и свою возлюбленную, встававшую перед глазами почти после любого бегло просмотренного книжного листа. Чтобы хоть как-то развеяться и забыться, мое воображение требовало более острых впечатлений и вот тут-то, совершенно случайно, я и вспомнил о семейном архиве, представшем в моем мозгу в виде затянутых зыбкими облаками нехоженых фантастических земель.

Что называется я с головой окунулся в новое увлечение. Занимаясь столь скучным и, казалось, совершенно пустым делом, я, тем не менее, проявил поразительную усидчивость и упорство, граничившие с навязчивым азартом. Когда кто-либо приходил и интересовался моей особой, слуга каждый раз давал однотипный ответ: хозяина нет дома, либо он занят и принять никого не может. Дважды эта участь достигала и мисс Дортон, хотя, когда Габриель сообщал мне о ее визите, у меня до острой боли сжималось сердце. И все же, сознание того, что я теперь оказался недоступным для ее глаз вселяло в меня настоящее дьявольское наслаждение и я с еще большим рвением принимался за скрупулезное изучение пожелтевших писем и бумаг, нередко с немалым трудом улавливая их смысл.

И вот, как-то ранним утром, когда я уже пребывал в мрачном подвале и дотошно копошился в покрывшихся едкой плесенью старых альбомах, сверху послышались явно незнакомые шаги, затем чей-то солидный бас и, наконец, по винтовой скрипучей лестнице ко мне, запыхавшись, спустился мой слуга, чем-то озабоченный и потрясенный.

— Что там такое, Габриель? — не скрывая недовольства, процедил я. — Кому на сей раз не спится в такую рань?

— Сэр, мне велено передать, что прибыл.., — он запнулся, — что прибыл поверенный в делах вашего двоюродного брата сэра Роберта Хугнера из Стерлинга. Как прикажете поступить, сэр?

Признаюсь, меня тотчас охватило на редкость неприятное оцепенение. Я никогда не верил в предначертание судьбы, но теперь мне поневоле пришлось задуматься о вещах, еще недавно считавшихся глупыми пустяками. Не далее, как вчера вечером я только впервые узнал о том, что у брата моего уважаемого отца был сын, а тут вдруг является собственной персоной его личный поверенный в каких-то делах!

От нутанных и противоречивых размышлений меня отвлек мой верный слуга Габриель, неловко напомнивший о посланце из Стерлинга, и я, несколько смягчившись, с явным нежеланием приказал провести гостя в свой кабинет, все еще с трудом укладывая в голове этот странный и подозрительный визит.

Стряпчий Астон оказался низкорослым суетливым человечком лет шестидесяти с весьма своеобразным низким тембром голоса, от которого, казалось, вздрагивали в рамках оконные стекла. Своим одетием, мимикой и походкой он производил впечатление забитого деревенского жителя, впервые попавшего в столицу, однако уже с первых минут знакомства, поймав самое серьезное выражение его маленьких, блестящих глаз, я, сам не знаю почему, поспешил изменить первоначальное мнение и проникся искренним почтением к раннему гостю.

Как и подобает в таких случаях, я начал нашу беседу с расспросов о дороге, погоде и самочувствии, на что, впрочем, получал самые скудные и неохотливые ответы. Постоянно суетясь, Астон то и дело посматривал на напольные часы моего кабинета, совершенно не пытаясь скрывать опасений перед беспечно уходящим временем. Вскоре в этом окончательно убедившись, я изменил тактику и уже без колебаний решил не спрашивать старика решительно ни о чем до тех самых пор, пока не узнаю истинной цели его внезапного визита.

— Сэр Роберт Хугнер, — услышал я новый всплеск раскатистого баса, — предупредив меня о том, что вы можете не знать о нем почти ничего, попросил передать вам это послание, ознакомиться с которым вы сможете сразу после того, как я расскажу вам все на словах. Вот это письмо.

— Воля судьбы, мистер Астон! — подозрительно ответил я, окончательно запутавшись в чехарде мыслей, — Я только вчера узнал, что у брата моего отца был сын. Данный факт явился для меня полнейшей неожиданностью и вот теперь... Впрочем, я внимательно слушаю вас.

То, о чем мне поведал старый стряпчий выглядело до того невероятным, что бешеный поток самых захватывающих впечатлений превзошел в моем воображении все границы. Как оказалось, мой таинственный двоюродный брат, живший в одиноком старинном поместье, теснившемся у подножия гор, владел состоянием, которому мог вполне позавидовать самый родовитый аристократ. Лишенный каких-либо неразрешимых неурядиц и проблем, он, тем не менее,

чуть ли не половину жизни провел в обществе старого слуги, в самых дремучих и недоступных местах, существование которых находилось за пределами самого смелого воображения. И вот теперь, решив навсегда покинуть Шотландию, Роберт Хугнер снарядил большой корабль с полным экипажем, готовым в самое ближайшее время поднять якоря и взять курс в сторону беспокойного океана. Разумеется, все эти сведения просто не могли не вызвать у меня оправданного недоверия, однако вся первая часть рассказа Астона превратилась в невинную шутку по сравнению с тем, что я услышал чуть позже. Затерявшийся среди седых загадочных скал старинный особняк Хугнеров со всей своей завидной утварью предназначался исключительно мне!

— Соответствующие бумаги уже подготовлены, сэр, — продолжал Астон, усмехнувшись моему крайне растерянному виду, — если сейчас вы дадите свое принципиальное согласие, то завтра же вечером мы будем у сэра Роберта, где окончательно оформим ваше право на владение поместьем.

Стряпчему Астону пришлось дважды повторить последнюю фразу, прежде чем я понял, что теперь настал мой черед.

— Ваша осведомленность, мистер Астон, в подобных вещах намного превосходит мою и все же я не стану этим злоупотреблять, — искренне ответил я, не переставая терзаться мучительными сомнениями, — Разумеется я крайне благодарен сэру Роберту, но согласитесь, ваш визит поставил меня в довольно щекотливое и затруднительное положение. Боюсь, что дать согласие, или же принять другое решение в столь узкие рамки времени превыше всяких сил. Вы, надеюсь, согласны со мной?

— Должен заметить, что и я, и сэр Роберт предвидели это, — невозмутимо продолжал стряпчий, не переставая смотреть на часы. — Жизнь иногда действительно изобилует ситуациями, при которых, порой, необходимы долгие и мучительные размышления на принятие, казалось, самых простых и безобидных решений. Как я уже говорил, сэр, я смел предвидеть ваши колебания и поэтому позволил себе потревожить вас в столь раннее время именно с тем, чтобы дать возможность как следует обдумать решение сэра Роберта. У меня в городе есть еще кое-какие дела, которые я надеюсь разрешить к четырем часам завтрашнего дня, после чего позволю себе повторно нанести вам визит и услышать окончательный ответ.

Учитывая то, что внезапно охвативший меня ураган му-

чительных размышлений что называется не давал возможности спокойно усидеть на месте, предложение старого Астона пришлось мне явно по душе. Больше всего на свете сейчас я жаждал побыть наедине с самим собой, надеясь навести порядок во всем том, что вторилось в моей переполненной впечатлениями голове, однако непонятная противоречивость чувств все еще старалась всеми силами удержать стряпчего в кресле моего кабинета.

— Как я понял, мистер Астон, — взволнованно говорил я, — сэр Роберт знает цену времени, если жалует мне на принятие столь затруднительного во многом решения всего чуть больше суток. А что, позвольте полюбопытствовать, будет в том случае, если я просто не вложусь в установленный срок и не приду к чему-то определенному?

— Вы являетесь, сэр, единственным наследником состояния сэра Роберта, — устало ответил стряпчий с ноткой раздражения, — и даже в том случае, если по определенным причинам с вашей стороны произойдет задержка с ответом, поместье "Поющий Камень" автоматически перейдет в ваше владение. Разница же состоит лишь в том, что через несколько дней корабль сэра Роберта навсегда покинет родные берега и ваш уважаемый брат никогда не осуществит мечту провести свой последний день на родине в вашем обществе, сэр.

Эти слова настолько умилили мой пыл, что препятствовать уходу Астона я уже не стал. Когда наконец попрощавшись, посланец Роберта Хугнера поспешно удалился в сопровождении слуги, я впервые за два последних года взялся за сигару и, чувствуя от ароматного дыма сильное головокружение, решительно направил свои стопы в подвальное помещение дома. Там, в старой скрипучей качалке времен своего деда я недвижимо просидел не менее двух часов; с трудом отделавшись от навязчивого образа стряпчего Астона и окончательно попав в плен к призрачному лику Роберта Хугнера.

Итак, у меня, оказывается, существовал некий таинственный дядя, которого я никогда не видел, и двоюродный брат, о котором я вообще ничего не знал. Невольно мне пришлось вспомнить своего отца, всегда заметно хмурившегося, когда я без всякого умысла случайно заводил разговор о дяде, чей образ, признаюсь, частенько преследовал меня по ночам в виде самых кошмарных видений. И все же, самое неприятное открытие, повергшее меня в трепет, было сделано только сейчас, когда я, наконец, мог похвастаться превос-

ходным знанием семейного архива. За несколько недель через мои руки прошли сотни писем и бумаг, однако ни в одной из них я не обнаружил даже слабого намека на брата отца, а тем более на его детей, словно, их никогда и не существовало. И вот теперь, помимо того, что мое воображение оказалось поражено страшным вирусом какой-то глубокой и неприступной тайны я, ко всему прочему, должен буду вступить во владение одиноким старым поместьем в горах, уже сейчас олицетворявшим самое гиблое и мрачное место на земле. Не менее трех раз мне казалось, что исход будущей встречи со стряпчим Роберта Хугнера уже предreshен. Я мысленно готовил себя к тому, чтобы скорее стать нищим, нежели решиться на абсурдную поездку в Стерлинг, но тут-то предо мной и вставал нежный образ молодой мисс Дортон. Моя любовь к ней сейчас, вероятно, не стоила и ломаного гроша, если она вообще помнила обо мне. Сколько могло продлиться мое безумное заточение в собственном доме — месяц, другой, но ведь все же когда-нибудь я выйду на улицу и обязательно встречу там юную леди в обществе видного кавалера, не склонного, подобно мне, к самобичеванию, переживаниям и дурацким драмам. Возможно, они будут настолько увлечены друг другом, что даже не заметят моего присутствия, будто мимо них проплывет всего лишь жалкая тень призрачного невидимки.

Мне достаточно было только на миг представить столь мрачную картину, как от прежней нерешительности и колебаний не осталось и следа. Только старый, доживавший свое затерянный среди суровых гор мрачный дом мог спасти от еще более страшного одиночества, мучившего меня в многолюдном, шумном городе, где так и не нашлось места для моих искренних и чистых чувств. Та неизвестность, ждавшая меня впереди и внушавшая панический трепет, вдруг стала настолько спасительной и желанной, что поспешно покинув темный подвал, я тотчас дал распоряжение удивленному Габриелю готовить в дорогу необходимые вещи, а сам бросился в гостиную за посланием брата, о котором каким-то образом совершенно забыл.

Письмо, переданное стряпчим Астоном, было написано на дорогой плотной бумаге, где в правом углу красовался доселе незнакомый мне богатый символикой многокрасочный герб. Хотя текст письма не занимал и четверти листа, мне пришлось затратить на него немало времени. В каждом предложении, фразе и даже отдельном слове я без труда просматривал еще непонятный, скрытый смысл, сотавлявший

воедино какую-то зловещую тайну. Послание из Стерлинга гласило:

Дорогой Руперт!

Я решился написать эти строки в те тяжелые минуты, когда обстоятельства Ее Величества Жизни заставляют меня в глубоком прискорбии покидать родную Шотландию, очевидно, навсегда. Не в силах больше вынести тяжкого одиночества здесь, под Стерлингом, я чувствую, что вообще не могу пребывать среди людей, всех тех, кого когда-то я так боготворил и любил. Мой корабль уже снаряжен и инкипер ждет последних приказаний, но я не могу уйти в вечное скитание по морям, оставшись в долгу у Вашего отца, а значит и у Вас. Одно предостережение в том, что по моей обители может ступать чужая нога вызывает в душе холод и замораживает сердце. Именно поэтому я и кочу, чтобы Вам принадлежало то, что и без того принадлежит.

Меня навязчиво преследует мысль, дорогой Руперт, что дни мои сочтены, но я лишен всякого сомнения в том, что они превратятся в сущий ад, если я буду лишен возможности обстоятельно с вами кое о чем поговорить.

Роберт Дж. Хунгер
Стерлинг. 30 июня 1894 г.

Около трех раз подряд прочитав письмо, я спрятав его в самый дальний угол конторки и, сам не знаю как, оказавшись в погруженном во мрак коридоре, с тремлетом застыл перед потускневшим от времени портретом своего дяди — тем единственным, что оставил он наследникам после своей загадочной кончины.

«Значит, брат отца чем-то был обязан нашей семье, — чуть ли не вслух размышлял я, поймав вдруг какой-то лукавый, почти зловещий взгляд смотрящего на меня с портрета старика. — В этом, вероятно, и крылась главная причина того, что само существование этого человека было для меня полной загадкой. Но что же тогда могло происходить, если без конца доверявший мне отец никогда не решался даже приподнять занавес этой неприступной тайны?»

Каюсь, в эти нелегкие минуты светлый образ мисс Дортой переставал для меня существовать, и все мое воображение было окончательно перенесено в далекий Стерлинг, неуловимо подтанкивая к самым решительным, а может и безрассудным действиям.

Времени хватало действовать лишь по наспех разработанному плану, я в первую очередь подверг самому обстоятельному допросу своего старого слугу, пришедшего в наш дом еще тогда, когда я только появился на свет. Пригласив его в кабинет, и усадив, словно именитого гостя в глубокое кресло, я угостил Габриеля дорогим старым вином, однако очень скоро мне пришлось с немалым сожалением убедиться в том, что в вопросах биографии брата моего отца старик разбирался отнюдь не лучше меня. Впрочем, не знаю почему, но в мою душу закрадывались некоторые сомнения и когда наш неудавшийся разговор подошел к концу, я попросил Габриеля продолжить подготовку к предстоящему отъезду и как бы случайно добавил:

— Что ж, Габриель, в высшей степени прискорбно, что вы с таким унорством скрываете то, что может иметь для меня определенное значение в будущем. Уверю вас, мне теперь остается надеяться, что делаете это вы только из самых лучших побуждений.

Столь нехитрая с моей стороны уловка, как ни странно, оказала на слугу сильное воздействие. Неожиданно остановившись возле самых дверей, Габриель как-то тревожно посмотрел в мою сторону, даже не пытаясь опустить глаз.

— Прошу прощения, сэр, но я не смею вводить вас в заблуждение всяческими необоснованными домыслами и вздорными слухами, — таинственно проговорил он, тяжело вздохнув. — Видит Бог, если бы передо мной сейчас находился кто-либо другой, я бы не открыл и рта...

— Говорите же, Габриель, говорите, что у вас там еще, — со вспыхнувшей надеждой воскликнул я и, заметив колебания слуги, вновь впрямовидя его в кресло.

— Мне известно, сэр, что у брата вашего отца сэра Джеймса Хунгера никогда не было жены и всю свою жизнь до самой кончины он провел в полнейшем одиночестве, отгородившись от любого постороннего присутствия грядой неприступных скал. Более того, могу вам сказать, сэр, что он не умер в том смысле, в котором принято среди нас это понимать. Ваш дядя навеки исчез, не выходя из собственного дома, словно, растворившись в воздухе тех дальних, недоступных мест. Его розыскивали, наверное, около полугода, но все эти поиски так ни к чему и не привели. И тогда, сэр, — Габриель посмотрел на меня так, что мне стало не по себе, — тогда и стали распространяться ужасные утверждения, что брат вашего отца... не человек!

— А кто же, черт возьми! — не выдержав, я налил себе

полную рюмку, — ради всего святого, только не молчите, Габриель.

— Оборотень, — мрачно процедил слуга, отчего я тотчас протрезвел. — Я передал вам, сэр, то, что слышал от сэра Джона и смею очень надеяться, что мое признание никому не принесет вреда. Я дал слово вашему отцу, сэр, что сохраню обет молчания, но и противиться вашей воле я бессилён.

— Ваша совесть чиста, Габриель, — дружески сказал я, делая несколько кругов вокруг кресла, — однако не в этом сейчас дело. Скажите, мой друг, вы сами верите в то, о чем только что мне говорили?

— Не знаю, сэр, лично я никогда не был в Стерлинге и, признаться честно, никогда не видел сэра Джейма. Очевидно, это все что я могу вам ответить.

— Значит, вот, где нашел свою кончину старый Джеймс Хугнер, — уже не слушая слугу, процедил я. — Да, ничего не скажешь, милое место, если люди исчезают там, словно растворяясь в атмосфере. Да и название какое: "Поющий Камень"! Вы не находите в этом ничего странного, Габриель?

— Теперь я вижу, что вынужден приоткрыть завесу еще одной тайны, — после некоторых размышлений, мрачно ответил старый слуга. — Все, о чем сейчас я вам скажу, было передано мне вашим отцом с тем условием, что только в самом крайнем случае его подозрения станут вашим достоянием, сэр. Теперь, я уверен, этот случай наступил.

Габриель вновь сделал паузу, от которой я невольно подскочил с кресла, настолько томительной и ужасной оказалась мне эта короткая минута молчания.

— До конца своих дней, сэр, ваш отец пребывал в глубокой убежденности относительно настоящего благородства сэра Роберта Хугнера, о чем в разговорах со мной он упоминал почти постоянно. Не изменил он и своего отношения к вашему брату, когда ему стало известно о тяжелой болезни сэра Роберта, ужасной неизлечимой болезни души, приобретенной за весьма недолгий срок в стенах "Поющего Камня".

— Не хотите ли вы сказать, Габриель, что Роберт Хугнер был душевнобольным, — пробормотал я, и волосы поднялись дыбом на моей голове, настолько соответствовало все это полученному мной письму.

— Я передал вам, сэр, лишь только то, что должен был передать. Клянусь, я ничего не утаил и ничего не придумал, — не без волнения тихо продолжал слуга, — и теперь, я

еще раз очень хотел бы надеяться, что это никому не принесет никакого вреда.

Можно только представить, какой ужасный шквал вопросов готов был обрушиться на голову несчастного доброго Габриеля, однако внезапно охватившее меня странное ощущение буквально сковало мой язык. Закончив на этом напуганную встречу, я еще раз заверил слугу в том, что данное мной обещание относительно молчания с сего момента становится делом моей чести, я поспешно отослал его вниз, а сам путем, поистине, адских усилий усадил себя за письменный стол, где в течении четверти часа просидел без единого движения, не в силах пошевелить даже рукой. Только, когда в кабинете прогремел бой стенных часов, я несколько пришел в себя, впад, между тем, в состояние еще более острого страха перед безудержно уходящим временем. Словно в ожидании своего последнего дня, я принялся приводить в порядок личные бумаги, опасаясь уже не столько коварной мысли о смерти, сколько неумолимого бега стрелок часов, все приближавших меня к той роковой минуте, когда распахнется дверь гостиной и я увижу стряпчего из Стерлинга. Занимаясь счетами, письмами и дневниками, я, казалось, полностью ушел в работу, даже не заметив, как за окнами стало темнеть. Только внезапно нахлынувшая головная боль позволила мне сделать первый перерыв и я устало откинулся на высокую спинку кресла. Закурив очередную сигару, я печально взглянул на аккуратно сложенные бумаги, мрачно обвел глазами свою комнату так, будто вижу ее в последний раз, и тут же, подобно безумцу, вновь схватив перо, принялся за составление прощального письма мисс Дортон, появившейся в моем воображении с внезапностью всепоглощающего громового раската.

О, Боже, разве под силу мне было управлять своими мыслями в те ужасные минуты, когда зловещие признания старого слуги до сих пор изводили мой слух, отзываясь в голове десятикратным громовым эхом. Поистине, все было настолько дико, чудовищно и невероятно, что в определенные минуты самых острых переживаний я начисто отказывался верить самому себе. Мой отец, всегда слышавший высокообразованным и современным человеком, и вдруг какой-то оборотень, отдававший явным невежеством и абсурдом! Разумеется, здесь вполне можно было допустить некий скрытый смысл, однако тогда это еще больше подтверждало существование какой-то глубокой семейной тайны, которая, подогревая повышенную подозрительность и нервозность, и

лишала всякой надежды на дальнейшее безмятежное существование. Почти тридцать лет прожил я на свете в полном благополучии, будучи уверен, что еще с успехом прожил бы еще столько, и вот сейчас, после всего случившегося, я уже почти смирился с мыслью о наступлении того рокового дня, когда на прямой линии моей жизни внезапно появилась бездонная пропасть. Хоть и с трудом, я все же мог кое-как представить рассказ об обороте ни чем иным, как порождением лишенных оснований древних слухов и легенд, однако существовала и другая сторона моего незавидного положения, которая и уничтожила любую мысль о покое. Что могло понадобиться от меня, Руперта Хугнера, таинственному безумцу, скрывающемуся от людского взора среди седых, покрытых туманом скал?

Как ни сильны были мои чувства к юной гордой леди, от идеи составления письма пришлось окончательно отказаться уже сейчас. Бесповоротно запутавшись в самых противоречивых догадках, всеми мыслями я еще больше приблизился к безраздельному господству в старом таинственном поместье, подгадывая меня к намерениям и поступкам, до сего времени мне неизвестным.

Около десяти вечера, терзаемый туманными помыслами, я наконец покинул насквозь прокуренный кабинет и отказавшись от ужина, к величайшему удивлению слуги отправился на прогулку по вечернему городу.

Мне достаточно было свернуть за угол и миновать несколько узких переулков, чтобы понять, насколько сильно визит стражачего Астона и доверительный разговор с собственным слугой сказались на моем настроении. Если раньше, предаваясь романтическим размышлениям, я всегда для прогулок выбирал только безлюдные, погруженные в молчание, и лишенные привычной суеты, переулки, то теперь пребывание здесь, да еще под покровом ночи, становилось чем-то невыносимым. Полнейшая зловещая тишина, нависшие над мостовой темные дома с одинокими освещенными окнами и мрачный свет редких уличных фонарей создавали перед моими глазами гнетущую картину, достаточно для того, чтобы я почувствовал дрожь. Стоило только появиться на дороге запоздавшему прохожему, как я с невероятным биением сердца тотчас укрывался в ближайшем темном углу, обретая спокойствие лишь тогда, когда переставали быть слышны шаги и фигура исчезала. Моя грудь готова была разорваться, когда где-нибудь скрипели ставни или мяукала кошка, в голосе которой я всякий раз улавли-

вал нечто похожее на приглушенный человеческий крик. Теперь я был уверен: ужасное дыхание далекого поместья каким-то невыносимым образом проникало даже в эти знакомые места. Страх перед мраком и гнетущей тишиной все сильнее подтачивал мое сознание и вскоре я чуть ли не бегом бросился в сторону шумного порта, где ноги сами меня привели в прокуренный зал дешевой таверны.

Мне трудно представить, как выглядел я, представитель знатного дворянского рода, среди пестрой толпы беснующихся от винных паров матросов, однако даже сама мысль о возвращении на пустынные улицы отбрасывала любые намерения покинуть эту вотчину хаоса и шума. Очень скоро я познакомился с молодыми капитаном из Амстердама и с величайшим азартом предался коварному пороку почитания Бахуса, с чем, казалось, бесповоротно растаял еще два года назад. Как и следовало ожидать, крепчайший эль через некоторое время оказал самое благотворное воздействие на мое израненное воображение, позволившее снять невыносимое напряжение и обрести иллюзорное состояние полного благополучия. Жуткий туман таинственности постепенно стал рассеиваться над "Поющим Камнем" и после очередной кружки эля я впервые рассмотрел в неожиданном подарке судьбы нечто забавное и привлекательное, одновременно почувствовав непреодолимое желание поведать свою историю голландскому капитану, разумеется, умолчав о самых деликатных местах. И тут, я с ужасом увидел, какие разительные перемены произошли с моим случайным собеседником, когда я закончил свой рассказ. В одно мгновение опорожнив кружку, голландец закурил трубку и произнес самым мрачным голосом: — Мой корабль несколько раз садился на мель, сэр, и лишь чудом избегал пасти неподвластных воображению волн. Мне доводилось слышать ужасный стон океана и до сего момента я был уверен, что ни одному из смертных не доведется столкнуться с тем, через что прошел я. Теперь же от былой уверенности не осталось и следа, так как у меня, подобно вам, никогда не будет возможности посетить резиденцию самого дьявола.

Мне трудно передать, чем оказалась охвачена моя душа после слов молодого капитана. Безумный ураган ужаса, рожденный в далеком Стерлинге, вновь обрел свою адскую мощь и неистово ворвался в шумную таверну. Я уже не слышал ни каскада голосов, ни звона посуды, перестав видеть своего спутника и все, что меня окружало. Перед глазами с невероятной быстротой пронеслись какие-то пятна, на

мгновения превращаясь в размытые очертания мрачного замка, вид которого мое воображение всякий раз рисовало окутанной дымкой зеленоватого тумана.

Насколько мне помнится, я больше не стал себя отягощать дальнейшим пребыванием в грязной таверне, справедливо решив, что легкомысленное увлечение эдем только приблизит момент моего безумия. Быстро найдя кэб, я еще некоторое время бесцельно колесил по набережным Темзы, безуспешно избавляясь от тяжелого хмеля и не переставая удивляться тому, как мог я поддаться тлетворному влиянию Бахуса, чуть было не доведшего меня до настоящего сумасшествия. Рассудок вновь одержал неспоримый верх над моими чувствами и выходя из кэба восле своего дома, я уже в сердцах отчитывал себя за ненормальное, столь неподобающее моему положению проявление жалкой мнительности.

Как я и приказывал перед прогулкой, Габриель, зная о моем позднем возвращении, уже давно спал, но меня охватила ярость, когда вопреки указаниям по всему дому был погашен свет. С немалым трудом проникнув в холл и в полной темноте нащупав тумбу, где всегда стоял подсвечник, я быстро убедился в его отсутствии, что выглядело не менее странным, чем погруженный во тьму дом. Не став все же звать Габриеля, я принялся отчаянно чиркать спичками, пока наконец не обнаружил подсвечник в самом дальнем углу холла на зеркальном трюмо. Что-то невероятно тревожное на мгновение пронеслось у меня в душе, однако когда тусклый свет от толстой свечи озарил холл и я увидел, что здесь ничего не указывало на беспорядок, я окончательно отказался от намерения будить Габриеля и сняв плащ, бесшумно двинулся к лестнице, неся перед собой тяжелый бронзовый канделябр.

Как ни сильно во мне было желание поскорее добраться к постели, что, разумеется, являлось прямым следствием посещения таверны и утренних переживаний, я, вопреки собственной воле, направился в бильярдную, куда вела дубовая лестница, над которой красовался каскад фамильных портретов. К ликам давно ушедших предков я привык, казалось, настолько, что со временем просто перестал обращать на них всякое внимание, однако сейчас, в полутемном помещении я почему-то по целой минуте задерживался возле каждого из них так, словно, никогда не видел семейных полотен. По мере продвижения по дубовым ступенькам перед моим взором промелькнул закованный в рыцарские доспе-

хи бесстрашный Роджер Хугнер; затем я остановился у облаченного в судейскую мантию сурового Артура Хугнера и, разумеется, дольше обычного простоял в полном восхищении перед внеземной красотой леди Френсис. Дальше последовал невероятно выразительный портрет генерала сэра Джорджа Хугнера и наконец на предпоследней ступеньке я замер перед портретом таинственного дяди. Как и утром, на меня смотрела пара злых узких глаз, чем-то напоминающих глаза пресмыкающегося. По телу вновь пробежал неприятный холодок и я уже собрался уходить, как тут с ужасом убедился, что не в силах сделать ни единого движения. Что называется, я врос в землю и только моя правая рука, как по воле гипнотизира, медленно приближала подсвечник к холсту портрета. На какое-то мгновение я опустил взгляд под ноги и когда поднял его, то перестал чувствовать самого себя. Глаза старика расширились с невероятной быстротой, грозя вот-вот вырваться из орбит. По мере того, как желтовато-зеленые белки наполнялись алой кровью, крючковатый нос, увеличиваясь, опускался вниз и вскоре достиг прорези рта, губы которого, почернев, оголили острое злое щего клыка. В эти жуткие, умопомрачительные минуты маленькое пламя свечи бесновалось как полоумное, делая из чудовища настоящее исчадие ада и обрекая его в плоть, а меня в дух. Мне казалось, что я перестал жить, настолько неопишуемый кошмар сразил вслед за этим мои застывшие глаза. Как-то совершенно незаметно и без того леденящее душу лицо старика неожиданно стало покрываться светло-коричневыми пятнами, тотчас приобретающими грязно-зеленый, болотистый цвет. Почти сразу в местах появления отпечатков смерти образовывались глубокие шрамы, изуродовавшие до такой степени дьявольское лицо, что от лика Джеймса Хугнера не оставалось уже ничего, кроме пары ужасных глаз, чьи зрачки все заметнее сливались с безжизненными зелеными белками, превращаясь в омерзительные пузыри. Последнее, что навеки запечатлелось в моей памяти был ужасный полуоткрытый рот с двумя парами звериных клыков, между которыми виднелся редкий ряд частично сгнивших покореженных зубов.

Невероятное злое, хлынувшее с портрета в мою сторону, в один миг погасило пламя свечи, погрузив меня в когтистые лапы колючей темноты. Исчадие ада исчезло, хотя в воображении его вид приобрел еще более ужасные и отталкивающие черты. Слетев с лестницы так, будто перешагнул только одну ступеньку, я с воплем бросился навстречу

темноте, уже окончательно расставшись с надеждой, что когда-нибудь наступит завтра и я увижу солнечный свет.

На следующий день я очнулся в своей постели от того, что кто-то настойчиво теребил кисть моей руки. Еще не понимая, где нахожусь и силясь вспомнить вчерашний день, казавшийся чем-то далеким и туманным, я с невероятным трудом поднял тяжелые веки, увидев рядом с собой верного Габриеля и доктора Гэлбрейта, который и разбудил меня прикосновением руки.

— Вот мы и проснулись, — тепло проговорил он, довольнотоптирая руки. — Я думаю, мистер Хугнер, теперь вы не станете отказываться от чашечки кофе и заодно полностью согласитесь со мной, что чрезмерное увлечение спиртным на фоне общей слабости организма весьма отрицательно влияет на мозг, иной раз подвергая его что называется ужасным потрясениям.

— Ничего не ответив, я устало обвел глазами комнату и заметив, что на часах был полдень, с какой-то надеждой вопросительно посмотрел на слугу.

— Все ваши распоряжения, сэр, я выполнил еще вчера, — с готовностью ответил Габриель. — Смею напомнить, сэр, что через четыре часа вас посетит стряпчий сэра Роберта Хугнера.

Действуя из самых лучших побуждений, Габриель, как мне тогда показалось, решил до конца вогнать меня в могилу проклятым Стерлингом. Одно упоминание стряпчего вернуло меня к вчерашним ужасам, отчего грудь вновь стала надрываться от беспокойного биения сердца. Мне захотелось закрыть глаза и притвориться мертвым, лишь бы не слышать ничего вокруг, однако тут вмешался доктор, лелейный голос которого не только обратил меня к разуму, но и серьезно посеял недоверие в реальности всех вчерашних приключений.

— Я не ошибусь, сэр, если скажу, что причина вашего неважного самочувствия заключается в обилие самых невероятных и кошмарных сновидений, особый всплеск которых вы ощутили сегодняшней ночью. Не так ли?

— Все именно так, как вы говорите, доктор, — ответил я, сам не веря своим словам.

— Если вы хотите знать, милейший, мое мнение как друга и врача, то я целиком и полностью поддерживаю ваше намерение в самом скорейшем времени отправиться в ваши новые владения. Смена обстановки, как нельзя лучше, разгонит весь поток неприятных мыслей и, вспомните меня,

вы никогда больше не испытаете таких ужасных ночей по той простой причине, что отпадет всякая необходимость поправлять настроение при помощи спиртного.

Рекомендация доктора Гэлбрейта действительно в довольно быстрые сроки позволили мне покинуть постель. Выпив приготовленный Габриелем кофе, я почувствовал себя намного лучше и уединился в бильярдную, где без труда убедил себя в правоте названной доктором причины столь кошмарной ночи. Для еще большей убедительности, набравшись смелости, я несколько раз прошелся под портретом Джеймса Хугнера, так и не найдя на нем ни единого заметного следа каких-нибудь изменений. Светлый солнечный день в свою очередь также поднял настроение, и все же на моей душе было тревожно. Уже почти согласившись с намерением своего брата, я больше всего желал перенести визит в Стерлинг на ближайшие времена и теперь полностью уверен, что только невероятная слабость и разбитость после ужасов ночи лишили меня всякого сопротивления судьбе. Еще раз вспомнив величие и знатность своего рода, представив милое обличье дорогой мисс Дортон, я тотчас принял решение отправиться к месту нового владения уже через несколько часов.

Как и следовало ожидать, Астон отличался особой пунктуальностью и появился в гостиной в тот самый момент, когда часы на стене пробили четыре. Мое решение, как я заметил, совершенно не повлияло на его настроение, никак не избавив старика от угрюмости и суety. Теперь я уже не могу вспомнить подробно те последние часы, проведенные в стенах родного дома. В невероятной суматохе, переплетенной с ожиданием загадочной неизвестности, я умудрился начисто забыть дать Габриелю добрую половину необходимых указаний и, полностью переключив внимание на стряпчего Астона, покинул дом так, будто с этого момента он вообще переставал для меня существовать. Поистине, я жил только скорейшим разговором с посланцем "Поющего Камня", уже сейчас продумывая в голове очередность наиболее интересовавших меня вопросов.

Как пылал я надеждой, и как быстро угасло ее пламя! За всю долгую дорогу в купе первого класса Астон оказался совершенно глухим к моему безмерному любопытству, постоянно копошась в своем пухлом саквояже и не обращая на меня никакого внимания. Из рассудительного и серьезного собеседника он за какие-то часы превратился в моих глазах в настоящее чудовище, способное на самую неожиданную и

коварную выходку. Признаюсь, в эти минуты страшной растерянности я, как никогда близко, ощутил зловещее дыхание еще далекого и незнакомого Стерлинга, исходящее даже от старомодной одежды тамошнего стряпчего. Поняв бессмысленность и унижительность всех попыток завести разговор, я демонстративно отвернулся к окошку и с самым унылым видом уставился вдаль, туда, где на фоне слегка голубоватого неба таинственно проступали силуэты легендарных, покрытых странной дымкой сизого тумана величественных горных массивов.

Только за несколько десятков миль до конечного пункта нашей поездки Астон соизволил обратиться ко мне, наконец отложив свой проклятый саквояж.

— На станции, сэ, нас будет ждать экипаж, так что через каких-нибудь два часа вы сможете пожать руку сэру Роберту.

— Прекрасно и восхитительно сделать это глубокой ночью, — зло процедил я, что, впрочем, прошло мимо стряпчего.

Должен отметить, что именно тут он и превратился на глазах в совсем иного человека. Старик весьма пространно принялся знакомить меня с прекрасными видами здешних мест, хотя подступавшая тревожная озабоченность сделала для меня все это излишним. С каким-то ужасом, грустью и тоской смотрел я на неказистые станционные постройки, за которыми кроме нескольких нарядных домишек было только небо, пустыри и вездесущие скалы. К моему счастью солнце еще не ушло за горизонт и здесь действительно по-своему было мило и тихо, но я никак не мог отделаться от представления унылой дождливой погоды, когда эти места, вероятно, на всем своем бескрайнем протяжении превращались в безжизненные гиблые пустыни с мрачными пейзажами потустороннего мира.

На смену более чем утомительной поездке в поезде пришло не менее неприятное путешествие в открытом экипаже, скрип которого на протяжении всего пути поразительно сливался в наводящую тоску грустную мелодию, уже сейчас ставшую для меня своеобразным гимном здешних безжизненных мест. От необычайной тряски на постоянных ямах и бугорках у меня до того разболелась голова, что я даже толком не заметил, как последние постройки остались позади и мы оказались в центре необычайного ландшафта, в один миг сразившего меня своей природной дикостью и величием.

По обе стороны бегущей по небольшой возвышенности

пыльной дороги раскинулись безбрежные холмистые пустоши, где единственными хозяевами были лишь одинокие стройные деревья, чьи кроны заботливо укрывали выросшие на фоне неба темно-фиолетовые громады скал. Кое-где таинственно небескивали зеркала маленьких водоемов, наводивших здесь редкий и необычайный для горожанина запах зеленой свежести. Иногда по пути попадались скромные следы деятельности местных жителей, но и они, представленные в виде одиноких скирд и видневшихся вдалеке вассек, только дополняли здешние картины еще большим калоритом и глубиной.

Когда солнце уже почти ушло за впечатляющие очертания безмолвных седых гор, по правую сторону дороги неожиданно заматили какая-то древняя каменная изгородь, то разрушенная до самого основания, то поросшая редкими кустами и травой, то такая высокая, что прятала за собой даже отдельные холмы. Сколько мы ни скали, этому странному сооружению, казалось, не было конца, что просто не могло удержать меня от любопытства.

— Все, что вы видите, сэр, относится к временам римского владычества, — гордо ответил стряпчий, смешию обводя окрестности правой рукой, — и вообще, смею вас заверить, здесь имеется бесконечное множество того, что никогда не станет доступным жителю шумных и светлых городов. Еще немного терпения, сэр, и перед вашим взором предстанет легендарный поющий камень, близость которого и определила название старого поместья. Клянусь, подобное чудо вы не сыщите больше нигде на свете.

Не знаю почему, но я настолько был поглощен древними развалинами, что совершенно пропустил упоминание о камне мимо ушей, даже не удосужившись предположить, что он мог из себя представлять. Высота каменной кладки, между тем, вскоре достигла наивысшей точки, закрыв окончательно собой весь вид. Невольно создавалось впечатление, что конца ей не будет никогда, но тут-то я и понял всю поспешность столь неуспешного вывода. Как-то резко и неожиданно, словно по воле небес, стена растворилась на фоне наступавших густых сумерек и перед моими глазами выросли тяжелые очертания дома Роберта Хугнера.

Признаюсь, где-то в глубине души я с трепетом надеялся встретить среди каменных пустышей и высоких скал наиболее выписывающийся в этот ландшафт громоздкий средневековый замок, однако то, что я увидел в действительности, просто не могло не бросить меня в смятение и дрожь.

Дом моего двоюродного брата был страшным вытянутым сооружением, поражающим убожеством форм, бросающейся в глаза внешней неухоженностью и каким-то особенно зловещим дыханием необычайно древней кладки. Несмотря на довольно значительные размеры он, казалось, самым непостижимым образом намертво врос в землю, причем так, что некоторые окна первого этажа высидились над поверхностью всего на каких-нибудь несколько футов. Две высокие башенки самого затрапезного вида — настоящая вотчина зловещих привидений, узкие окна, более всего походившие на бойницы и наконец покосившиеся от времени тяжелые стены внешне делали это строение запущенным и пустынным, всем своим видом внушавшем тревогу даже случайному созерцателю.

Ужас и необычайная тоска настолько в эти минуты сковали мою волю, что я бред за стряпчим, словно приговоренный к смерти, уже сейчас не понимая, как мог я так бездумно променять покой в своем уютном городском доме на настоящую пытку пребывания в этом чудовищном логове. Если само сооружение внушало просто омерзение, то первое знакомство с его обитателями явилось для меня настоящим верхом отчаяния. Слуга моего брата мне сразу стал до того неприятен, что я делал все возможное, лишь бы не поднимать на него глаза. Это был ужасно древний старик с бесповоротно сморщенным изможденным лицом и длинными космами волос какого-то неестественного зеленовато-голубого цвета. Он передвигался маленькими детскими шажками, но и это давалось ему с таким трудом, что, казалось, он вот-вот свалится с ног. Наконец я даже думал, что он немой, однако при встрече с хозяином он впервые подал свой голос, более всего походивший на отвратительный металлический лягз.

Что касалось самого Роберта Хугнера, то несмотря на относительно молодость лет, он выглядел ничем не лучше старого Джонатана, еще более походив на отжившего свой век призрака из какой-нибудь забытой легенды. Все его движения были на редкость скованы и угловаты, а лицо заметно отдавало неприятной зеленоватой желтизной, словно у страдающего тяжелой неизлечимой болезнью. Еще более странным фактом для меня стало то, что даже при самом пристальном наблюдении я не нашел в сэре Роберте ни единой черты, схожей с тем зловещим портретом его отца, который поверг меня вчерашней ночью столь нечеловеческому испытанию. Разумеется, я вполне мог допустить, что

что-то неизгладимо изменило его внешность, однако после всего пережитого, в моем воображении брали верх самые злоеписные мысли, окончательно разбивая остатки всякого спокойствия.

Если в полном смысле страшное, отталкивающее выражение лица и шатавшуюся походку сэра Роберта я еще мог как-то понять, то характер хозяина ужасного дома в первые часы моего пребывания здесь казался сущей дьявольщиной. Откровенно скажу, ужин в честь моего приезда был устроен с королевской щедростью, однако имело ли это для меня какое-либо значение, если за все время продолжительной трапезы Роберт Хугнер обмолвился со мной всего лишь несколькими общими фразами, упорно продолжая хранить тяжелое молчание. Судя по тому, с каким отупением и безразличием он смотрел в свою тарелку, я понял, что мое присутствие интересовало его меньше всего. Вновь и вновь мне пришлось вспомнить мой искренний разговор за день до отъезда с верным Габриелем, уже совершенно не противясь утверждению того, насколько серьезно и неблагоприятно душевное состояние моего брата.

Мне трудно передать, сколь тягостные и неприятные чувства овладели мной под этими тяжелыми сводчатыми потолками, чем-то поразительно напоминавшими старый заброшенный склеп. Проклиная все на свете, я несколько раз пытался обратиться к сидевшему рядом стряпчему Астону, надеясь завести хоть какой-нибудь разговор, но тут же я с ужасом убеждался, что эта сводчатая с ума обстановка окончательно подрывала мою волю. Как ни сильно было мое негодование и безудержное любопытство, гробовое молчание нарушить я так и не смог. Да и вряд ли кому здесь это вообще было дано кроме старинных часов, как мне показалось, подававшим на все необъятную округу единственные признаки жизни.

Только глубокой ночью мы все втроем поднялись в комнату хозяина, расположенную в самом дальнем крыле мрачного строения. Множество старинных гобеленов и различных дорогих украшений внешне прямо подтверждало то, что Роберт Хугнер был отнюдь не беден и владение подобным помещением составляло удел далеко не каждого. Внутренне я торжествовал, и все же одна только мысль о том, что я останусь наедине с причудливыми статуэтками и узкими сводчатыми галереями, куда никогда не проникало солнце и все пропиталось плесенью и копотью свечей, решительно и беспощадно шла наперекор собственному искушению. Что

ожидало меня здесь дальше, если всего за несколько застойных часов мне пришлось пережить бо́льшие тягостных минут, чем за все время тернистых и сложных отношений с мисс Дортон? Я вновь вспомнил это милейшее создание и тут что-то горячо обожгло мое сердце. Нет, думать, а тем более видеть порцию молодой леди было для меня превыше всяких сил. Только здесь, отрезанный от всего мира толстыми стенами ужасного дома, где тяжесть и полумрак неумолимо гасили всякие чувства, я смогу наконец обрести долгожданный затворнический покой! Именно эти внезапные размышления, очевидно, и вызвали во мне слабое подобие решительности, с которой я медленно переступил порог комнаты Роберта Хугнера, где господствовал еще более свирепый полумрак.

— Мне крайне неловко, дорогой Руперт, — вдруг поразительно быстро заговорил мой брат, — что после столь утомительной дороги я до сих пор лишаю вас сна. Однако, учитывая, что в самое ближайшее время я должен буду проститься с этими местами, а вы вступите в абсолютное единоличное владение "Поющим камнем", то вы, надеюсь, поймете почему для нашей встречи я выбрал столь неподходящее время.

— Смею вас заверить, я несколько не устал, — осторожно ответил я, задумываясь над каждым словом, — более того, я готов принести в жертву всю ночь.

— Всю ночь? В этом вряд ли есть необходимость, — вновь устало пробормотал Хугнер. — Будем ценить время и поэтому хочу сразу спросить у вас прямо: что вам известно о моем отце?

Я никак не ждал этого вопроса с самого начала и, признаюсь, немало растерялся.

— К огромному сожалению, уважаемый Роберт, моя осведомленность в этом оставляет желать лучшего. Мне неизвестно решительно ничего кроме того прискорбного факта, что наши отцы не особенно любили друг друга. Совсем недавно я просматривал старые бумаги, но избавиться в полной мере от этого белого пятна нашей семейной истории так и не смог.

— Верно, они не любили друг друга, — Роберт Хугнер вдруг резко отвернулся, — и причиной, уверяю вас, был только мой отец с его в высшей мере странными привычками. Он вступил во владение этим полным нечаян помещением, когда я еще был младенцем, и ни одна живая душа не знает, почему он выбрал именно эту глушь, где жизнь при-

обретает какие-то застывшие, неподвижные формы. Иногда мне кажется, что здесь останавливаются даже заведенные часы.

Роберт нервно закурил сигару и продолжал уже более взволнованным голосом.

— Как мне помнится, единственным занятием отца были длительные прогулки в горы, неизменно совершавшиеся иногда в самую мерзкую и ужасную погоду. Клянусь вам, Руперт, все это было именно так. Он покидал поместье, когда за окнами шел дождь, свирепствовал дикий ветер и проклятый камень наносил всю округу протяжным воем. Постепенно я к этому настолько привык, что перестал терзаться тревогой и волнением, которые раньше во время отлучек отца не давали мне по ночам сомкнуть глаз. Вскоре на его странное поведение я вообще перестал обращать внимание, даже в мыслях не допуская, что трагедия уже настойчиво стучалась в наш дом. Последние слова отца запомнились мне на всю жизнь: "Я буду в библиотеке, — сказал он тогда, как-то странно посмотрев на меня, — не забудь сказать Джонатану, чтобы на ночь он проверил запоры всех окон и дверей".

Уходя из моей комнаты, он закрыл за собой дверь, и с тех пор его больше никто не видел, и не знает, что же на самом деле произошло. Так, Руперт, я остался один в этом доме и не знаю, как в дальнейшем сложилась бы моя судьба, если бы не забота вашего отца. В глубокой тайне от всех, в том числе и от вас, он помогал мне всем, чем только было возможно. Чуть позже, когда я уже оправился от столь тяжелых потрясений, он помог мне перебраться за океан, где волей судьбы я и приумножил свое состояние. Лучшее всего для меня было бы навсегда остаться на чужой земле, но долг перед сэром Генри ни на день не давал мне покоя нигде. И вот, когда я наконец обрел возможность вернуться в Шотландию, его уже не было в живых. Я знал, что все, чем был обязан ему теперь по праву принадлежит вам — человеку, которого я никогда не видел и ничего о нем не знал. Видит Бог и мистер Астон тому свидетель, несколько раз я уже был готов начать поиски своего двоюродного брата, однако неведомая мне семейная распря жестоко сбивала меня с этого верного пути. И вот сейчас, к сожалению в последние дни своего пребывания на родной земле Шотландии, я наконец твердо решился покончить с этим раз и навсегда.

Он сделал небольшую паузу и перевел дыхание, продол-

жал своим уставшим, болезненным голосом, изредка поглядывая то на стряпчего, то на пылающий камин.

— Теперь, Руперт, вы полновластный хозяин этого старинного дома. Все, что составляет его, может быть, несколько непривычный и мрачноватый интерьер теперь принадлежит только вам. Если вы пожелаете, даже верный Джонатан будет служить вам так, как служил мне все это время.

— Но ведь далеко не просто вот так расстаться с родной землей, — невольно заметил я, впервые взглянув на Роберта с нескрываемой жалостью.

— Конечно не просто, Руперт, и, признаюсь, я сам еще далеко не верю в правильность своего решения. И все же, оставаться здесь я не могу и не боюсь в этом признаться — даже днем я чувствую непроходящую дрожь от пребывания в этих стенах. Призрак отца ходит за мной по пятнам, а самое ничтожное воспоминание о какой-то семейной вражде раскаленным металлом льется на сердце. Я испытываю ужас, необъяснимый всесокрушающий ужас от того, что лягу в могилу, или лишу рассудка раньше, чем успею выполнить свой долг.

"Неужели, предо мной настоящий безумец!" — уже в который раз пронеслось у меня в голове, отчего я съёжился, решительно перестав понимать какие силы вообще до сих пор удерживали меня в столь страшном месте.

— Простите меня, Роберт, за мое, вероятно, несколько излишнее любопытство, — по-детски пролетел я, холодея перед возможным всплеском эмоций своего собеседника, — но ведь у вас должны быть хоть какие-то предположения касательно последнего дня вашего отца. Не укладывается в голове, чтобы вот так...

— К великому сожалению, Руперт, тайна до сего момента не перестает быть для меня тайной, что не вызывает во мне ничего, кроме отвратительного состояния постоянной тревоги. В этом, вероятно, и кроется причина столь поспешного отъезда, более всего подходящего на бегство.

Признаюсь, сидя в кресле мрачного зала, где даже тепло пылавшего каминя не могло ослабить сильную дрожь, я, словно во сне, смотрел на этих двух живых мумий, слова одной из которых так и не постигались моей головой. Всеми силами я пытался найти понимание и поддержку хотя бы у стряпчего Астона, однако на протяжении всего разговора он даже не раскрыл рта, пребывая в кресле с закрытыми глазами, как мне показалось, в состоянии глубокой дремоты. Мне ничего не оставалось делать, как вновь окончательно

смириться с ледящим душу одиночеством, выход из которого становился еще более незрим.

Конечно же, как настоящий дворянин, сэр Роберт искренне переживал наш семейный раздор, но почему он даже не пытался скрывать то и дело наплывавший на него ужас и смятение явно постороннего происхождения? Уже к этому времени у меня сложилось устойчивое убеждение в том, что именно непреодолимый страх и движет поступками моего несчастного брата, решительно во всем напоминавшего худую безжизненную тень. Вряд ли Роберт боялся меня — это выглядело сущей нелепостью, лишенной каких-либо оснований. Других родственников у Роберта Хугнера также не было, как, впрочем, и друзей, виной чему выступал на редкость угрюмый характер и, как мне показалось, паталогическая боязнь дневного света. И тем не менее, бросая все, он решается на далекий, тяжелый и отнюдь не безопасный морской переход, будучи не в состоянии даже крепко стоять на ногах! И тут, совершенно неожиданно я был поражен той легкости и простоте, с которой вдруг само по себе всплыло подходящее решение всей этой непостижимой загадки: мой брат Роберт больше всего на этой земле боялся своего собственного дома!

Столь неприятное открытие невольно воскресило в памяти прощальный разговор с Габриелем, когда верный слуга с затаенным дыханием упомянул зловещего оборотня, чьи следы, по его мнению, вели именно сюда, в Стерлинг. Для меня даже в жуткие часы душевного кризиса никогда не существовало какого-то потустороннего мира, но здесь, в доме Хугнеров я вдруг впервые почувствовал его грозное ледяное дыхание, обрушившееся на меня, словно густой осенний ливень.

То, как напряженно заерзал я в кожаном кресле, не прошло мимо внимания сидящего напротив Роберта, который, как мне показалось, хитро усмехнулся. Стыдясь волнения, я виновато опустил глаза и когда снова поднял их, лицо моего собеседника вновь выглядело каменным изваянием.

— Для меня не составляет особого труда, дорогой Руперт, понять то, о чем вы сейчас так напряженно думаете, — сказал мой брат, тяжело поднявшись с кресла, — поверьте, вы несколько не ошиблись в своих первых впечатлениях от пребывания в здешних краях. Да, сейчас вы находитесь в самых пустынных и унылых местах, где даже встреча с человеком является редкостью. На добрые десятки миль вокруг здесь простираются лишь бескрайние владения девственно-

го одиночества, переступить границы которого под силу далеко не всем. Как с братом, я хочу быть с вами откровенен до конца. Подойдите пожалуйста к окну и я покажу вам одну примечательную вещь, возможно, имеющую некоторое отношение к моему поспешному отъезду.

С этими словами Хугнер отложил сигару и распахнул высокое, узкое окно, через которое свежий поток воздуха чуть было не погасил пламя оплывших толстых свечей.

— Как вы думаете, что там? — серьезно спросил он, пропустив меня вперед.

Как ни всматривался я в изрыгавшую сильный холод ночную тьму, ничего кроме каких-то расплывчатых очертаний обнаружить мне так и не удалось.

— Судя по всему, там скалы, — наконец крайне неуверенно ответил я, ни на шаг не отходя от широкого подоконника.

— Вы почти угадали, Руперт, но только почти. Перед вами, укрытый густым туманом ночи и есть легендарный поющий камень — исполинских размеров скальная глыба, покоящаяся всего на двух опорах, из-за чего и создается впечатление, что она висит над землей. Иной раз даже трудно представить, как может она на протяжении сотен тысячелетий находиться в таком шатком положении и не рухнуть со своего постаментов вниз. Не знаю, дорогой Руперт, — вздохнул мой брат, — я всегда был склонен считать, что ужасный камень еще переживет саму вечность, но в последнее время, особенно во сне, меня постоянно стали посещать зловещие видения того, как этот гигант, давший название поместью, с невероятным треском и гулом катится на мой дом. И виной всему, вероятно, этот отвратительный дикий свист, который издает каменное чудовище в ветренные, непогожие дни.

— Свист! — воскликнул я, на какое-то мгновение наконец различив в потемках уходящий под небеса необозримый силуэт.

— Может, я не так выразился, но звуки действительно напоминают зловещий монотонный свист. Конечно, когда-нибудь я и привык бы к нему настолько, что перестал бы обращать внимание, но воля обстоятельств заставила меня поверить в его дьявольский голос как предзнаменование чего-то дурного. Я слышал вой скалы незадолго до того, как исчез отец. И вот теперь, Руперт, мне постоянно кажется, что между мной и проклятой скалой идет незримая война: то ли я первым уйду в мир иной, то ли этот природный исполин погребет под собой руины этого дома.

Больше о страшной поющей скале в тот памятный вечер

не было произнесено ни единого слова. Казалось, всего и так уже было достаточно, чтобы, прокляв столь дикие места, прямо сейчас же броситься в обратный путь и вернуться к себе, где не было ни мрачных покосившихся стей, ни бредовых историй и дьявольских скал. Это был, что называется, единственный шанс сохранить здоровый рассудок и невозможным вернуться в привычный мир жизненной суеты, однако здешняя атмосфера таинственности и необычайных ощущений уже опутывала меня сетями прочной, липкой паутины. Мои колебания на этот раз длились совсем недолго и очень скоро я мысленно пришел к тому, что больше всего на свете хотел в самое ближайшее время заполучить в безраздельную собственность страшный дом Роберта Хугнера.

Около трех ночи, когда, как я заметил, у стряпчего окончательно стали слипаться глаза, а сэр Роберт качался от малейшего дуновения сквозняка, мы наконец покончили с важными формальностями и выпитый по этому поводу старый коньяк вскоре разогнал всех по своим комнатам.

Я всегда отличался тем, что с большим трудом привыкал ко всему новому, но сейчас эта черта, казалось, обострилась в десятки раз. Только одному Богу известно, сколько усилий мне стоило раздеться и лечь в мягкую постель, хотя свет я так и не решился гасить до самого утра. Роберт Хугнер и его омерзительный слуга ни на минуту не покидали моей головы, представляясь в таком отвратительном облики, что я то и дело с опасением поглядывал на дверь. Решительно невозможно было отделаться от мысли, что она вот-вот распахнется и в комнату своей странной походкой ступят два живых высохших покойника, специально заманивших меня в эту дремучую глушь с самой коварной целью.

Так шло время. К дверям, естественно, никто не подходил. Кое-как я отделался от навязчивых страшных картин, уже в несколько ином свете представив всех троих в креслах темного кабинета Роберта Хугнера. Теперь бывший владелец "Поющего Камня" виделся мне не столько коварным злодеем, сколько просто больным, лишенным любви и ласки отщепенцем, обреченным на вечное существование пустынного до последних своих дней. Был ли он действительно повредившимся рассудком? Я всячески старался отогнать столь на редкость неприятную мысль, но ее видимая близость к истине затмевала собой всякие сомнения. Сколько долго прожил сэр Роберт со старым слугой, ни минуты не чувствуя настоящей радости бытия, лишь с головой уйдя в постоянную, ежедневную душевную тревогу? Конечно же,

его душа, сломленная за эти годы, просто не в состоянии была вынести столь чудовищную пытку пустыми стенами и, постепенно, лишь сохранив человеческий облик, он перевоплотился в живой, отталкивающий своим видом угрожающий призрак.

И вот теперь на его месте должен буду оказаться я!

Эти размышления, подкрепленные недавними переживаниями в один миг сделали бессонницу чем-то окончательно непреодолимым. Стараясь не думать о доме, своем брате и всем, что меня здесь окружало, я вскочил с постели и прямо босиком принялся блуждать по комнате, туманно соображая куда себя деть. Совершенно случайно я оказался на минуту у узкого полураспахнутого окна, поняв наконец причину столь ощутимого неприятного озноба. Решив немедленно оградить себя от невыносимого дыхания сырого холода, я вплотную приблизился к окну и тут впервые увидел то, что до сего момента было тщательно укрыто от меня беспробудной пеленой тайны "Поющего Камня".

Я только мог догадываться, что вообще происходило в эти ночные часы по ту сторону старинных стен, разумеется, предвидя самое ужасное, однако из щели окна вдруг заструился до того свежий, преисполненный радости и благоухания воздух, что я оказался плененным странной легкостью и восторгом, окрасившим настроение в ранее недоступные тона приятного трепета. Стоя у полураспахнутого окна в каком-то загадочном оцепенении, я все более переставал верить в то, что кроме этих, покрытых пеленой дикого безмолвия застывших мест, на земле могут существовать какие-либо другие. Постепенно я погружался в зыбкий здешний туман, откуда, казалось, не существовало выхода, как нет его у вечности. В глубине души я даже слепо радовался тому, что уже ничего не напоминает мне прежнюю городскую жизнь, тягость которой была куда болезненней здешнего предожидания чего-то сверхъестественного, зарождающегося среди таинственных долин и не знавших человека вересковых пустошей.

По меньшей мере четверть часа пробыл я у высокого окна, вдыхая атмосферу ночной свежести и давая полную свободу своему воображению, ни на минуту не переставая упрямо всматриваться в темноту. Разумеется, ночная мгла оказалась непреодолимой для моих уставших глаз. Осознав вскоре полную безосновательность всяких надежд что-либо рассмотреть и, ко всему, сильно продрогнув, я уже вознамерился еще раз попытаться найти желанный покой в посте-

ли, как тут мой взор буквально впился в колючую тьму, невольно сделав меня неподвижным. Сплошной фон ночи прорезали два маленьких зеленоватых огонька, чем-то напоминавших тусклое свечение гнилых пней. Но, Боже, уже через мгновение от моего предположения не осталось и жалкого следа: две зеленые точки пришли в движение и плавно приближались к самым стенам дома. От всего кошмара новой догадки закружилась голова и я чуть не потерял сознание, когда окончательно убедился, что на сей раз приблизился в своих подозрениях к самой правоте. Пара мерцающих холодным светом зеленоватых огоньков была ничем иным, как кошмарными дьявольскими глазами! Еще мгновение, и я готов был присягнуть, что мой наполненный ужасом взгляд вырвал из густой тьмы злое очертание невероятно сгорбленной фигуры в широкополой шляпе, в один миг бесповоротно растворившейся в сплошном мраке глубокой ночи... Последнее, что нарушило этой ночью мой зыбкий покой, когда я уже засыпал, был бесконечно далекий гудок железнодорожного состава, уходящего туда, где я бесповоротно оставил свою прежнюю жизнь.

Теплое летнее утро, несмотря на всю свою первозданную свежесть, никак не повлияло на обитателей мрачного дома — этих страшных жрецов уныния и тоски. К своему ужасу я заметил, что от солнечного света и тепла они оба осунулись еще больше, приобрели окончательно завершенный самый безобразный вид. После легкого завтрака дыхание Роберта Хугнера вдруг стало настолько прерывистым и тяжелым, что я невольно проникся подозрением самого худшего. Буквально на глазах его изможденное лицо охватила странная желтизна, ничем особо не отличаясь по цвету от толстых восковых свечей. Иссохшие руки моего брата теперь задрожали, словно у горького пьяницы, чередуясь своей пляской с частым подергиванием век. Весь этот ужас, который я сейчас не в силах передать, происходил на глазах старого слуги Джонатана, однако он, сгорбившись над камином, не соизволил сделать ни единого движения.

От предчувствия, что вот-вот сейчас с Робертом Хугнером случится, вероятно, ужасный душевный припадок, мне стало казаться, что я сам лишаюсь рассудка. Не в силах больше наблюдать как он корчился возле кресла, я стал украдкой поглядывать на дверь и тут вдруг за моей спиной прозвучал его негромкий голос:

— К превеликому моему сожалению, Руперт, должен заметить, что у нас остается совсем мало времени. Некоторые

обстоятельства вынудили меня ускорить свой отъезд и поэтому я намерен немедленно исполнить свое вчерашнее обещание и показать вам то, что дало название нашему поместью. Сейчас стоит полное безветрие, поющий камень молчит и вам представляется полная возможность увидеть его во всей своей первозданной красоте.

Если до этих слов Роберт Хугнер едва переставляя ноги, постоянно хватаясь за высокие спинки кресел, то сейчас его проворство могло поразить кого угодно. С большим трудом поспевая за своим братом, я миновал гнетущий фасад здания и завернул за угол, где предо мной раскинулась необозримая панорама величественных гор. Начинаясь почти у самого цоколя поместья, к скалам шел пологий уклон, чем-то поразительно походивший на запущенную, избитую дорогу. Чуть выше странный подъем пересекала невысокая, но довольно круглая каменная ступень, а в нескольких десятках ярдов за ней, загромождающая небосклон, высилось то, что могло одновременно ввергнуть в ужас и вызвать почтительный восторг у самых искушенных жизнью, выдавших виды стариков.

Это была огромная, черного цвета скальная глыба, имевшая почти правильную кубическую форму и стоявшая, вопреки всему, на ничтожном, почти незаметном бугорке. Несмотря на свое болезненное воображение, Роберт Хугнер оказался прав — находясь здесь, было почти невозможно избавиться от предчувствия, что она вот-вот рухнет вниз и скатится по спуску прямо на дом, выглядевший отсюда жалкой частичей чего-то ничтожного.

Где-то на недостижимой высоте плоская вершина камня странно поглощала плывущие редкие облака. На какое-то мгновение мне даже показалось, что недвижимы именно облака, в то время, как давящая на сознание каменная глыба плавно раскачивалась и уже сползала со своего постамента. Представив весь ужас нарисованной собственным воображением картины, я невольно зажмурился, а когда решился открыть глаза, Роберт Хугнер уже карабкался к самому подножию дьявольского творения, проявляя поразительное для самого себя проворство. Все еще не переставая испытывать неприятную дрожь, я, в свою очередь, также засеменял по странной каменной тропе, терзаясь самыми злоеющими предположениями относительно того, кто и когда мог ее здесь соорудить.

Признаюсь откровенно, во всей этой истории поющий камень, несмотря на свой весьма злоеющий вид, произвел на

меня куда меньше неприятных впечатлений, нежели сам Роберт Хугнер, его слуга и их, а теперь уже мой таинственный дом. Довольно быстро я успокоил тогда себя тем, что этот причудливый монолит, простоявший в столь немыслимом положении, простоят еще столько же, если не больше, ибо никакая существующая в природе сила не способна сдвинуть его со своего крохотного постамента. Однако, оказавшись вскоре у самого его подножия так близко, что он стал давить на нервы одним своим видом, я вновь погрузился в то странное состояние тревоги, избавиться от которого не смог до самых последних мгновений пребывания в здешних краях.

В тени заслонившего солнца каменного исполина мы пробыли совсем недолго, но только надо было видеть с какой поспешностью, словно спасаясь от лютого зверя, Роберт Хугнер проделал путь назад.

— Теперь вы видели все, Руперт, — тяжело дыша промолвил он, когда мы оказались на почтительном расстоянии от скалы, — после нашей небольшой прогулки я преисполнен уверенностью в том, что вряд ли будут иметь место упреки в мой адрес относительно того, что я что-либо от вас утаил.

Уже по одной интонации слов своего брата я понял, какой панический ужас внушал ему этот грандиозный монолит, пошатнувшись таким образом, свои прежние предположения. Конечно, не столько на редкость мрачный дом с его темными гобеленами и узкими окнами, сколько призрачная гроза колоссального обаяния и была основной причиной того, что его родовое поместье так поспешно переходило в мои руки.

— Какой же силы должен быть ветер, чтобы он заставил скалу заговорить? — самым зловещим тоном спросил я, чувствуя внутреннее удовольствие от того, как Роберт Хугнер трепетал от одного упоминания гигантского камня.

— На это способна лишь сильная буря, а она в наших местах не такая уж редкость, — серьезно ответил брат, невольно вызвав у меня внутренний смех.

Не знаю почему, однако эта короткая утренняя прогулка к постаменту легендарного поющего камня заметно подорвала мой общий интерес к здешним необычным местам, притупив всю остроту восприятия столь загадочной и во многом таинственной обстановки. Едкий туман беспробудной тайны как-то сам собой рассеялся и предо мной возник старый, покосившийся дом, нуждающийся, ко всему, в дорогостоящем ремонте; теперь меня постоянно будут окру-

жать лишь безжизненные мрачные пустоши, делающие из любого пустое чучелоподобное существо, каким стал мой несчастный брат; и наконец, о боже, я окажусь начисто лишенным всего того, что в привычном мире составляет цель человеческого бытия! Поистине, отчаянно, страху и жалости к самому себе во мне уже не хватало места.

Почти весь оставшийся день после прогулки к поющему камню был посвящен церемонии передачи мне старого поместья, закончившейся весьма полным осмотром бесчисленных помещений и прилегающей вековой рощи с небольшим, заросшим болотной травой живописным прудом. Во время бесконечных хождений по залам, лестницам и переходам я искренне восторгался богатством своего странного брата, при всех мыслимых усилиях, тем не менее, так и не сумев найти причину невероятной запущенности и беспорядка, бросившихся в глаза чуть ли не на каждом углу. Невольно создавалось впечатление, что Роберт Хугнер был бесконечно даже от всего этого и тогда у меня возник вопрос, сводящий с ума своей недоступностью. Каким же занятием вообще предавался здесь этот несчастный человек, если на полях обширнейшего хранилища древних рукописей все было пронизано нитями толстой паутины, дорогое охотничье оружие оказалось сплошь покрыто толстым слоем пыли, а ворота пустующей конюшни жалко вокоились на одной единственной петле?

Казалось, каждая новая минута пребывания в "Поющем Камне" неумолимо порождала очередную загадку, испускавшую какое-то грозное дыхание и пронзающую воображение раскаленной стрелой. Несколько раз, доведенный до полнейшего отчаяния, я осторожно в двусмысленной форме обращался к молчаливому Роберту, однако стоило мне только изложить свою мысль, как его охватывал всплеск настоящего безумия. Становясь вдруг необычайно разговорчивым, Роберт Хугнер погружался в пространные рассуждения, интересовавшие меня меньше всего, довольно проворно находя путь, чтобы уйти от моих очередных вопросов. Любой другой на моем месте тотчас расценил бы его поведение как лишенный смысла вихрь идей, но я вдруг понял, насколько здесь все было сложнее и запутаннее. С жаром перескакивая с одной темы на другую, Роберт так и не смог скрыть от меня своих уставших глаз, тщательно следивших за каждым моим движением.

Окончательно расставшись с намерением в эти минуты что-либо спросить, я, тем не менее, продолжал возлагать

скудные надежды на поздний ужин, где присутствие стряпчего Астона, по моим расчетам, должно было хоть немного сблизить меня с Робертом Хугнером. На первых порах так оно и намечалось — мой брат вернулся к теме наших семейных отношений, однако уже второй бокал вина, выпитый с дьявольской жадью, вновь надел на него безжизненную маску полного безумца. Полностью потерянный интерес к столь питавшему надежды вечеру я пытался компенсировать грубыми нарушениями рекомендаций доктора Гэлбрейта, что очень скоро дало свои результаты. Ощутив на себе все коварство старого вина, я окончательно запутался в смысле длинных речей Роберта Хугнера и, уже совершенно не слушая своего собеседника, внутренне подготавливал себя к наступлению второй ночи, казавшейся ужасной черной дырой. Вероятно, после столь обильных возлияний я уже приближался к грани душевного срыва, и вот тут-то мое сознание как-то само собой переключилось на ранее незримые моменты в поведении Роберта, явившиеся для меня своеобразной защитой от всеохватывающего чувства обреченности.

Я готов был побиться об заклад, что мой брат куда-то спешил, начиная заметно тяготиться затянувшимся вечером. С каким-то неподдельным страхом поглядывал он на желтый циферблат огромных часов, и когда стрелки вскоре замерли на двух ночи, в Роберта вселилось поистине дьявольское возбуждение, скрывать которое он даже не стал. Дальнейшее пребывание в мрачной гостиной теперь было для меня не столько полнейшей бестактностью, сколько тем долгожданным предлогом, под которым я наконец уединился в своей комнате, где первым делом, словно насмехаясь над словами своего доктора, достал из буфета бутылку вина. Еще немного, и моя абсурдная затея, зародившаяся при свете свечей в гостиной и победившая остатки благоразумия, была доведена до конца. Поручив свою душу Богу и призвав на помощь мужество своих предков, я, охваченный эйфорией постижения какой-то зловецей фантастической тайны, робко подошел к двери с твердым намерением проследить, куда так торопился глубокой безлунной ночью мой странный брат.

Затаившись, я простоял в проеме до тех пор, пока мимо не прошлыла фигура стряпчего Астона, направлявшегося в свою спальню. Выждав предусмотрительно еще несколько минут, пока не хлопнула дверь в глубине дома, я бесшумно выскользнул в коридор и, ступая, как кошка, медленно дви-

нулся к боковой лестнице. Недавняя экскурсия по дому, проведенная лично Робертом, оказалась как нельзя кстати, и моя зрительная память, незатронутая чарами хмельного, позволила мне прекрасно ориентироваться в бесконечных темных переходах. Я был полностью уверен в невозможности заблудиться во чреве старого дома, однако по мере движения меня все чаще стала посещать одна отвратительная мысль, всякий раз погружая в сиюминутное оцепенение. Как буду выглядеть я, если кто-либо из обитателей "Поющего Камня", даже тот же Джонатан, вдруг увидит меня крадущегося, подобно ничтожному вору, по погруженным во мрак комнатам и коридорам своего собственного имени! Клянусь, неоднократно я хотел отказаться от своего сумасбродства и повернуть назад, однако к несчастью мое воображение, подогретое добротным вином Роберта Хугнера, вскоре нашло простейший выход, отдававший правдоподобием и положивший конец всяким колебаниям: меня изводит неотступная бессонница, и я направляюсь в библиотеку, надеясь, что какой-нибудь роман избавит меня от этих страданий.

Посчитав сего вполне достаточным, я наконец ступил на порог гостиной, в воздухе которой все еще витал приятный запах манильских сигар Роберта. В помещении горела одна единственная свеча, в свете которой я увидел прибранный стол, аккуратно расставленные стулья и почти угасавшие красные огоньки в зеве камина. Гостиная была пуста и вся обстановка отвергала любую мысль, что по крайней мере этой ночью она станет свидетелем чьего-нибудь тайного визита. Эта первая неудача несколько остудила мой пылавший жаром энтузиазм, но, разумеется, далеко не настолько, чтобы мне пришла в голову светлая мысль повернуть назад. Азарт охотника помимо воли переходил в необузданную страсть и, немного поразмыслив, я двинулся к спальне своего брата, по дороге не отказав себе в искушении заглянуть в комнату с рыцарскими доспехами и библиотеку. Как и следовало ожидать, все они были погружены в полный мрак, кроме спальни Роберта Хугнера, озаренной ярким пламенем огромного камина, но также лишенной каких-либо видимых признаков жизни.

Теперь, стоя на пороге и мрачно смотря на высокое пламя камина, я не знал, куда себя деть от нахлынувшего чувства бессилия, уже не особенно волнуясь тем, что мое присутствие здесь в любой момент может быть обнаружено. Итак, Роберта Хугнера в доме не было; он действительно куда-то

торопился и, несмотря на всю свою немощность, сумел опередить меня и исчезнуть. Пожалуй, в любой другой обстановке происшедший со мной казус только вызвал бы на лице растерянную улыбку, но сейчас, утопая в полумраке, я почему-то был уверен, что пропустив исчезновение Роберта, я совершил ужасную оплошность, самым роковым образом сказавшуюся в будущем на моем пребывании в старых стенах "Поющего Камня".

С самым хмурым видом я добрался прочь от пустой спальни, не видя во мраке собственных ног. Проклятая темнота до того давила на грудь, что к моему горлу все ближе поднимался ком мерзкой тошноты, заставивший меня ускорить шаг. Я уже почти добрался до лестничного марша, не питая никаких сомнений относительно предстоящих действий, как вдруг за спиной где-то совсем рядом раздался леденящий душу скрип. В мгновение ока я укрылся за массивной колонной, и когда нашел в себе мужество осторожно выглянуть из-за нее, то увидел, как в конце коридора мелькнул дорогой халат Роберта, так запомнившийся мне по первой ночи. Я не знаю, сколько времени я простоял в трепетном размышлении, но еще больше я и сейчас поражаюсь тому, какая дьявольская воля заставила меня тогда сделать первый шаг.

Роберт Хугнер двигался своей старческой шаткой походкой, неся в одной руке легкий канделябр, а в другой огромную связку длинных ключей, чей лязг прорезал безмолвие, словно ружейный выстрел. Нас разделяло совершенно ничтожное расстояние и всякий раз, когда, как мне казалось, Роберт готов был вот-вот обернуться назад, у меня подкашивались ноги и разрывались виски, но, к моему облегчению, а вернее, к полнейшему несчастью, его лицо было устремлено только вперед. Когда мы миновали последний лестничный марш, повезло жутким холодом, и я наконец понял, что конечной целью странной ночной прогулки Роберта являлся подвал, то место, где в огромных бочках находились впечатляющие запасы старого вина. Вот лязгнул металл, и мой брат, с невероятным трудом распахнув тяжелую дверь, сделал первые шаги по каменному полу подземелья. Несмотря на то, что дверь так и оставалась распахнутой настежь, я невольно остановился у самого порога, уже не зная, был ли теперь какой-либо смысл продолжать столь предосудительное занятие и стать свидетелем того, как под покровом темноты, в глубоком одиночестве этот несчастный человек предается коварному пороку наслаждения хмельным.

Услышав, как вновь лязгнул замок, я уже представлял себе Роберта, приближавшегося к одной из бочек, но именно здесь в мою душу настойчиво вкрадось какое-то непонятное сомнение: из винного хранилища должны были доноситься шаги, хотя тишина не была прорезана ничем подобным. Одним из этого оказалось достаточным, чтобы я сделал несколько осторожных шагов и, приблизившись к распахнутой двери, краем глаза заглянул за нее.

Как я и предполагал, дверь холодного подвала оказалась открытой, однако стоящий чуть в стороне Роберт Хугнер отнюдь не спешит предаться возлияниям. Доставив на пол подсвечник и положив сюда же связку ключей, он странным жестом опущивал древнюю кладку стены, и тут я с удивлением заметил, как его трясущаяся рука извлекает из стены небольшой камень. Почти тотчас за этим темный подвал потряс нарастающий тяжелый гул, дошедший до самого моего сердца. На мгновение мне показалось, что рухнет тяжелые пилоны, хотя действительность на самом деле оказалась еще более неожиданной: мощная стена сдвинулась в сторону и обнажила узкий проход в крохотное помещение, посредине которого находились деревянные ящики размером с саркофаг. Обниваясь потом, я превратился в само зрение.

Постояв с полминуты на пороге образовавшейся дыры, Роберт наконец поднял с пола подсвечник и переступил порог тайника, что позволило мне еще более ужаснуться невероятным подобием покрытого материей ящика с усыпальницей мертвеца. Боже мой, я готов был проклясть самого себя за то, что выкинул этой ночью теплую постель, но разве могло это что-либо изменить, если жуткое ощущение скрывало мои силы!

Между тем, мой брат, дыхание которого я слышал даже в десяти ярдах, без особых усилий снял крышку ужасного ящика и, бережно приставив ее к стене, мрачно склонился над тем, что было внутри. Постояв так с минуту, Хугнер стал что-то шептать, и несколько раз обойдя таинственный ящик, вдруг поспешно бросился к выходу. Мысль о том, что случайно он заметил меня, обожгла мое сердце, но и на этот раз я ошибся. Покинув мрачный склеп, Роберт юркнул в соседнюю дверь и заковылял по каменным плитам винного подвала, судя по шагам направляясь в самый дальний его конец. Казалось, весь ужас только что созерцаемого должен был непременно убить весь мой рассудок, и я до сих пор не перестаю удивляться тому, как могло случиться совсем наоборот.

Итак, пока этот безумец будет блуждать по темным галереям хранилища и опорожнять кружку с вином, мне предоставится вполне достаточно времени, чтобы проникнуть в тайник и хоть мельком взглянуть на содержимое зловещего ящика — саркофага. Реальная опасность оказалась застигнутым за этим занятием была весьма высока и, что называется, убивала своими последствиями, и все же я нашел довод, заставивший соблазн одержать верх над колебаниями: каждый шаг Роберта в подземелье отдавался многоголосным эхом, и его приближение к выходу никак не могло остаться для меня незамеченным. Осознав, что каждая потерянная минута чревата именно тем, что бросало меня в дрожь, я с застывшим дыханием ступил на предательские каменные плиты и миновал узкое зеву хитроумного тайника.

Стоило только наклониться над ящиком и увидеть то, что покоилось на его дне, как течение времени перестало для меня существовать. В зловещем саркофаге, скрестив руки на груди, лежала молодая длинноволосая женщина, пронзавшая меня холодным взглядом широко раскрытых безжизненных глаз. То, что благодаря своему собственному безрассудству, я обнаружил в доме мертвеца, уже не вызвало никаких сомнений, но разве мог я предположить, что за вызванной этим открытием волной отчаянного ужаса меня ждало вообще нечто невообразимое! Сначала мои глаза остановились на кроваво-красных губах покойницы, которые, казалось, вот-вот зашевелились, и мертвец заговорит. Затем я невольно перевел взгляд на чуть тронутые слабым румянцем нежные щеки, после чего наши глаза наконец встретились. Мне показалось, что кровь всего моего тела, собравшись в единый мощный поток, неистово устремилась к вискам, превратив голову в готовое вот-вот разорваться раскаленное пушечное ядро. На меня негодующе смотрела пара безжизненных блестящих глаз, полное отсутствие помутнения в которых бесповоротно отбрасывало всякую мысль о том, что передо мной мертвое тело!

Поистине, зрачки ее были прозрачны и чисты, словно горный хрусталь, чего в те ужасные минуты страха и оцепенения никак нельзя было сказать о моей голове. Охваченный диким порывом внезапного безумия, совершенно позабыв о том, что вскоре здесь может появиться Роберт Хугнер, я что было силы сжал тонкую руку мертвеца, и тут потоки крови стали покидать мою измученную голову. Новое открытие, в один миг прояснив затуманенное ужасом сознание, расковало грудь и заставило замолчать невыносимый стук в вис-

ках: на дне ящика пребывал не мертвец, а изумительнейшей красоты искусно выношенная кукла, впитавшая в себя самый изысканный вкус талантливой мастера. Признаюсь честно, сменившее необъятный страх искреннее восхищение перед внеземными чертами этого поразительного творения упрямо продолжало удерживать меня возле деревянного ящика и только благодаря неведомой воле, уже в самый последний момент я услышал приближавшиеся шаги своего брата, каким-то чудом успев укрыться в неглубокой темной нише в стене.

Покинув царство винных бочек с какой-то неопишуемой жалостью на лице, Роберт Хугнер, крихтя, еще некоторое время усердно возился с тяжелым замком хранилища, после чего только вновь подошел к деревянному ящику. Именно сейчас я вдруг осознал, что мое укрытие более чем ненадежно, и стоило только Роберту обернуться, как я буду непременно замечен. Выход из столь щекотливой ситуации представлялся только один: воспользовавшись тем, что Хугнер стоял ко мне спиной, проникнуть бесшумно к лестнице и, не оборачиваясь, направиться к себе. Решившись, я уже сделал первый шаг, на мою беду оказавшийся последним. Время было упущено: взяв куклу на руки так, словно это была живая спящая женщина, мой брат первым направился к выходу, пройдя рядом со мной так близко, что я слышал его прерывистое тяжелое дыхание.

Уже тогда я понял, что причина того, что я остался незамеченным, крылась не столько в моем проворстве, сколько в его поразительном увлечении сказочной куклой, затмившей в восприятии моего несчастного брата все вокруг. Как ни тяжёлы были отдельные минуты этой ужасной ночи, я, все еще пребывая в темном, сыром подвале, уже начинал благодарить себя за свое безрассудство, выгнавшее меня в столь поздние часы из моей спальни. Мои нервы оказались подорваны до предела, но тем не менее, зловещий ореол мистической тайны, окружавший "Поющий Камень", теперь уходил в небытие, оголяя истинную причину господства здесь самых мрачных, безжизненных цветов. Мой брат, своим безумием создал в этих и без того унылых местах столь же безумный, закрытый для посторонних, призрачный мир, непостижимая жизнь которого и окунает любого в бурлящий грозный поток черного ужаса.

Шаги Роберта Хугнера уже стихли на крутом лестничном марше, а я все продолжал стоять в мрачной холодной нише, терзаясь невыносимыми противоречиями. Еще не-

много, и я вдруг почувствовал первые признаки настоящего отвращения к самому себе, все более напомиравшему душу отвратительной глупостью, которая и выгнала меня наконец из мрачного подполья. Как мог я, потомственный дворянин, с таким усердием выслеживать несчастного безумца, предаваясь во всему этому безоглядному чувству страха в своем собственном доме.

Весь обратный путь к спальне занял у меня почти в два раза больше времени, хотя выбрал я самую короткую дорогу. Нельзя было сказать, что недавние ночные впечатления особенно способствовали сну, однако давняя о себе зная сильная усталость, то и дем. рисовала перед глазами темную, уютную постель. На подходе к спальне я еще более ускорил шаг и буквально подскочил к дверям, сильно дернув за ручку...

Уже после второй попытки и поняв всю нерастоятельность дальнейших усилий — дверь была прочно заперта изнутри на массивный чугунный засов. Все это было настолько неожиданным и диким, что первые мгновения я просто не мог правильно истолковать случившееся. Так и не осознав, что запереть дверь изнутри без чьего-либо присутствия там никак невозможно, я в порыве досады и отчаяния бросился по коридору к комнате Джонатана, намереваясь призвать его на помощь, однако уже после первого поворота меня остановил довольно неприятный скрип за спиной. Резко обернувшись, я обнаружил дверь только что запертой спальни медленно распахнувшись, и оттуда чуть ли не на четвереньках выпомпала мерзкая сгорбленная фигура в черном балахоне и широкой белой юбке, из-под которой пробивались длинные космы побуревших волос. Клянусь Богом, стоило мне только подумать о исследовании, как расплывчатые очертания этой сумрачной дьявольской твари скрылись за поворотом коридора, и когда я подбежала к тому месту, галерея на всем своем протяжении была пуста. Мне ничего не оставалось делать, как вернуться к дверям спальни, где меня поджидало то, от чего побагровев от ярости и почти лишившись разума, я яростно устремился к комнате Роберта Хутнера. Мне достаточно было только дернуть за порог своих покоев, как в нос внезапно ударило такое зловоние, что я с трудом сдержал тошноту. До сих пор меня не перестает бросать в дрожь от одних воспоминаний, настолько чудовищна была эта смесь запахов боютой гнили, присутствия мертвеца и чего-то совершенно невообразимого, о чем происхождении даже трудно предположить. Ужас-

ным зловонием в комнате пропиталось решительно все, и даже направляясь к своему брату, я не переставал ощущать это невыносимое дыхание, исходящее, казалось, даже из моей одежды.

Сказать честно, истинные цели, с которыми я так спешил увидеться в столь поздний час с Робертом Хутнером, на протяжении всего моего недолгого пути пребывали в невероятном густом тумане. Как мне представлялось, это был страх одиночества, перемешавшийся с чудовищными, недопустимыми сознанию картинками уходящей ночи, последние из которых все более начинали чем-то напоминать что-то незуитское изобретательство. Я был невероятно далек от веры в пробуждение здесь сил потустороннего мира, все более предаваясь подозрению о дитроумных проделках своего брата, чье безумие с какой-то дьявольской целью вполне могло пуститься на сумасшедшие интриги, выбрав своим оружием непроходящий черный страх. Именно с этим намерением разобраться во всем раз и навсегда, я буквально летел к комнате Хутнера, то и дело попадая в плен к зарослям колонн.

Высокая дубовая дверь покоев Роберта оказалась распахнутой настежь, что заставило меня поневоле заметно сбавить шаг. Ливнившийся оттуда поток света обладал каким-то странным фиолетовым оттенком, и когда до меня, добавок ко всему, довелся загадочный приглушенный говор, я вообще застыл на месте, не доходя до порога немногим более двух ярдов. Затяв дыхание, я понял, что не ошибся: слабый голос принадлежал моему брату, хотя разобрать удалось только отдельные слова. Позабыв о своих намерениях проявить решительность и твердость, я попытался представить, кто мог быть столь поздним собеседником, как тут образ прекрасной куклы сразил мое воображение, заставив невольно сделать еще несколько шагов в сторону распахнутой двери. От одного предположения, какая сцена могла ждать меня за ней, меня тотчас бросало в дрожь. Жалкий безумец, истерзанный вечным одиночеством, вне всякого сомнения находил свое маленькое счастье в близости с безжизненным подобием красоты, и мог ли я, чей духовный мир был переполнен самой пестрой палитрой бытия, вторгаться в его маленький, хрупкий мирок, заноса туда воздух совершенно чужой для него жизни! От одной только этой мысли меня, казалось, отбросило на несколько шагов назад, но, Боже, на самом деле я все приближался к зеву двери. Словно пребывая в густом, беспробудном тумане глубокой дремоты, я порав-

нялся с широкой полосой тусклого света и одним глазом заглянул за угол.

Нет, моему взору не предстала эта предосудительная сцена, которую всего минуту назад так ярко нарисовало разгоряченное воображение, однако то, что я увидел, до такой степени не укладывалось в голове, что, потеряв всякую осторожность, я чуть ли не полностью вошел в дверной проем.

Повури голову и неестественно согнувшись, Роберт Хугнер пребывал в глубоком кресле, не переставая смотреть в сторону камина, где стояло прекрасное творение неизвестного умельца. Даже сейчас, после посещения подвала я напроочь отказывался верить, что вижу перед собой всего лишь куклу, настолько линии ее фигуры и черты лица были насыщены молодой свежестью непорочной жизни. Казалось, еще одно мгновение, и плененный чарами ее неповторимых, тронутых кокетливой улыбкой глаз, я готов буду, забыв обо всем, броситься к ее ногам, но тут неизвестно откуда взявшийся сквозняк вдруг поднял тяжелую штору на окне, заставив тем самым Хугнера выйти из оцепенения, а меня еще плотнее прислониться к стене. Подскакив с кресла, мой брат вступил в отчаянную схватку с разбушевавшейся шторой, но силы оказались неравными. Очередное дыхание сквозняка сорвало полотно с петель и, падая, оно поглотило в бесчисленных складках Роберта Хугнера. Я только с ужасом наблюдал, как плененный материей, он продолжал беззвучно бесноваться на ковре, однако переступить порог комнаты я так и не смог, начиная питать поистине непреодолимый страх перед стоявшей у камина куклой, лицо которой, как мне показалось, повернулось несколько в сторону. Я был настолько этим поражен, что с немалым запозданием заметил, как огромное окно со звоном распахнулось и ураганной силой ветер, ворвавшись в покои с диким ревом, стал сокрушать все на своем пути. Мое лицо в один миг оказалось обожжено колючей ледяной прохладой, но и этот безумный порыв стихии не в силах был заставить меня закрыть глаза.

Сначала неистовые порывы воздуха сорвали с куклы черную шаль, после чего ее прекрасное лицо буквально утонуло в бушующих волнах длинных волос. Сказочное изваяние чуть покачнулось и, опередив мою самую ужасную догадку, рухнуло в зев пылающего камина. На какое-то мгновение чудовищный столб огня, породивший невыносимый гул в дымоходе, сделал фигуру куклы невидимой. С калейдоскопической быстротой длинные языки пламени меняли свою окраску, то угасая, то, казалось, врываясь в комнату, напол-

няя ее нестерпимым жаром. Именно в один из таких промежутков, когда столб бушующего огня заметно спал, я и стал свидетелем той леденящей душу картины, наложившей на мою память несмываемый отпечаток до самых последних дней. Словно в самом кошмарном сне, я видел, как объятая желтым пламенем кукла адски корчилась в огромной пасти старинного камина, протягивая в мою сторону сильно обожженные тонкие руки. Еще через секунду комната озарилась нечеловеческим воплем, тотчас смешавшимся с новым неистовым порывом холодного ветра, который и захлопнул передо мной обе створки тяжелой дубовой двери. Ужасная картина с пылающим камином и его жертвой исчезла, и наступившая полная темнота, как и в последнюю ночь моего пребывания в своем столичном имении, спасла меня от разрыва сердца, препроводив в мир, где перестает существовать даже память.

Можно только представить, через какую страшную пытку прошло мое воображение, если проснувшись на следующую ночь, я даже не стал нужным удивиться почему я пребываю одетым в кресле своей спальни, плотно сжимая пальцами окурки погасшей сигары. Далеко не сразу заметил я и стоявшего здесь же мерзкого Джонатана, с коварной улыбкой поглядывающего на буфет, где все еще покоились три распечатанные бутылки. Я уверен, что именно это обстоятельство и заставило меня подскочить с места так, будто я вообще не спал.

Итак, все повторилось в той же последовательности: сначала чрезмерное увлечение вином, потом болезненные, сводящие с ума размышления, и наконец адские видения, завершившиеся густой, беспробудной темнотой. В Лондоне об этом догадывались доктор Гэлбрейт и мой слуга, но какое впечатление я произвел здесь! Надеюсь найти ответ на этот ужасный вопрос, я вновь краем глаза взглянул на проклятые бутылки и перевел взгляд на Джонатана, лицо которого уже не выражало ничего.

— Мне приказано передать, сэр, что отъезд сэра Роберта перенесен на сегодня и в его распоряжении осталось не более двух часов. Принимая во внимание вашу усталость с дороги я не решился разбудить вас ранее полудня. Теперь же сэр Роберт ждет вас в гостиной.

— Благодарю вас, Джонатан, — мрачно ответил я, не переставая чувствовать легкое головокружение, — я не задержу сэра Роберта и сейчас же спущусь.

Данное обещание явиться в гостиную я исполнил, тем не

менее, только через добрых четверть часа, встретив своего брата уже не в зале с камином, а под мрачными сводами главной галереи. Как ни трудно в это было поверить, но в первые мгновения нашей встречи я даже засомневался, что предо мной именно Роберт, а не какой-либо незнакомый старец с обвислыми, словно жерди, худыми руками. Было бы смешным сказать, что после ужасной ночи я выглядел свежо, но у меня подкосились ноги, когда при тусклом свете фонарей я увидел пепельно-серое лицо своего брата, полное бескровие которого делало из него злоеца, давно усопшего мертвеца. Кое-как ответив на скупое приветствие, я, словно безвольное создание, засеменял по его стопам, только с немалым трудом догадываясь, что затеял он на сей раз.

Минова просторный холл, Роберт Хугнер провел меня до селе неизвестным проходом, напоминающим тоннель, и вскоре мы оказались на свежем воздухе рядом с парадным подъездом, неподалеку от которого стоял старый закрытый экипаж.

— Ну, вот для меня все и кончено! — довольно громко воскликнул мой брат, не скрывая в голосе нотки восторга.

Что-то пробубнив в ответ, я недоверчиво взглянул в его сторону и тут был окончательно поражен тому, какое изменение претерпела его внешность. Заметно оживившись и повеселев, он в одно мгновение сбросил уродливую маску глубокого старика, превратившись в человека, по меньшей мере не внушающего отвращения. Изменение в его поведении каким-то образом коснулось и меня, несколько сгладив в памяти непостижимые события первых двух ночей. Все вдруг предстало в совершенно ином свете, хотя, признаюсь, стоя тогда на ступеньках парадного подъезда "Поющего Камня", я даже не пытался взять в толк, почему при виде экипажа на бледном лице Роберта Хугнера проступил отчетливый румянец. На какое-то мгновение мне даже показалось, что наступает та долгожданная минута, когда просветление на душе Роберта подтолкнет его наконец к искренности, но Боже, как мог я позабыть о том, что даже течение жизни проходит здесь совершенно в другой плоскости, не имея решительно ничего общего с той, которую покинул я до сих пор неизвестно зачем.

Так ничего больше и не сказав, и на целых два часа оставив меня на попечение собственного одиночества, Роберт занялся приготовлением к отъезду с таким усердием, что практически на протяжении всего этого изнурительного времени я видел его фигуру лишь мельком. Покорившись

воле судьбы, я расположился в ветхой старинной беседке, с неммым изумлением наблюдая за всей этой суматохой, неуловимо во всем походившей на самое безоглядное бегство.

Должен заметить, все же эти несколько часов невеселых размышлений пролетели как-то совершенно незаметно, и вскоре на пороге я увидел Роберта в столь торжественном строгом туалете, что невольно приподнялся со скамьи. В руках он держал кожаный саквояж, с которым обычно обходят своих пациентов сельские врачи, и какой-то небольшой зеленый сверток, что к моему удивлению и составляло весь его скарб. Чуть поодаль от брата я заметил сгорбившегося Джонатана, одно выражение лица которого бросило меня в дрожь, настолько сильно в нем стало проявляться нечто дьявольское и коварное.

Наше прощание длилось совсем недолго и было начисто лишено даже символического сожаления и теплоты. Хугнер вновь вскользь упомянул наш давнишний семейный конфликт, восторженно отозвался о моем отце, еще раз особо подчеркнул желание исполнить свой священный долг. Последнее, на чем он сосредоточил мое внимание, был все тот же слуга Джонатан, продолжавший, как и ранее, как-то странно, с глубоким унынием и тоской, поглядывать в сторону далекого леса.

— Конечно, Руперт, — тихо говорил мой брат, вцепившись в ручку дверцы экипажа, — вы можете обзавестись более многочисленной молодой прислугой, чтобы развеять одиночество и приукрасить сей слишком суровый дом. Однако, поверьте, без Джонатана первое время вы просто не сможете обойтись. Старик очень привязан к этим древним стенам, знает здесь каждый кирпич и каждую щель, и в любом другом месте без всего этого ему будет довольно нелегко. Одним словом, я очень надеюсь на ваше милосердие и доброту, которую старый слуга оплатит вам самой преданной службой.

Мне ничего не оставалось делать, как заверить Хугнера в том, что не имея никаких возражений против его рекомендации, я именно так и поступлю, хотя на самом деле вся моя душа внутренне противилась этим безумным мыслям. Поистине, одной встречи с этим ужасным стариком глубокой ночью было достаточно, чтобы оборвалось в груди сердце, и душа навсегда покинула тело, настолько адским и нечеловеческим было его серое обличье. Уже сейчас я, казалось, был полон решимости отдать все, что угодно, лишь бы остаться под старыми мрачными сводами совсем одному.

Мы пожали друг другу руки, и Роберт Хугнер, даже ни разу не обернувшись, покинул свое бывшее поместье. Словно каменная статуя, смотрел я вслед старому экипажу, впервые задетый мыслью, чуть было не заставившей броситься вдогонку кареты. Мой брат явно что-то не договаривал, но неужели даже в самую последнюю минуту... Мне стоило только об этом подумать, как экипаж внезапно остановился, не удалившись от фасада и на сотню ярдов. Распахнулась дверца, и появившаяся фигура Роберта буквально стала притягивать меня к себе.

— Я очень хочу, чтобы вы выслушали меня, Руперт, но ради всего святого ни о чем не говорите, — зловеще прошептал он, туло глядя себе под ноги, — Все ваши предположения оказались верны: я действительно безумен, но посудите сами, какой душевнобольной признается вам в своем недуге? Но я делаю это, и делаю потому, что не желаю переносить на вас свою незавидную участь. Здесь в "Поющем Камне" безраздельно властвует сила тьмы и черного ужаса, совладать с которым не смог я и не сможете вы. Уезжайте отсюда поскорей и не испытывайте роковую судьбу. Ваша непримиримость ко злу только обернется для вас бедой, хотя, — он зашуршал, — хотя, я все же пребываю в полной уверенности, что наступит час, когда это дьявольское гнездо будет уничтожено навсегда.

Меня словно обдало ледяным ветром, и я даже заметил, как захлопнулась дверца кареты. Отвратительно поскрипывавая рессорами, экипаж Роберта Хугнера, подобно призраку, быстро исчез за высокой каменной изгородью. Свесив голову и тяжело вздохнув под непосильной ношей невыносимых впечатлений, я обреченно побрел к подъезду своего нового имения, где кроме мрака, гробового безмолвия и неизвестности, меня ждало то, о чем впоследствии я буду страшиться вспоминать даже на шумных, многоголосых улицах своего родного города.

По случайному стечению обстоятельств, замешкавшись, в доме еще находился стряпчий Астон, что было встречено мной с невероятным облегчением и надеждой. Сложив свои последние дела, он уже собирался уходить, и вот, зная, что такое остаться здесь одному, я проявил столь завидную настойчивость, что Астон все же сдался и снял свой причудливый плащ. Только после того, как была опорожнена первая бутылка старого добротного вина из запасов Роберта Хугнера, я понемногу стал свыкаться со своим новым положением и, отойдя от лавинообразного потока первых, настраива-

ющих на само уныние острых впечатлений, к полудню наконец почувствовал себя настоящим владельцем огнюдь не лишенного богатства имения.

Так мы засиделись далеко за полночь, даже ни разу не посмотрев на часы. После очередной бутылки благородного хереса все время замкнутый в себе стряпчий вдруг настолько оживился и повеселел, что превращаясь в прилежного слушателя его долгих, безупречных речей, я по четверть часа не смел раскрыть и рта. Во многом, впрочем, он повторял то, что я уже знал от Роберта, и все же в этот вечер моим достоянием стало немало нового. Сначала мы долго и горячо говорили о поющей скале; потом в весьма осторожной форме я поинтересовался личностью Джонатана, и уже под самый конец встречи, когда нас обоих безудержно клонило ко сну, разговор как-то сам собой перешел на моих новых соседей.

То, что рассказал мне изрядно захмелевший стряпчий, я в полной мере осознал только на следующее утро, когда еще давали о себе знать неприятные последствия затянувшегося ночного застолья. Оказалось, что на десятки миль вокруг нет никого, с кем я мог бы хоть изредка перебраться словом. Моим единственным соседом был весьма странный веселый старик, все свое время посвящавший археологическим изысканиям у подножия скал и, по словам Астона, на этом чрезмерном увлечении окончательно снятивший с ума. Однако и его маленький, полуразрушенный домик, превращенный в настоящий склад извлеченных из земли камешков и черепков, находился от меня на столь приличном расстоянии, что и мысли быть не могло о каких-либо более менее частых встречах. Поистине, мне ничего не оставалось, как коротать время либо в полном уединении, либо поневоле привыкать к обществу угрюмого Джонатана, способного свести с ума любого только немислимыми морщинами своего лица.

То единственное, что спасало меня в первые дни пребывания в "Поющем Камне", были именно визиты стряпчего Астона, чье непомерное увлечение безграничными запасами винных погребов давало мне повод частенько оставлять его на ночлег. Однако, словно по воле злого рока, уже через неделю произошло событие, положившее конец его спасительным визитам, и для меня потянулись серые, безликие дни, полные самых смутных и тревожных ожиданий.

В тот памятный вечер я сразу заметил происшедшие в стряпчем странные перемены. Более того, я чувствовал, что

эта наша встреча приобретает некий совершенно иной оттенок, и не ошибся.

— К сожалению, сэр, на сей раз я сильно ограничен в свободном времени, — самым мрачным голосом говорил он, стараясь уйти от моего взгляда, — Нынешний мой визит целиком связан с поручением сэра Роберта, исполнить которое я пообещал именно сегодня, в день, когда исполняется ровно неделя его отсутствия в "Поющем Камне". Сразу позволю заметить, что я ограничусь только фактами и воздержусь от любых комментариев, без которых вы, вероятно, никак не пожелаете меня отпустить. Однако...

— В таком случае, я даю вам слово, что вы не услышите от меня ни одного вопроса, — неуверенно ответил я, начиная подозревать приближение нового наплыва ужаса.

— Благодарю вас, сэр. Итак, я передам вам один небольшой эпизод из жизни вашего брата, имевший место в этих стенах около полугода тому назад. Сэр Роберт принимал тогда в "Поющем Камне" некоего уважаемого джентльмена, являвшегося старым другом и приятелем покойного отца. Как было заведено всегда, сэр Роберт оказал гостю самый радушный и торжественный прием, завершившийся далеко за полночь. Разумеется, самое большое внимание в разговоре было уделено старшему Хугнеру, и вот тут-то ваш брат неожиданно убедился в том, что на протяжении целого часа они делились воспоминаниями, совершенно не понимая друг друга. Именитый гость утверждал, что посещал склеп старика Хугнера в апреле 1891 года, но кто кто, а сэр Роберт лучше любого другого знал, что в указанное время отец был в полном здравии и пребывал в своем родовом имении. Это и есть все то, сэр, о чем я наделен полномочиями вам рассказать.

Я не знаю, где взялись те силы, удержавшие меня тогда от каких-либо вопросов. Вероятно, непостижимый, бредовый характер скудного сообщения стряпчего сверг меня в полное оцепенение, и я, насколько мне помнится, даже не смог противиться его поспешному уходу. Как я уже говорил, это была наша последняя встреча, оставившая у меня на душе очередной отпечаток дьявольского наваждения. Угнетенный собственными мыслями, целых два дня я провел в полном одиночестве и только, когда оно стало окончательно невыносимо, заставил себя кое-как смириться с присутствием старого слуги.

Несмотря на свою отталкивающую, безобразную внешность, как и обещал Роберт Хугнер, Джонатан действитель-

но оказался на редкость преданным и исполнительным слугой, хотя все мои опасения перед ним неумолимо продолжали расти. Я всегда старался держать его в поле зрения, словно он что-то замыслил, и никогда не подходил к нему ближе полудесятка футов. С еще большим пониманием я начинал относиться к странной болезни своего брата, с ужасом замечая, что силы начинали покидать и меня, и я становился все более незащищенным перед этим дряхлым косятым стариком.

Последующие ночи вообще оказались для меня прямым воплощением самых тяжелых моральных испытаний. Как правило, большую часть темного времени суток я проводил, сидя в глубоком кресле, улавливая самые ничтожные шорохи и скрипы. Когда это становилось невыносимым и мое воображение расстраивалось окончательно, я запасался любой толстой книгой и пытался проникнуть в ее смысл до тех самых пор, пока не начинали слипаться веки и я вообще переставал что-либо соображать. Только тогда, погасив не более половины свечей, я с ужасом отправлялся спать.

Днем я частично восстанавливал растроченные силы, отвлекаясь тем, что в сопровождении угрюмого Джонатана кропотливо и дотошно обследовал каждый угол своего нового имения, с каким-то необъяснимым недоверием привыкая к тому, что все это отныне принадлежало мне одному. И вот, когда я уже более-менее стал свободно ориентироваться среди лестничных маршей и коридоров, зная даже местонахождение любой книги в обширной библиотеке, постоянное присутствие слуги все больше вызывало во мне непримиримое раздражение и гнев. С этого времени мои исследования помещений старого поместья проходили в полном одиночестве, но и теперь, когда рядом никого не было, я постоянно чувствовал незримое присутствие отвратительного старика. Я знал, что он находился или на кухне, или в своей тесной комнатке, или где-нибудь еще, однако мое воображение каждый раз рисовало его сгорбленную фигуру, стоящую именно за моей спиной. Когда это стало для меня чуть ли не навязчивой идеей, я после очередных, вошедших в привычку ночных раздумий, наскоро составил письмо Габриелю и вызвал Джонатана, приказав отнести конверт на станцию.

Лишь проклятый старик покинул пределы поместья, как я тотчас почувствовал сладкое избавление от чего-то невероятно тяжелого и неприятного, предвкушая прелесть воцарившегося одиночества. Полная уверенность в том, что на протяжении целых пяти часов я буду здесь совершенно один

внушила мне такую неописуемую радость, что не теряя ни минуты, я, словно на крыльях, устремился в библиотеку, где среди сотен томов старинных книг я уже давно в тайне надеялся отыскать следы отца Роберта Хугнера.

... Я даже не знаю, какая дьявольская сила завела меня тогда в бковую галерею. Стоило мне только переступить высокий порог арочной двери и сделать всего несколько шагов, как пол вдруг стал уходить из-под ног и я устремился куда-то вниз, чувствуя в ушах лишь пронзительный свист и созерцая перед собой непонятные темные полосы. Сильный удар в спину последовал почти незамедлительно, хотя мне показалось, что я успел долететь до самого центра земли. Еще несколько мгновений я решительно ничего не соображал, но стояло мне только прийти в себя, как в висках застучали десятки молотков.

Только в самые мрачные часы темного средневековья кто-либо мог придумать такую адскую западню. Я оказался на дне узкого, довольно глубокого сырого колодца, чьи гладкие, как мрамор, стенки без единой зазоринки исключали любую мыслимую возможность выбраться отсюда без посторонней помощи. Свет проникал сюда через узкую щель на самом верху, через которую была хорошо видна висевшая на расписанном потолке тяжелая люстра.

Даже трудно сейчас поверить, что находясь в этой ловушке, мне как-то удалось сохранить самообладание. Еще и еще раз я тщательно прощупал стены, вновь убедившись в правильности первого предположения. Нет, без помощи Джонатана я не выберусь отсюда никак, но ведь он вернется только через пять часов! Нахлынувшее чувство досады чуть не свело меня с ума. Почти пять долгих, мучительных часов здесь, в сыром, коварном подземелье! А вдруг по дороге со стариком что-то случится и он не вернется никогда? Вот теперь-то я и осознал весь ужас замаячившей на горизонте самой мучительной смерти. Стараясь переключить мысли на иное направление, я стал нервно блуждать по холодному дну колодца, уже не столько думая о том, что ждет меня впереди, сколько стараясь хоть немного согреться.

"Будь я проклят, если это не заколдованный круг!" — вслух размышлял я, увеличивая темп ходьбы. Я готов был побиться об заклад, что не далее как вчера вечером, неоднократно вместе с Джонатаном проходил по этому самому месту совершенно без всякого вреда, даже не подозревая, какая страшная западня затаилась под моими ногами.

Да и вообще, кому понадобилось это дьявольское сооружение, чье предназначение не вызывало никаких сомнений!

С неизвестным раисом отчаянием мои глаза лихорадочно скользили по влажным стенам адского колодца пока не замерли на небольшой щели с решеткой, коверной, о Боже, еще минуту назад здесь не было. Не веря самому себе, я несколько опустился на коленях перед футовым проемом у самого пола и тут же был отброшен назад. За мощной чугушной решеткой, мерцая ужасными глазами, металась исполинских размеров крыса, чья возня вскоре наволнила колодец отвратительным пороком. Совершенно потеряв голову, я подобно мерзким серым тварям забесновался на дне каменной могилы, вскакивая раз стизниваясь с полудюжатами кар кровавых дней глаз.

Несколько согрешившись от постоянной ходьбы, но порядком выбившись из сил, я вскоре обреченно опустился из ледяной волн и, словно вывешенный на лужу голодный волк, мрачно уставился на щель в потолке. Началась немыслимая пытка временем, передать все ужасы которой я просто не могу. В моем незавидном положении даже самого понятия времени уже не существовало и я не знал, как долго находился на дне этой сырой могилы, сколько времени прошло с момента ухода Джонатана и когда он вообще должен вернуться.

Только когда пробивавшийся сверху свет приобрел особенно злоевавший, тусклый оттенок, я понял, что за окнами галереи начинало смеркаться, что вселило в меня не столько надежду скорого освобождения, сколько полное суматошное беспокойство. Я вновь, как попавший в западню дикий зверь, дико заматался по дну проклятого колодца смерти, на мгновения замирая на месте и прислушиваясь к тому, что делалось наверху. Вскоре я убедился, что это было совершенно бессмысленно — сверху на меня давила все та же гробовая тишина.

"Неужели Джонатана еще нет! — пронеслось у меня в голове и я всякий раз опровергал самого себя. — Вряд ли, вероятно, он конечно же вернулся, но отсутствие у старика даже частицы благоразумия и расторопности не позволяют ему заглянуть в боковую галерею".

Неизвестно, сколько бы еще времени я молча впитывал весь ужас своего бедственного положения, если бы не жуткий холод, толкнувший меня на последний отчаянный шаг: напрягшись, я что было силы привялся звать своего слугу. Стены колодца настолько усилили и изменили мой голос, что этот вопль отчаяния, казалось, был достаточно слышен

за десятки миль от "Помощно Камня". На какой-то миг у меня оказались завожыли уши и рот, когда несносное эхо постепенно ушло в небытие, сверху раздался резкий скрип, показавшийся на фоне воцарившейся тишины громким оружейным выстрелом. Невольно подняв голову вверх, я увидел то, о чем всего несколько минут назад даже не помышлял. Предательский хитроумный люк, состоящий из двух половинок, со скрежетом сузились настолько, что стал не шире человеческого тела. О, Боже, что стало твориться у меня на душе, когда я убедился в правильности самых ужасных предположений: щель в потолке колодца с незримостью хода часовых стрелок продолжала становиться все уже и уже, предстал перед мной в самом мрачном виде закрывавшейся крышки гроба. В одно мгновение мое сознание просветлело и я вновь устремил взгляд на массивную решетку, за которой бешеная пляска голодных исполинских крыс приобрела самое отвратительное зрелище. Поистине, теперь только слепой мог не заметить кошмарной закономерности: по мере сужения проема в потолке, вызывавшем наступление полной темноты, неуловимо поднималась решетка у пола, обещавшая вот-вот дать полную свободу свирепым хвостатым бестиям.

Как ни пытался я себя призвать к спокойствию, из этого ничего не получалось. Не переставая содрогаться от неизвестно откуда ворвавшегося зловония, я предпринял несколько судорожных попыток вскарабкаться по совершенно гладким стенам, пока, обессилевший, не рухнул на мокрые камни. Теперь весь ужас уже окончательно притушил сознание близости и неограниченности самой страшной смерти на свете, и когда над потопком что-то негромко зашуршало, и даже не подняла головы. Только после того, как сверху донесся знакомый дребезжающий голос Джонатана, я подскочил с пола так, будто над ним была пороховая бочка.

— Джонатан, где ты... — в бешенстве прокричал я, но тут мой голос оборвался сам по себе.

Я даже не мог предположить, что человеческое обличье способно вызвать в определенных минуты столь слепой страх и невероятное отрицание. Тусклый свет, навадивший на бесчисленные морщины моего нового слуги откуда-то сбоку, превратил его в воплощение самого чудовищного ночного видения. Его глаза, всегда маленькие и прищуренные, теперь странно расширились и испускали злоевавший мерцающий блеск, в один миг отбивший у меня всякое желание наброситься на Джонатана за столь долгое отсутствие.

Да и мог ли я тогда вообще повышать голос, стоя двумя ногами в холодной могиле, и, что называется, находиться под властью страшного старика! Мне даже показалось, что на лице слуги проскальзывает едкая улыбка коварства, однако, в столь стесненном положении, я все же уловил в его слабом голосе нотки искреннего волнения, спасшие меня от полного упадка сил.

— Потерпите еще немного, сэр, сейчас я схожу на чердак за веревкой, — негромко промолвил он, после чего его длинные космы волос перестали заслонять узкий проем в потолке.

Признаюсь, я совершенно не представлял, где в доме находилась подходящая для таких целей веревка, однако мне почему-то показалось, что на сей раз Джонатан ушел навсегда. Моя уверенность в тайном коварстве старого слуги оказалась настолько непреодолимой, что даже когда его лицо, появившееся в проеме при мрачном свете пламени свечи бросило меня в дрожь, я воспринял это не более, как мираж. И только опущенная толстая веревка оказалась тем, что как-то возродило угасшую надежду победы над смертью.

— Привяжите конец веревки к колонне, — уже более живым голосом промолвил я, на мгновение позабыв, где нахожусь.

— Я так и сделал, сэр, можете подниматься.

Очевидно, кроме средневековых пленников святой инквизиции вряд ли кому довелось перенести столько ужасов и пыток, коими страшная судьба наградила меня в этот сумасшедший день. Не имея никакого опыта, я, тем не менее, вскарабкался по спущенной Джонатаном лестнице с завидной ловкостью обезьяны, разумеется, содрав кожу и превратив ладони рук в сплошное кровавое месиво. Впрочем, разве обращал я тогда внимание на эту нечеловеческую боль, если проклятый сырой колодец уже не сдавливал грудь холодным дыханием смерти.

— Мне очень интересно знать, Джонатан, — несколько прийдя в себя, хозяйским тоном заметил я, — как вообще могло случиться так, что я мог оказаться в этой гнусной каменной могиле. Что, хотел бы я знать, вы можете на это сказать?

— Клянусь, сэр, — тихо ответил старик, — до самого сегодняшнего вечера я не знал, что здесь... Я уже не припомню тех случаев, когда мне доводилось ходить по этой самой галерее, по этому месту... Да и сэр Роберт проходил здесь всег-

да, когда направлялся в библиотеку за книгами. Смею заметить, сэр, вы и сами были здесь вчера.

Именно это резонное замечание и остудило мой пыл, как-то сразу развеяв последние искорки подозрительности по отношению к старому Джонатану. Впервые я посмотрел на него с искренней жалостью, ругая себя в душе за то, что ранее относился с такой брезгливостью к старому, доживавшему свой век слуге, чья страшная внешность была, очевидно, прямым следствием прожитых годов, нежели внутреннего сатанинского коварства. Да, он был страшен, на редкость неприятен, но ведь именно он высвободил меня из лап такой мучительной смерти!

— Прошу вас быть осторожным, Джонатан, — мягко проговорил я, не сводя глаз с зиявшей в полу щели, — ради всего святого не подходите так близко к краю. Поверьте, я уж знаю, что это за пытка побывать там.

Между тем, совершенно не реагируя на мое предостережение, слуга все продолжал приближаться к краю колодца, изогнувшись дугой и выставив свой мерзкий горб. Решив, что он престо меня не слышит, я уже собрался одернуть его за руку, но тут пронзительный скрип остановил меня на месте.

Щели в полу больше не существовало, словно все это мне привидилось в кошмарном сне. Под влиянием скрытого в толще древней кладки адского механизма створки люка сомкнулись до того плотно, что даже при помощи увеличительного стекла вряд ли представлялась возможность обнаружить их присутствие. Минуты две я стоял в полном оцепенении, то представляя самого себя на дне колодца в момент погребения живьем, то бросая косые взгляды на согнувшегося Джонатана, в глазах которого вновь замелькали таинственные неприятные огоньки. Больше всего, наверное, я хотел в эту минуту услышать его голос первым, однако, тупо молча, Джонатан как бы испытывал мое терпение.

— Вот что, Джонатан, — наконец с немалым раздражением сказал я, — раз существование чертового колодца неподвластно нашему с вами объяснению, то, я думаю, нам немедленно надлежит сделать все возможное, чтобы впоследствии никто по своей забывчивости и неосторожности не оказался на его дне. У вас, надеюсь, есть ключи от этих дверей.

— Да, сэр, дверь запирается на два хитроумных замка.

— Тем лучше, принесите их сейчас же. Мы запрем дверь и я сохраню ключи у себя чтобы окончательно быть уверен-

ным в том, что никто больше не провалится в этот подземный склеп. Да, и закройте пожалуйста вот это окно.

— Слушаюсь, сэр.

Как всегда, низко склонив голову, Джонатан неторопливой походкой двинулся к окну. Я не знаю, что явилось непосредственной причиной неопределимой скованности и безвольности, которые вновь охватили меня в тот и без того повероятный ужасный вечер. Видя, словно во сне, как дрожащие, слабые ноги слуги ступили на створки предательского люка, я сделал отчаянную попытку рвануться с места, но все оказалось тщетным. Я не мог сделать даже единого шага, лишь чувствуя, как расширялись зрачки моих глаз. Впрочем, уже сейчас я кое-как сообразил, что мое стремление уберечь старика от столь ужасной участи было совершенно излишним: беспешочно пройдя по тому месту, где таился колодец, он подошел к высокому окну и, низко покрывшая, ухватился за бронзовую задвижку.

— Какие будут еще распоряжения, сэр? — закончив с окном спросил он, с явным безразличием отнесясь к тому, с каким онемением я следил за каждым его движением.

Минуты две, если не больше ему пришлось дожидаться ответа, пока я, словно в тумане, искала поглядывая на скрытый в полу незримый люк. "Проклятый дьявольский механизм! — стуча зубами, обращался я к самому себе, невольно подогревая несколько усопшие опасения относительно Джонатана. — Правда, старик был весь высохший, как жердь, но и я ведь не страдал излишним весом. Значит, люк либо должен был выдержать и его, и меня, либо наоборот — поглотить обоих!"

— Вот что, Джонатан, — наконец промолвил я, так ни к чему и не придя, — немедленно закройте эту дверь и принесите ключи в мою комнату. После этого можете отдыхать.

Впервые за все эти гнетущие дни пребывания в "Полощем Камне" я заперся в своей комнате, когда же было еще и десяти вечера. Только сейчас последствия надения на дно колодца наконец дали о себе знать до того опутимо, что мне становилось больно даже прикоснуться спиной к креслу. И все же, физические страдания оказались совершенно несоизмеримы с тем потрясением, громовой тучей обрушившейся на мою голову, когда я в полной мере наконец постиг всю глубину ужаса недавнего происшествия в галерее. Теперь, нервно прохаживаясь по комнате, я невольно стал проявлять невиданную осторожность, с подозрением и страхом присматриваясь к отдельным скрипнувшим половицам и с

трудом разговяя уверенность в том, что и здесь меня поджидала подобная западня. От одной мысли, что мне все же когда-нибудь придется заглянуть в одну из галерей, начинала бить мелкая дрожь, в конце концов заставлявшая меня откупорить бутылку вина.

Вряд ли это было просветление, но вскоре освободившись от хаотических волн жестоких воспоминаний, мое мышление все же приобрело более устойчивый и последовательный характер. Поистине, весь набор ранее известных отрывочных эпизодов, словно сам по себе, превратился в моем воображении в довольно правдоподобную цепочку взаимосвязанных фактов, конечный результат анализа которых буквально ошеломил меня внешней близостью к истине. Мне показалось, что еще одна тайна старого поместья на какое-то мгновение приоткрыла свой непроницаемый занавес, дав мне редкую возможность заглянуть в свое зловещее нутро. Напрягая память, я вновь представил перед собой Роберта Хугнера во время нашего разговора в его кабинете, когда поведав мне загадочную кончину отца, он упомянул о его в высшей степени странных наклонностях и увлечениях.

Итак, целыми днями, а порой и ночами он, казалось, бессмысленно скитался по самым темным местам, не изменяя своей привычке даже в самую неблагоприятную погоду. Что могло его толкнуть на столь явное безрассудство? Теперь, после сегодняшнего ужасного испытания ответ напрашивался сам собой — отец Хугнера чувствовал примерно то, что чувствую я сейчас, подозревая о скрытых в доме дьявольских сооружениях и опасаясь случайно оказаться в одном из них. О, Боже, в одном из них! Тут я съезжился от собственных мыслей. Конечно же, кроме колодца в галерее и доме скрыто еще несколько потайных сатавинских каменных могил, в одну из которых тем памятным вечером и угодил мой несчастный дядя, чей прах до сих пор покоится в толще старинных стен.

От столкновения лицом к лицу с разгадкой тайны исчезновения старого Хугнера у меня перехватило дыхание. Даже здесь, в своей комнате всякий лишшний шаг теперь выглядел для меня равносильным самоубийству: повсюду, и в потолке, и в стенах, и даже в старинных кожаных креслах мне мерещились адские творения, жадущие своего кровавого часа. Мне до боли сдавливало грудь одно припоминание того, как всего несколько дней назад я так беспечно разгуливал по

дому, удовлетворяя любопытство даже в узких лабиринтах мрачного подвала.

Несмотря на растущее, подобно снежному кому, нагромождение ужасных предположений, на какие-то мгновения мое сознание непостижимым образом пробивалось к свету. В одну из таких минут, вновь мысленно обратившись к ночной встрече с Робертом, я неожиданно извлек из полной темноты, казалось, единственный во всей этой истории довод, рушивший ранее созданные мной же самим невероятные картины. Мыслимо ли было, чтобы Хугнеры, строившие для себя фамильное поместье, сознательно предусмотрели в нем тайники смерти, которые впоследствии неумолимо гнали одного из них в горы и в конце концов поглотившие его живьем!

В любой другой обстановке столь явное противоречие, имевшее в своей основе дремучую бессмыслицу, в завершение всего и явилось бы тем свежим потоком воздуха, способным развеять терзания и беспокойство, однако остановить мое охватываемое эйфорией воображение не могло уже ничто. В своих дальнейших рассуждениях я, казалось, превозмогал самого себя.

Дом среди скал хотя и был детищем Хугнеров, они, разумеется, и пальцем не пошевельнули, чтобы положить пусть даже один единственный кирпич. Все работы по возведению поместья проводились непосредственно нанятыми строителями под руководством неизвестного архитектора, который в глубокой тайне от хозяев, ведомый дьявольской волей и соорудил здесь коварные ловушки, о чьем существовании как-то узнал старик Хугнер и стал избегать своего дома. Несмотря на внешне столь странный характер подобного вывода, многолетняя непостижимая тайна семьи Хугнеров, о которой в свое время с таким трепетом упоминал мой отец, как-то сразу сделала мою смелую догадку неподвластной никакому сомнению.

Этой ночью, изнемогая от усталости и напряжения, я лег спать не раздеваясь, еще добрый час изводя себя предполагаемыми мотивами, подтолкнувшими на столь чудовищную выходку рожденного моим воображением таинственного архитектора-иезуита. Так, перескакивая с одной догадки на другую и перебирая в мыслях месть, коварство, умопомешательство и нечто еще более страшное, о чем я даже не решаюсь вспомнить, я вскоре совершенно запутался в диком хаосе полной неизвестности. Мои веки уже начали слипаться и все окружающее постепенно поглощалось сероватой

мглой, как вдруг, перенесясь на многие десятилетия назад, я невольно представил себя стариком Хугнером, почувствовав поистине бешеное желание уединиться в горы, что только и могло спасти меня от участи жертвы дьявольского дома.

На следующее утро, проснувшись довольно рано, я велел слуге отложить завтрак и, нарядившись соответствующим образом, впервые рискнул выйти за пределы поместья. Я всегда был почему-то убежден в своей фатальной невезучести, однако на сей раз судьба, что называется, вышла мне навстречу. Наступил благодатный период теплых солнечных дней, что позволяло мне, покинув дом с восходом солнца, возвращаться самым поздним вечером, когда устрашающе сгущались здешние на редкость колочие сумерки. Вооружившись толстой тростью, я стал бессмысленно скитаться по живописным окрестностям этих невеселых мест, забредая нередко столь далеко, что с трудом поспевал к ужину. Однажды я даже умудрился заблудиться в горах и провел около часа под летним проливным дождем, вымокнув до нитки, но и это маленькое происшествие не наложило ни единого следа на мои продолжавшиеся ежедневные прогулки. Впрочем, в последнее время, уверенно встав двумя ногами на тропу старого Хугнера, я напрочь перестал воспринимать это как лишнюю смысла сумасбродную привычку. Теперь с каждым новым выходом я неотвратимо томился трепетным ожиданием встретить в ходе своих скитаний по горным долинам и безмолвным пустошам нечто такое, что затмило бы собой поющий камень, слугу Джонатана и редкие мучительные воспоминания мисс Дортон, чей совершенно чужой, обезличенный образ в здешней обстановке довольно проворно покидал мои мысли.

Как и следовало ожидать, время явилось самым действенным и целительным лекарством против невероятно жгучего осадка, накопленного с того момента, когда я впервые увидел невеселые постройки своего нового владения. Прошла еще одна неделя и я уже освоился настолько, что перестал замечать присутствие Джонатана, порой испытывая непреодолимое желание посидеть с ним у пылающего камина и просто так поговорить о каких-нибудь пустяках. Все чаще я сталкивался с тем, что мне решительно нечем было заняться и тогда, брав в руки карандаш и бумагу, я подолгу упражнялся в своих архитектурных способностях, создавая самые грандиозные и смелые планы перестройки ветхого дома и вынашивая в тайне идеи обнаружения скрытых в его стенах проклятых пустот. Впрочем, они и были тем единст-

венным, что несмотря на воцарившееся спокойствие и размеренность жизни, все продолжало внушать мне панический ужас. Признаюсь откровенно, более половины помещений первого этажа, куда вели особенно мрачные и узкие коридоры, по-прежнему оставались для меня полностью недоступными, испуская какой-то могильный холод. Однако, если все они за небольшим исключением представляли для моего существования мизерный, ничтожный интерес, то потеря библиотеки действительно была невозможна. Как не велик был мой соблазн окунуться в исследование многочисленных фамильных документов Хугнеров, существование которых не вызывало никаких сомнений, переступить роковой порог мрачной галереи с колодцем оказалось выше моих сил.

По истечении двух недель на фоне постоянных раздумий о скрытых в доме злодейских тайниках, даже поющий камень становился для меня делом ушедшего прошлого и теперь я обращал на него ровно столько внимания, сколько уделял его возвышавшемуся у парадного подъезда огромному старому тополю. Изредка, выходя по вечерам на балкон, я все же мог подолгу восторгаться этим редчайшим величием природы, уже лишенный какого-либо страха и готовый посчитать безумцем того, кто осмелится даже заикнуться о какой-либо исходящей от скалы страшной угрозе. Даже столь болезненные для воображения легенды об испускаемом скалой тяжелом вое, оказавшие на меня в первый день весьма неприятные впечатления, теперь выглядели вздорным вымыслом, порожденным все тем же болезненным восприятием Роберта Хугнера. За все прошедшее время моего пребывания в здешних местах страшная буря дважды, ломая тяжелые ветви, готова была вот-вот вырвать оконные рамы и снести крышу старого дома, однако мифическая поющая скала, как и подобает мертвому камню, не издала ни единого звука.

Единственное, что каким-то образом оказалось незатронутым переменой моих взглядов и образа жизни, оказалась моя страсть к скитаниям по самым глухим и диким окрестностям, отчего со временем я стал получать поистине неподвластное пониманию особое трепетное наслаждение. Как-то раз, решив вновь остаться наедине с нетронутой природой, я вышел чуть ли не с восходом солнца и забрел так далеко, что перестал видеть даже верхушку исполинского поющего камня. Минувя маленький остров редкого леса, я впервые оказался в каком-то страшном, изрытом шрамами

оврагов и возвышенностей месте, где, казалось, поразительно умолкли даже вездесущие птицы. Признаюсь, как ни зловеща была обстановка вокруг "Поющего Камня", но я даже не мог предположить, что меня ждало нечто подобное, настолько здесь все пропиталось мрачным безмолвием. Все четверть часа, проведенные среди огромных валунов и мертвого кустарника, меня не переставала преследовать грусть и необъяснимая тревога. Присматриваясь к каменным глыбам, я все чаще стал угадывать в них то чью-то неестественно вытянутую голову со страшным оскалом зубов, то диковинное существо, приготовившееся к прыжку. Другой раз я с трудом освобождался от уверенности, что здесь я не один, что кто-то незримо наблюдает за каждым моим шагом и даже замечал мелькнувшую среди камней чью-то согнутую фигуру. Конечно, я был более чем уверен, что на самом деле ничего этого не существовало, но по вполне понятным причинам, мои нервы стали заметно сдавать.

Сознание того, какой неблизкий путь предстоит мне назад, окончательно решило дальнейшую судьбу пребывания в царстве мертвых камней, и вот тут-то до меня и донеслись в высшей степени непонятные глухие удары, исходившие откуда-то из-под земли. Только пройдя шагов двадцать и несколько раз с ужасом осмотревшись вокруг, я неожиданно заметил, как из-за крутого склона невысокого холмика вылетали комки серовато-желтой почвы с довольно увесистыми камнями — так, будто там начал свою жизнь настоящий маленький вулкан.

Можно только представить, что должен был испытывать человек с расстроенным воображением, созерцая столь захватывающее зрелище в такой дикой, мертвой глуши. Однако безвольное любопытство — черта, всегда толкающая на безрассудство, беспечность и полнейший абсурд и на этот раз невероятно быстро одержала верх над моими колебаниями. Ощупывая под ногами каждый камень, я почти беззвучно приблизился к краю неглубокого оврага и, мысленно подготовившись к чему-то крайне невероятному, осторожно заглянул вниз.

На самом дне оврага, согнувшись в неестественной позе, копошился странный человечек, столь горячо орудовавший небольшой лопатой, что извлеченная из ямки очередная горсть грунта тотчас хлынула мне в лицо. Вероятно я чем-то выдал свое присутствие, так как незнакомец быстро поднял голову и в один миг оказался на ногах, потеряв при этом свою смешную остроконечную шляпу. Некоторое время мы

безмолвно смотрели друг на друга, пока на лице этого розовощекого маленького старика, похожего на сказочного гнома, не скользнула добродушная, приветливая улыбка.

— Если не ошибаюсь, передо мной сэр Руперт Хугнер, двоюродный брат сэра Роберта и теперешний хозяин "Поющего Камня"! — проговорил он с восторгом, с поразительной быстротой выбравшись из ямы.

— Да, это я, — удивленно пробормотал я, — а вы, очевидно, мистер Хьюз.

— Совершенно верно, сэр, Френсис Хьюз к вашим услугам.

— Что ж, я искренне рад нашему знакомству. Простите меня за недоверчивость и бестолковость, мистер Хьюз, но как вы догадались, что я это именно я, а не кто другой?

— Проще простого, сэр, проще простого. Во-первых, сэр Роберт, с которым я находился в исключительно теплых отношениях, не так давно говорил мне о своем намерении передать в ваше владение имение "Поющий Камень". Ну и во-вторых, — тут мой собеседник как-то зловеще оглянулся вокруг, — в эти бескрайние молчаливые пустоши никогда не забредает посторонний человек. Здесь, сэр, незыблемое господство постоянства и безмолвия.

— И вам никогда не бывает скучно и тягостно? — продолжал я.

— Понимаю вас, — так же добродушно ответил Хьюз. — Видите ли, всякий вновь прибывший в наши края неизменно с грустью и отчаянием воспринимает эти суровые ландшафты, угадывая в них чуть ли не символ угасания всякой жизни. Но для меня лично, сэр, под этими могучими седыми валунами, среди оврагов и холмов, и покоится то, что пробуждает во мне истинную радость существования. В этой земле, сэр, может, прямо у вас под ногами, а может, и чуть дальше, скрыто давно ушедшее прошлое.

Так, совершенно случайно я и познакомился со странным, но бесконечно мягким и добродушным старым археологом, оказавшимся для меня ярким факелом в непроглядной тьме страшной пещеры убийственного одиночества. Как я тогда уже заметил, Френсис Хьюз не менее меня остался доволен нашим неожиданным знакомством, очевидно, даже несмотря на свое увлечение, заметно устав от постоянного многолетнего соседства с гнетущим безмолвием.

Жажда долгожданного, рвущегося наружу общения настолько охватила моего нового знакомого, что в течении целого часа он столь глубоко и захватывающе обрисовывал

мне свои достижения и неудачи в области археологических раскопок, что мне невольно захотелось самому взять в руки лопату и скребок и отправиться на поиски немых свидетель седой старины. Под конец, к полнейшей растерянности я оказался приглашенным на сегодняшний ужин, отказаться от которого меня могло заставить только расстояние между нашими жилищами и то ужасное темное время, когда доведется возвращаться назад. Перед моими глазами вновь поплыли самые зловещие картины, заставившие на какие-то минуты совершенно не слушать стоящего рядом Хьюза. Разумеется, открыто говорить о характере своих опасений мне не позволяло самолюбие, ровно так, как и отвергнуть предложение старика было самой дикой бестактностью. Я даже не смею предположить, чем кончилась бы тогда отчаянная внутренняя борьба, если бы Френсис Хьюз каким-то образом не предугадал то, что меня так волновало.

— Очень прошу не беспокоиться, сэр, — дружески улыбнулся он, поглаживая маленькую неухоженную бородку. — К любому удобному времени я буду в "Поющем Камне" и уж конечно моя двуколка полностью в вашем распоряжении на весь обратный путь.

После того, как я многословно поблагодарил старика и окончательно принял его приглашение на ужин, мы еще довольно долго и оживленно беседовали на самые разносторонние темы, и я наконец получил такое глубокое удовольствие, о котором еще несколько часов назад не смел и мечтать. Ко всему прочему, как мне показалось, археолог знал о Роберте Хугнере и его отце то, чего явно не знали все остальные. Это обстоятельство настолько насторожило и приковало к себе мое внимание, что о чем-то другом я уже не хотел и слышать, пропустив мимо ушей более половины того, о чем говорил мой спутник, когда мы медленно брели по краю глубокого, заполненного желтой водой оврага.

Мы расстались, когда мне оставалось времени только на то, чтобы вернуться домой и привести себя в надлежащий вид. Вскоре, опасаясь заставить Хьюза ждать, я чуть ли не бегом пустился в обратный путь, не особенно утруждая себя обращать внимание на то, что делалось у меня под ногами.

Еще до всего этого, наслушавшись стряпчего Астона, я мысленно уже представлял в какой глуши находилось жилище Френсиса Хьюза, но сейчас, сидя в его допотопной, готовой вот-вот рассыпаться двуколке, мне казалось, что мы стремительно проваливаемся в какую-то мрачную дыру. Сначала мы ехали по весьма живописной, поросшей редким

лесом равнине. Солнце еще вселяло жизнь во все окружающее, а щебет птиц и бесконечные невинные рассуждения археолога напрочь отпугивали все то, что могло вызвать трепетную тревогу. Однако очень скоро всего этого не стало. Солнце предательски ушло за горизонт и теперь выдавало свое жалкое присутствие лишь бордовым заревом, с трудом пробивавшимся сквозь вереницы могучих скал. Голос археолога был слышен все реже и реже и я, также замолчав, с самым угрюмым видом уставился на нависшие над нами громады скал, уже ни на минуту не переставая думать о том, что могло поджидать меня в дьявольской долине на обратном пути.

Я несколько оживился лишь тогда, когда Хьюз заметил, что осталось совсем немного. Весьма проворно управляя двуколкой среди огромных валунов, мы преодолели довольно крутой, извилистый подъем и только тут, в густой пелене надвигавшихся сумерок я и увидел то, что называлось домом Френсиса Хьюза.

Расположенное на каменистом выступе это ужасное, сильно покосившееся над пропастью хрупкое сооружение, казалось, было высечено в скале и больше всего походило на древний, заброшенный склеп. По запущенности внутреннего интерьера почти ничем не отличался от фасада и паутина здесь была столь же привычным явлением, как и букеты цветов в богатых аристократических домах. Единственным местом, более-менее пригодным для обитания, была довольно просторная гостиная, увешанная старыми, потускневшими полотнами, несшими на себе заметный отпечаток копоти фитилей.

Не знаю почему, но вся эта бросавшаяся в глаза убогость обстановки вызвала во мне столь жалостливые чувства по отношению к Хьюзу, что я немедленно решил любой ценой заставить его принять мою помощь. И все же, вынужден признать, скрытый во мне эгоизм сам по себе отодвинул это благое намерение на второй план, заставив в первую очередь видеть в старом археологе лишь того, кто мог бы помочь мне развеять дремучую тайну моего имения.

За весьма приличным ужином, приготовленным глухой служанкой, приходившей сюда за несколько миль, мы, увлеченные друг другом, просидели около трех часов, даже не заметив, как наступила глубокая ночь. Почти все это время Френсис Хьюз настойчиво разъяснял мне исторические достоинства здешних мест, почти уговорив принять совместное участие в поисках каких-то скрытых в земле

фундаментов древнейших времен. Не знаю на чем основывались мои подозрения, но мне вдруг стало казаться, что археолог почему-то сознательно всячески избегал разговора о моем поместье, тем не менее живо, как это проделывал и мой брат, хватаясь за любую постороннюю тему. Немало обозлившись, видя, как уплывала моя последняя надежда, я в конце концов и на этот раз решился на хитрость, как бы случайно повернув беседу именно в то направление, которого так сторонился мой собеседник.

— Я бесконечно горжусь, сэр, тем, что мы с сэром Робертом были самыми добрыми соседями, — после некоторых раздумий сказал Хьюз, — однако не в обиду вам позволю заметить, он никогда всерьез не прислушивался к моим советам и поэтому был обречен на тяжелое заключение в стенах своего дома. Многие, конечно, я понимал, но еще большее оставалось для меня загадкой.

— Бог тому свидетель, мистер Хьюз, наши мысли сходятся в одной точке, — с трепетом продолжал я. — Поверьте, я прожил здесь уже достаточно времени, но до сего момента никак не могу избавиться от странной неуверенности и какой-то тревоги. Даже не знаю, чем все это можно объяснить... Одним словом, вы волей обстоятельств стали тем единственным человеком, с кем я могу быть откровенным до конца. Разумеется, большие надежды я возлагал на обстоятельный разговор с Робертом, но получилось совсем наоборот и теперь даже самая ничтожная мелочь здесь для меня окутана какой-то чудовищной тайной.

— Теперь, кажется, я начинаю все понимать, — громко воскликнул Хьюз, в глазах которого блеснул странный огонек. — Конечно же Роберт Хугнер поделился с вами своими опасениями по поводу столь зловещего соседства с причудливой скалой, не так ли?

— Да, мистер Хьюз, — ответил я, — это одно из того, что заставляет меня ночами ломать голову. Кстати, в немалой степени мой брат был прав. Не знаю, как кто, но я действительно испытал сильный трепет, впервые столкнувшись с покоящейся чуть ли не на волоске каменной громадиной. Зрелище буквально ошеломило меня.

— Вот именно, сэр, вот именно! — торжествующе сказал Хьюз, наполняя мой бокал, — Столь грандиозное, захватывающее творение природы может обдать леденящим ветром душу того, кто видит его в первый раз, но ни в коем случае не того, кто прожил рядом многие годы и имел все возможности убедиться в непоколебимости скалы даже перед са-

мым сильным ураганным ветром. Ни я, ни сэр Роберт в этом не являлись исключением.

Когда до меня наконец дошел смысл последних слов Френсиса Хьюза, я, кажется, сам почувствовал тот леденящий ветер, о котором только что он говорил. Я и раньше часенъко возвращался к сомнениям относительно истинных мотивов отъезда своего брата и только можно себе представить, что почувствовал я сейчас, найдя им полное подтверждение в речах человека, знавшего Роберта Хугнера лучше, чем кто-либо другой.

— Не знаю, прав ли я, мистер Хьюз, — осторожно начал я, — но Роберт во время нашего недолгого знакомства наградил проклятую скалу столь яркими эпитетами, что мне не составляло труда понять его настоящее отношение к такому неприятному соседству. Однако в вашей интонации прослеживаются несколько иные нотки. Не хотите ли вы сказать, что существуют какие-то другие причины, заставившие моего брата передать мне поместье и отправиться к чужим берегам?

— Вы были со мной откровенны, сэр, и я не хочу оставаться в долгу, — после таинственного молчания тихо проговорил археолог, словно желая, чтобы я услышал шелестевший за окнами мелкий дождь. — Все, о чем вы сейчас услышите лично я отношу на счет нездорового воображения сэра Роберта, расстроенного за долгие годы затворнической, лишенной уюта и цели жизни. Ваш брат, должен отметить, действительно очень безразлично воспринимал вой скалы во время сильного ветра, однако поистине невыносимый ужас ему внушало совсем не это., — понизив голос, шептал археолог. — Голубой дракон! Вот в чем кроется загадка, до сего момента, как я понял, с проворством кошки уходившая от вашего понимания. И сейчас, если вы, разумеется не против, я попытаюсь в точности передать вам то, что поведал мне ваш брат несколько месяцев назад, когда мы, как сейчас, сидели вот за этим самым столом.

Словно испытывая мое терпение и нагнетая ужас, Хьюз довольно долго ходил за бутылкой рома, появление на столе которой еще никогда не вызывало во мне такого жгучего желания поскорее наполнить бокалы. Френсис Хьюз все еще медлил со своим намерением ввергнуть меня в дрожь и мне пришлось первым упомянуть бросавшего в жар голубого дракона, уже сейчас начиная испытывать приток ужаса от очередного соприкосновения с тайной дома Хугнеров.

— Как я уже говорил, — неспеша начал Хьюз, раскурив трубку, — ваш брат, как никто другой, был ярким сторонником исключительного уединения и до сих пор непонятно, как случилось, что в "Поющем Камне" оказался гость. Кто был этим таинственным посетителем мне неизвестно, хотя сэр Роберт в нашем разговоре назвал его близким приятелем своего отца и оставил в доме на ночлег. И вот глубокой ночью, уже почти засыпая, сэр Роберт вдруг стал ясно слышать какие-то странные звуки, походившие более всего на близкий приглушенный шепот. Поначалу ему показалось, что виной всему были слабые порывы ветра, заставлявшие трепетать ветви старого тополя, доходившие до окон второго этажа. Решив в конце концов положить конец мучившим его сомнениям, ваш брат встал с постели и распахнул окно, но там к его немалому удивлению стояло безветрие и полнейшая тишина. Между тем, странный шепот как-будто тоже исчез. Постояв немного у окна и окончательно убедившись в безмолвии ветвей, сэр Роберт, посмеиваясь над самим собой, уже готов был вновь прилечь, как вдруг в глубине дома тяжело хлопнула дверь и вслед за этим все содрогнулось от чудовищного истошного вопля. Ваш брат, сэр, в те времена отличавшийся еще довольно крепкими нервами, в один миг оказался в узком коридоре, где горело несколько тусклых светильников. Весь ужас внезапно появившейся перед ним картины я вряд ли смогу передать вам так, как об этом тогда рассказывал сам сэр Роберт.

Он успел сделать только несколько шагов, — продолжал Френсис Хьюз, странно поглядывая на окно за моей спиной, — как дверь соседней комнаты медленно отворилась и оттуда, словно самое кошмарное видение, появилась скрюченная фигура его гостя. Как говорил ваш брат, сэр, в эти страшные, невероятные минуты у него застыло дыхание, Лицо, руки и шея незнакомца были до того изуродованы рваными, кровоточащими шрамами, что несчастный сэр Роберт в первые мгновения его просто не узнал. Гость между тем, ускорив шаг, на какую-то секунду с вышедшими из орбит глазами замер рядом с вашим братом и, невнятно пробормотав только одну простую фразу, резко бросился по галерее. "Голубой дракон!" — это и были последние слова незнакомца. Он тотчас скрылся за поворотом и больше его уже никто не видел. Только на следующий день, несколько оправившись от ночных кошмаров, сэр Роберт самым тщательным образом осмотрел буквально каждый кирпич своего дома, так и не найдя ничего, что хоть в самой малой степени

могло пролить свет на выходящее за пределы здравого смысла ночное происшествие.

Как вы понимаете, сэр, всего этого оказалось достаточно, чтобы лишить вашего брата сна и покоя на долгие времена, и конечно же, постоянное напряжение в ожидании тяжелой неизвестности не могло пройти для него бесследно. Уже чуть спустя мне довелось быть у него в гостях и он поведал мне о том, что по ночам до него нередко доходит трудноразличимый тяжелый стон, источник которого находится как бы в толще каменной кладки дома. Признаюсь, разуверить его в этом было совершенно невозможно. Вот теперь, сэр, вы, надеюсь, поверите, что причина того, что вам так непонятно, упирается далеко не в поющую скалу.

Стоило Хьюзу замолчать, как дрожащими пальцами я невольно потянулся к сигаре. Боже, действительно, какая речь теперь могла вестись о поющей скале! Уже решительно ничего не могло столкнуть меня с уверенности, что археолог только что рассказал мне именно о том странном госте, о котором недавно говорил стряпчий Астон. Незнакомец на самом деле видел могилу живого Хугнера, поведал об этом сэру Роберту и в ту же ночь был растерзан дьявольским голубым драконом, найдя свой конец, разумеется, в одном из коварных колодцев проклятого дома. Теперь даже сотни таких, как Френсис Хьюз не могли убедить меня в том, что я стал жертвой обычного наваждения. От одной этой мысли мой лоб покрылся горячим потом, невыносимо обжигающим пылавшее от ужаса лицо.

— Мне даже трудно что-либо вам сказать, мистер Хьюз, — наконец пробормотал я, думая совсем о другом, — но ведь в доме был еще Джонатан, неужели он ничего не мог..?

— Конечно нет, сэр. По случайному стечению обстоятельств, именно в день приезда гостя сэр Роберт отправил слугу с каким-то поручением в Стерлинг, обязав возвратиться только на следующее утро.

"Случайных стечений обстоятельств в этом адском гнезде не бывает!" — мысленно подумал я, но почему-то решил промолчать.

Закончив свой рассказ, Хьюз, как ни в чем не бывало, наполнил мою опустевшую рюмку и принялся копошиться в зеве угасающего камина.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что целых четверть часа я оставался неподвижным, словно языческий идол, не переставая чувствовать все тот же сильный жар по

всему телу. Не замечая ничего вокруг, я с полным отчаяния видом мрачно уставился на маленькое пламя свечи, все более узнавая в нем призрачную огненную пасть голубого дракона, незримое кошмарное присутствие которого чувствовалось даже здесь. Мобилизовав все возможные усилия, я навивно пытался скрыть весь ужас своего внутреннего состояния, однако из этого ничего не вышло.

Еще довольно долго, угадав мое настроение, старый археолог пытался успокоить меня, словно маленького ребенка, после чего из тех же побуждений перешел на какие-то пикантные истории, но теперь зловещий голубой дракон столь прочно засел в моем сознании, что изгнать его оттуда оказалось не под силу даже необычайно говорливому и веселому Хьюзу. Я оказался окончательно ошеломлен и поражен тому, как все только что услышанное непостижимо укладывалось в рамки моих прежних размышлений, подкрепленных ко всему вполне реальным падением на дно дьявольского колодца. Как бы я ни хотел, а ведь он то и был именно тем, что выбивало почву из-под ног любого, кто решился бы назвать все это сном, винным бредом или абсурдной фантазией.

Скажу откровенно, проклятый колодец стоял у меня тогда перед глазами особенно ясно и все же рассказать о своем недавнем приключении я не решился из-за боязни окончательно все обратить в полнейший абсурд. Неужели мне, вполне современному человеку, лишенному всяких предсудков теперь предстояло пересечь границу совершенно другой жизни и начать мыслить категориями того, что никак не укладывалось в здоровом мозгу по причине своей беспросветной бессмыслицы!

На какие-то мгновения мое отношение ко всем этим происшествиям довольно близко подходило к позиции Френсиса Хьюза, чей спокойный и размеренный тон только сейчас перестал выводить меня из себя.

— Уже в первый час моей встречи с Робертом, — осторожно начал я — меня, признаться, немало озадачили и удивили его странные высказывания. Клянусь вам, мистер Хьюз, если бы предомной был кто-то другой, я тотчас заподозрил бы у него душевное расстройство, поскольку...

— Нет, нет, сэр! — решительно запротестовал археолог, искоса поглядывая на пустующие рюмки, — здесь все далеко не так просто, как вы себе это представляете, и сейчас я попробую вам объяснить почему.

С заметным удовольствием Френсис Хьюз набил свою странную трубку и продолжал:

— Здешняя обстановка, сэр, как бы состоит из трех постоянных элементов: одиночества, неизбежного безмолвия и мертвых каменных глыб, придающих ландшафту в целом, как вы заметили, чуть ли не вневременной вид. И вот все это вместе взятое, накапливаемое с годами и откладываемое в ларец воображения, в какую-то минуту начинает пленять сознание и человек перестает воспринимать мир таким, как он есть. Более того, перед ним проносятся фантастические картины, которые его разум поглощает как нечто реальное и, поверьте, уже никто и ничто не в силах убедить его в обратном. Чтобы не судить предвзято и быть объективным до конца, я сейчас позволю себе рассказать вам один весьма примечательный эпизод своей жизни, происшедший со мной тогда, когда я находился под достаточно сильным впечатлением известного вам ночного ужаса в доме сэра Роберта.

Как-то раз, обследуя овраги в районе ручья — там, скажу вам, весьма примечательные места с точки зрения моего занятия — я настолько ушел в работу, что совершенно не заметил, как подступили сумерки. Поскольку ничего неприятного и уж конечно тревожного в этом не было, я не стал особенно торопиться, тем более, что расстояние до дома не превышало и двух миль. И вот, сэр, когда я уже начал складывать свой инструмент, где-то совсем рядом хрустнул камешек, так, будто на него кто-то неосторожно наступил. Естественно, я огляделся вокруг, но так никого и не обнаружив, продолжал приготовление к возвращению. Второй подобный звук, гораздо более громкий, чем первый, я услышал уже по дороге домой, что, признаюсь, вызвало некоторую обеспокоенную настороженность. Я тотчас сбавил ход и теперь стал внимательно прислушиваться к каждому своему шагу. И что вы думаете — результат не заставил себя ждать. Донесся новый хруст, я резко обернулся назад и тут заметил, как чья-то сгорбленная фигура в странной широкополой шляпе мелькнула за огромным валуном. Та отчетливость, с которой я видел незнакомого человека невольно рассеивала любые сомнения, что, в свою очередь, породило в моей душе какую-то неопределенную тревогу. Действительно, кто мог преследовать меня с настойчивостью вампира поздним вечером, да еще среди этих мертвых пустошей, где кроме сэра Роберта и его слуги на многие мили не было ни единой живой души!

— Вы говорите сгорбленная фигура в широкополой шляпе! — невольно воскликнул я, с ужасом вспоминая то, что я наблюдал из окна. — Что же было дальше, мистер Хьюз?

Археолог, как я заметил, только мягко улыбнулся.

— Под монотонный, невыносимый гул в голове, всеми силами заставляя себя не оглядываться, я наконец добрался до большой группы камней. К этому времени таинственный преследователь перестал подавать всякие признаки своего близкого присутствия, но, как вы понимаете, я просто в это уже не верил. Именно данное обстоятельство, а также то, что до дома оставалось совсем немного, вероятно, придало мне утраченное любопытство и выбрав удачный момент, я спрятался за одним из валунов. Мой настойчивый незнакомец, по всей видимости, сделал то же самое, однако неосторожность тотчас выдала его с головой. Возле одного камня я даже в темноте различил его руку и плечо...

В моем возрасте, сэр, это выглядит явно неправдоподобно, и тем не менее, расстояние от камней до дома я покрыл со скоростью хорошо тренированного охотничьего пса. Забежав к себе, и заперев на обе задвижки входную дверь, я затаился в самом дальнем углу этой самой гостиной, не отводя глаз от незащторенного окна, куда уже зловеще струился свет полной луны. Вновь последовавший знакомый звук за стенами дома вызвал у меня новый приток страха — казалось, я готов был проникнуть в самую узкую щель, лишь бы только ничего не видеть. Какое-то мгновение мой взгляд блуждал по темному помещению в поисках более надежного убежища и когда он вновь вернулся к окну, у меня застыли веки. Через стекло в гостиную заглядывало искаженное невероятной гримасой человеческое лицо, чьи черты даже в столь умопомрачительной обстановке показались мне паразитительно знакомыми.

— Неужели Роберт Хугнер! — процедил я, перестав чувствовать головокружение от необычайно крепкого рома.

— Нет, сэр. Даже столь странное появление вашего уважаемого брата никогда не вызвало бы у меня на душе и в мыслях то, что довелось мне пережить в ту так запомнившуюся ночь. По ту сторону окна в гостиную смотрело застывшее искривленное обличие отца сэра Роберта, чья душа уже давно покинула этот мир.

В моей жизни, даже в самые беспокойные ее отрезки, спиртное неизменно занимало одно из последних мест, но теперь я поневоле был бесконечно благодарен крепчайшему американскому рому, сумевшему спасти меня от доброй по-

ловины эмоций самого непредсказуемого характера. Можно только представить, да и то с трудом, какими глазами я стал смотреть на все после исповеди старого археолога, окончательно подорвавшей во мне веру в то, что я пребывал на земле людей. Между тем, закончив рассказ о своих леденящих душу похождениях, Френсис Хьюз вновь заговорил о каких-то острых расстройствах восприятия, даже не подозревая, что я его совершенно не слушал, томясь только единственным желанием броситься куда угодно, лишь бы ни минуты не оставаться в этих проклятых краях.

— Значит, мой брат видел то, чего на самом деле не было, — самым мрачным тоном проговорил я, — что ж, сверхъестественный характер описанных им картин прямо внушает именно эту мысль, если бы... если бы я не был убежден в обратном. Скажите, мистер Хьюз, вы знали, что в "Поющем Камне" при Роберте была замечательная кукла, чье предназначение, признаюсь...

— О, я вижу вы более осведомлены, чем я думал, сэр, — прервал меня археолог, пронзая пытливым, недоверчивым взглядом. — Джозефина была самой неприступной тайной вашего брата и, простите, я не смею касаться этой темы даже в разговоре с вами. Поверьте, я очень и очень сожалею, но поделать ничего не могу.

— Как ни печально, я не смею настаивать, — недовольно сказал я, — и все же, мистер Хьюз, я позволю себе задать вам только один вопрос. В чем, по вашему мнению, крылась истинная причина появления в доме Джозефины?

— Боюсь, сэр, мне придется повторяться, — задумчиво ответил Хьюз, тщетно раскуривая погасшую трубку. — Только полное одиночество, окруженное со всех сторон каменными пустошами, подточило душу вашего брата, заставив искать спасения в объятиях этой необычной куклы.

И тут я чуть не взорвался. Я мог вполне предположить, что из меня настойчиво делали дурака изворотливый Астон или помутившийся рассудком Роберт Хугнер, но чтобы этим занимался еще и Хьюз! Боже мой, с какой явной интонацией он выделил слово кукла и как обожгло мне это сердце, если я лично в полном сознании слышал тот истошный вопль из камина, видел, как нежная кожа Джозефины покрывалась страшными волдырями, когда дикое пламя с воем охватило ее красивую фигуру. И все же я смолчал, смолчал, обессиленный тем ужасом, который таился здесь, казалась, за каждым углом.

К моему несчастью вскоре неожиданно зарядил сильный

дождь и нам пришлось еще довольно долго просидеть в гостинице, питая сомнительную надежду, что стихия все же утихнет. Во время всего столь неутешительного и мрачного завершения нашей первой встречи с археологом, очевидно, заметив во мне крайнюю растерянность, Хьюз неоднократно дружески намекал на предпочтительность откупоривания новой бутылки чего-то более легкого, чем ром, но я с самого порога бесповоротно отклонял все его предложения. Клянусь честью, умолчал бы он о своих приключениях среди камней, я без сомнения согласился бы даже заночевать в его неухоженной, покосившейся лачуге, однако теперь появившийся на моем горизонте призрак старого Хугнера вдруг окрасил гостиницу, да и весь дом в столь зловещие тона, что дальнейшее мое пребывание здесь становилось просто невыносимым.

Вопреки всем нашим предположениям, дождь вскоре почти прекратился и вслед за этим последовала, вероятно, самая ужасная за всю мою жизнь поездка в кромешной тьме. Мало того, что я мог только предполагать, что творилось вокруг, так еще проклятый ветер, обрушившись на землю с бешеным голодным зверем, достиг такой мощи, что порой невозможно становилось дышать. Даже теплая накидка, любезно предоставленная стариком археологом, так и не смогла защитить меня от озноба и прохлады.

Должен отдать должное внешне спокойному Хьюзу — обратный путь, несмотря на все вызванные непогодой трудности, занял совсем немного времени, и все же, когда я переступил порог "Поющего Камня", часы в холле показывали начало третьего ночи. Промозглый ветер, мрак и холод оставались позади, но здесь, встретив угрюмого слугу, о котором по милости Хьюза как-то совершенно забыл, я ощутил еще большую дрожь и отчаяние, чем в поездке под гнетущим куполом грязно-черного неба.

Как-то совсем по-новому смотрел я после встречи с археологом на потускневшую отделку стен и старинную утварь своей незавидной обители. Теперь все, что я видел, превратилось в немых коварных созерцателей или даже участников давно разыгравшейся здесь страшной трагедии, затившихся на время в ожидании новых кровавых оргий. Что же касалось Джонатана, то из спасителя он вновь предстал перед мной в облике лукавого дьявола, способного в этот поздний час лишь на злодеяния и коварство. Не желая далее разделять его присутствие, я тотчас отправил слугу спать, а сам, преодолевая довольно внушительное внутреннее сопро-

тивление, пошел к себе, всю дорогу не переставая представлять в какой же из комнат много времени спустя останавливался таинственный гость моего страшного брата. Вот так, поднявшись на второй этаж, и терзаемый тем же самым вопросом, с самыми туманными намерениями я заглянул в первую же дверь.

В этой комнате, несмотря на тяготеющую надо мной опасность стать жертвой какой-нибудь хитроумной западни, мне доводилось уже бывать около десятка раз, но как и раньше, так и сейчас даже при самом безудержном желании здесь просто невозможно было отыскать даже признаки чего-то из ряда вон выходящего. Тут был такой же сводчатый потолок, необычайно узкие, высокие окна и резная мебельная утварь, представляющая собой удивительно пестрое сочетание самых разных стилей и эпох. Одна из глухих стен была настоящим шедевром средневекового оружейного мастерства, переливаясь в свете фонаря суровыми отблесками дорогих доспехов, мечей и кинжалов. В нескольких футах от изголовья старинной широкой кровати, чуть ближе к окну раскинул свои густые ветви пышный декоративный куст, создающий здесь мягкий уют и полностью лишая помеще-ние мрачных оттенков. Еще раз осмотрев комнату, я закрыл за собой дверь и неспеша побрел дальше по коридору.

"Итак, — по дороге размышляя я, вновь начиная чувствовать обманчивую бодрость от выпитого у археолога рома, — Роберт проявил поразительное усердие, чтобы затуманить мое сознание чертовым поющим камнем, будь он проклят, только лишь затем, чтобы избежать откровенных разговоров о совершенно других, еще более зловещих вещах, происходящих наяву в оставленном мне поместье. Да и почему, черт возьми, он доверительно рассказывает обо всем какому-то Хьюзу, который, в свою очередь, словно на что-то рассчитывая, начинает мне излагать явную несусветную ерунду — голубой дракон, призрак давно умершего старого Хугнера, таинственный ночной гость!

Вновь нахлынувшее предположение, что из меня кто-то настойчиво делал дурака на некоторое время затмило собой даже не лишенный оснований страх перед темными коридорами и сводчатыми залами. Выкурив по дороге половину сигары и уже чуть ли не падая от усталости с ног, я наконец отправился спать, туманно рисуя перед собой самый хитроумные формы допроса, которому мне внезапно пришла в голову мысль подвергнуть завтрашним утром своего нового слугу.

Удобная теплая постель после ночного холода, ужасной дороги и массы впечатлений от встречи с Хьюзом была для меня в тот день верхом самого сладостного блаженства. Довольно скоро я стал медленно погружаться в сон, начиная уже слабо реагировать на потрескивание ветвей тополя под порывами внезапно возобновившегося ветра. Поначалу свирепствовавший с довольно длительными перерывами, он в скором времени стал дуть единым долгим порывом, постепенно вообще перейдя в странный свист, слышать который мне не доводилось даже во время жизни на самом берегу моря.

Поневоле открыл глаза, и уставившись в потолок, я слушал всю эту серенаду без единого движения до тех пор, пока свист, приобретающий уже довольно тяжелые тона, не стал столь громким и навязчивым, что я уже не мог не думать о поющей скале. Признаюсь, будучи немало наслышан о ее невероятном голосе, я испытал сначала некоторое разочарование, ожидая от каменной громадины нечто более грозное и захватывающее. И тут, стоило только подумать о скале, как стены дома тотчас содрогнулись от немыслимо тяжелого гула, словно рядом пробудился огнедышащий очаг сильного землетрясения. Ошеломленный, впад в настоящий панический ужас, я машинально закрыл ладонями уши. На первых порах это чуть помогло, но уже минутой спустя даже накрывшись подушкой я не мог спрятаться от ужасающего рева, который, словно исполинский сказочный дракон, незримо господствовал во всех уголках моего дома. Поистине, вряд ли в природе вообще могло существовать нечто подобное, способное издать столь чудовищный звук, нарастающий порой до такой силы, что приходила в движение даже тяжелая восточная ваза на бамбуковой этажерке. Зная, что окна спальни выходят как раз на таинственную каменную глыбу, в ту ночь я тем не менее не решился приблизиться к шторам ни на шаг, предполагая самое худшее, что может представиться моему взору. До самого утра я не мог расстаться с жуткой предполагаемой картиной того, как в ночной мгле, под вой исполинского камня треснувшая земля поглощала бездонным зевом рухнувшие скалы. Невольно еще и еще раз я вспоминал своего брата и ту дурацкую иронию, с которой я слушал, как с затаенным дыханием он описывал мне все ужасы буйства поющей скалы. Я мог предположить тогда что угодно, но только не этот сокрушающий землю гул, способный подорвать нервы даже у каменного изваяния.

К моему облегчению невыносимый концерт продолжался

совсем недолго и буквально вслед за этим пришло могильное безмолвие — я даже слышал, как внизу прерывисто похрапывал старый Джонатан, чья комната была как раз под моими покоями. Вскоре поняв, что и воцарившаяся тишина никак не способствовала сну, я вознамерился выкурить сигару, успев, впрочем, только свесить ноги с постели. Именно сейчас я убедился, что совершенно зря уповал на впечатления и расстроенный слух и откуда-то действительно доносилось чье-то чаще хрипкое дыхание, переходящее время от времени в чуть уловимый тяжелый стон. Когда же к нему вдруг добавилось нечто еще более странное, походившее одновременно на приглушенный шепот и шелест листвы, моему терпению пришел конец. Я впал именно в то состояние слепой решимости, которое нередко бросает на путь настоящего безумия и абсурда, неотвратимо приводящих к самым печальным результатам. И вот, наспех набросив одежду, все еще ослепленный соблазном развенчать жгучую тайну своего дома, я направил стопы к комнате Джонатана, вознамерившись покончить со всем этим не дожидаясь утра.

Добротные толстые ковры позволили мне приблизиться к комнате слуги без единого заметного шума, но как оказалось, эти меры были лишены какого-либо смысла. Сквозь небольшую щель в дверном проеме я увидел, что Джонатан мирно спал на своей покосившейся от времени дубовой кровати, не издавая во сне ни единого звука. Между тем, пока я, словно какой-то злоумышленник, прятался у двери его комнаты, зловеющий шепот, сопровождаемый все теми же тяжелыми стонами возобновился вновь, исходя, как мне показалось, теперь откуда-то сверху. Еще раз взглянув на спящего слугу и еще раз убедившись, что он был не при чем, я не стал его будить и уже с заметно схлынувшей решительностью поднялся на второй этаж один. Здесь шторы и шуршавшие стали еще слабее и все же, несмотря на волнение и усталость, я как-то заставил себя осмотреть все без исключения помещения правого крыла, на что ушло не менее часа. Хотя я и проявил тогда поразительное мужество и настойчивость, что было в тех условиях довольно непросто, таинственный источник странных звуков так и остался для меня недостижимым. Поистине, от этого можно было просто сойти с ума — казалось, сами стены издавали эти отвратительные стоны.

Либо я просто привык, либо так и было на самом деле, но звуки вскоре прекратились и тогда, еще раз взглянув в лицо отчаянию, я медленно побрел в спальню, даже не заметив, как за окнами дома веселая утренняя заря уже пробуж-

дала от беспокойной ночной спячки дремлющие скалы. Мои нервы за проклятую ночь были истощены до такого предела, что проснулся я только около шести вечера, ко всему с немалым трудом поднявшись с постели. Я не помню именно какие видения пронеслись в моей голове, но уверен, что это было нечто приятное, ибо увидев перед собой Джонатана и столкнувшись с реальностью своего настоящего бытия, я чуть было не взвыл от досады. Старик всегда страшил меня своей нечеловеческой внешностью, но этим вечером он приобрел окончательно сатанинский вид. Я даже старался не поднимать глаз, чтобы не видеть его серого уставшего лица с совершенно неестественными синими пятнами под глазами, словно, не я, а он провел сегодня полную ужаса ночь.

Смирившись с судьбой только после бокала легкого вина, я случайно вспомнил о вчерашнем намерении серьезно поговорить со слугой и робко велел ему остаться, стал отчаянно раздумывать над тем, с чего лучше начать. И тут, как и ранее предполагал, я вновь оказался совершенно бессильным перед этим дремучим стариком. Будь сейчас напротив меня кто-либо иной, я, долго не раздумывая, дал бы волю всему каскаду накипевших гневных чувств, но стоило мне только мельком взглянуть на эту сгорбленную фигуру, морщинистое лицо и ужасные космы длинных синих волос, как я буквально проглотил язык.

— Скажите, Джонатан, — наконец собравшись с мыслями, выпалил я, — в котором часу вы сегодня уснули?

— Поздно, сэр. В мои годы все стараются меньше предаваться сну, продлевая таким образом себе жизнь.

— И все же? — уже настойчиво повторил я.

— После половины третьего ночи, сэр, когда под натиском ветра запело каменное чудовище.

— Признаю, его голосовые упражнения некоторое время и меня лишали сна, — тут я неожиданно запнулся, — однако, Джонатан, были этой ночью еще и другие звуки, куда более неприятные, чем вой камня. Вы случайно ничего не слышали? Я имею в виду не настоящее время, а, скажем, год-два назад.

— Ни раньше, ни вчера я ничего такого не слышал. Простите меня, сэр, очевидно вам просто показалось, — уверенно произнес — Джонатан своим сильным голосом. — Иной раз невероятные порывы здешнего ветра могут вызвать и не такие звуки.

— И тем не менее это был не ветер, — с отчаянием вслух

подумал я, и закулив сигару, посчитал дальнейший разговор с Джонатаном бессмысленным.

Подойдя к окну, я облокотился на подоконник и мрачно устремил свой взгляд на поющий камень, весьма весело поблескивающий на солнце так, будто в нем играли бесчисленными гранями тысячи изумрудов.

Итак, столь заманчивая недавняя надежда вызвать на откровение седовласого Джонатана рассыпалась, словно разбитый хрусталь. Еще вчера я так долго и мучительно продумывал самые заковыристые вопросы и вот сегодня мне достаточно было только услышать его голос, как все мои намерения и желания превратились в ничто.

"Впрочем, вполне возможно, что старик и прав, — продолжал я невеселые размышления, застыв у распахнутого окна. — Если я не смог отыскать источник странных шорохов, значит он находился явно где-то вне дома, а если так, то причиной всему действительно могла быть злоеущая игра разбушевавшегося ветра с ветвями скрипучего тополя, кое-где заглядывающих в окна и теребивших карнизы."

Эта мысль показалась мне довольно убедительной и несколько снизила накал эмоций, хотя, должен признать, до полного согласия с ней было еще достаточно далеко. Вновь и вновь возвращался я к признанию археолога Хьюза, не переставая слышать леденящую душу фразу. Голубой дракон! Сам Френсис Хьюз раза четыре за отнюдь не продолжительное время нашей первой встречи намекал на какое-то нарушение восприятия, но разве мог я целиком разделить его сомнительную теорию, если и при мне в старом поместье происходило такое, отчего стыла в жилах кровь. Право же, чем больше я старался думать над неразрешимой тайной, мучительно силясь представить дьявольское создание, изуродовавшее гостя Роберта, словно когти матерого зверя, злоеущий образ слуги Джонатана с его заостренным носом и подбородком, впавшими глазами и космами длинных волос возвращался ко мне с неотвратимостью бумеранга. Как я уже упоминал, мне никогда в жизни не доводилось видеть столь страшного старика, лишённого всего человеческого и земного и, казалось, созданного лишь для вечных злодеяний и черных пороков. Здесь, в диких, глухих местах, под мрачными старинными сводами коридоров и галерей он выглядел фантастическим кровожадным колдуном, убивавшим жертву только одним своим голосом. Однако, как бы я того не хотел, но полная непричастность слуги к ночным кошмарным стенам была бесспорно установлена мной же са-

лишь бы не думать о том, что так мучило меня еще во время вынужденного изучения пыльного семейного архива. Мисс Дортон... Наверное, одному только ее имени я обязан тем, что здесь, в грозном имении, совершенно один я до сих пор как-то сдерживал сумасшедший натиск сплошной неизвестности, продолжая оставаться тем, кем я был. Дорогой образ юной леди, посещавший меня время от времени, превращал все то, что происходило в мрачном доме в некую необходимую преграду, преодоление которой только и открывало мне светлую дорогу к ее сердцу. Поистине, нагромождение всяческих ужасов в этих гиблых местах делали момент моего возвращения столь божественно сладким, что у меня перехватывало дыхание. И все же, я вынужден признаться, далеко не только это столь упорно удерживало меня под сводами проклятого дома. Опасаясь того, что по возвращении домой я столкнусь лицом к лицу с полнейшим крахом всех своих надежд, живительным ручьем питавших всю мою сегодняшнюю жизнь, я жестоко гасил в себе любые помыслы о ближайшем отъезде. Сейчас, пребывая в туманном мире ужасов и переживаний, я хорошо сознавал, что в любую минуту мог бросить старое поместье и, уехав отсюда навсегда, оставить от него лишь жалкие воспоминания. Однако стоило только представить, что гордая мисс Дортон никогда не будет принадлежать мне, как любая мысль о возвращении в Лондон становилась чудовищным абсурдом. В этом случае я уже никогда не смогу ходить по знакомым улочкам своего города и, словно злодею, спасаясь от солнечных лучей, мне ничего не остается, как опять бежать сюда, под Стерлинг, где живо похоронить себя в подвалах старого дома.

Подобные наплывы отчаяния чуть было не обратили меня в сумасшедшего, и тем не менее, выход из этого невероятного положения я все же нашел. Наверное, всего год назад перечитывая любимого Сервантеса, я не переставал давать диву той наивности и шутливости, с которыми легендарный рыцарь Печального Образа затевал свои сумасбродные походы. Я просто не мог сдерживать улыбки, листая главы о его верности Дульсине, в душе посмеиваясь над тем, как можно вообще пускаться на столь рискованные дела, питая поддержку лишь от мысленного присутствия той, которой на самом деле просто не существует. Я почти уверен, что существование подобной веры как источника жизненных сил, до последних своих дней оставалось бы для меня пустой фикцией, если бы в тот вечер, затаившись словно мышь в своей комнате, я сам невольно не оказался бы на этом пути.

Перестав изводить себя возможными последствиями своей безответной любви, я вдруг стал воспринимать милую мисс Дортон как некий надсознательный, незыблемый символ, ради которого во что бы то ни стало я должен раскрыть тайну заброшенного среди пустошей и холмов старинного поместья.

Внезапно нахлынувшее романтическое настроение, весьма непозволительное для моего возраста, как и следовало ожидать, заметно остыло с наступлением глубокой ночи. Переживания и чувства как-то сами собой отошли на задний план, и я вновь вернулся к реалиям своего настоящего существования, пытаясь сделать хоть самые вялые наброски плана на следующие дни. Только одно, постигнутое в ходе тернистых размышлений оставалось для меня неизменным — стремление любой ценой добраться к самому сердцу дремучей тайны дома Хугнеров. О, Боже, к чему привело это безрассудство я до сих пор не могу вспоминать без содроганий, так и не преодолев того страшного душевного опустошения, которым я сам наказал себя неизвестно ради чего.

Вот так, проведя очередную беспокойную ночь, счет которым был уже давно потерян, уже на следующее утро я приступил к осуществлению своего бросавшего в дрожь замысла, избрав для начала негласное наблюдение за старым слугой.

Почти все свое свободное время, а его у Джонатана, благодаря моему нежеланию видеть его было предостаточно, он проводил в своей тесной комнатке, предаваясь там тому, о чем я даже не мог предполагать. Решив, что с этого нужно и начинать, я около шести вечера вознамерился восполнить столь терзаемый меня пробел. Выждав в охотничьей комнате около часа с того момента, как слуга был отпущен отдыхать, я, надев мягкую обувь и вооружившись на всякий случай тяжелым хлыстом, осторожно спустился на первый этаж. Как и в первый раз, дверь комнаты Джонатана оказалась приоткрытой, что избавило меня от целой массы догадок, как заглянуть внутрь. Прижавшись к стене так, что чуть было не упала висевшая тут картина в тяжелой раме, я одним глазом заглянул в проем.

Старый слуга сидел ко мне спиной в кожаном кресле, подвинутом к окну так, что я видел только его страшную голубовато-сизую голову. Определить спал ли он, или просто смотрел в окно, с порога двери не представлялось никакой возможности, и все же, почему-то надеясь что обязательно

вскоре что-то должно измениться, я решил оставаться и ждать.

Ни разу за все время не шелохнувшись, Джонатан просидел так, пока у меня не стали ныть ноги. Не в силах больше терпеть, но тем не менее не собираясь уходить, я осторожно перешел ко второй створке двери, случайно умудрившись задеть хлыстом фигурную ручку. Лязг получился весьма громкий, однако и на этот раз Джонатан даже не повел головой.

"Неужели чертов старик вообще ничего не слышит? — подумал я, не отводя глаз от его мерзких синих волос, — а может быть он прекрасно знает о моем присутствии и просто затаился!"

Мне крайне тяжело в этом признаться, но если я взялся в целом за всю эту ужасную историю, опустить данный эпизод я не имею никакого права. Не переставая смотреть на невысокую спинку кресла и смешно торчавшую над ней голову старика, в меня вдруг вселился сам дьявол — я стал подумывать о том, как незаметно подкравшись к креслу сзади, одним ударом проломить Джонатану голову тяжелым охотничьим хлыстом, навсегда после этого избавившись от терзавшего сознание призрака голубого дракона. Еще немного и готовые разорваться от невероятного напряжения нервы уже толкнули бы меня на первый шаг к чудовищному злодеянию, как тут по дому пронесся хорошо мне знакомый тяжелый стон, поразивший еще более неприятным тембром. Он был настолько громким и отчетливым, что не слышать его Джонатан просто не мог, и все же слуга даже не шелохнулся.

Застыв в ожидании очередного завывания, я как-то совершенно упустил из виду тот момент, когда Джонатан, оказавшись на ногах, уже двигался к двери так, что я еле успел укрыться за тумбой с вазами. Он прошел мимо меня совсем рядом, даже, казалось, посмотрел в мою сторону, и я просто до сих пор не могу понять, как он не заметил за собой слежку. Только выйдя в коридор, он стал довольно подозрительно оглядываться по сторонам, остановившись на последней ступеньке крутой, скрипучей лестницы, ведущей в подвал. Не имея возможности приблизиться к перилам из-за боязни быть замеченным, на какой-то миг я отвлекся в поисках другого выхода, а когда поднял глаза старика на месте уже не было. Преодолев смятение и растерянность, я бросился к двери, на которую так упорно смотрел Джонатан, но и за ней было пусто. Спрятаться здесь было решительно негде — слу-

га, словно прошел сквозь толстые стены. Мои глаза бешено заметались вокруг, пока я не вспомнил, что совсем рядом, за углом проема есть еще одна дверь, ведущая в винный погреб. Недолго колеблясь, я тотчас направил свои стопы туда и вскоре увидел Джонатана, с величайшим вниманием наполнявшего небольшую кувшин вином из бочки, где по рассказам Роберта Хугнера, хранилось самое старое вино. То, что в тайне старый слуга наслаждался самым дорогим хозяйским запасом было мне довольно неприятно, но все же кое-как я заставил себя погасить чувство гнева, твердо решив для начала проследить, что последует за всем этим. Джонатан, между тем, плотно сжимая в костлявых руках кувшин с вином, так же медленно покинул подвал и стал подниматься по лестнице наверх. Разумеется, он направлялся к себе в комнату, но можно только представить мое удивление, когда миновав еще один лестничный марш, он поднялся на второй этаж и вскоре, также ни разу не обернувшись, скрылся в дверях комнаты со средневековыми доспехами. Теперь меня удержать уже не могло ничто, даже чувство нарастающей тревоги настолько притупилось в моем сознании, что я без раздумий с силой рванул на себя ручку двери, распахнувшейся без единого звука.

"Да ведь здесь настоящее логово безумцев!" — чуть не вслух воскликнул я, с дрожью в конечностях наблюдая, как Джонатан поливает из кувшина вином огромный пушистый куст. Словно боясь лютой проказы, я изо всех сил бросился в свою комнату, где не менее десяти раз измерив ее шагами, с биением сердца стал отчаянно трясти звонком.

К моему невероятному изумлению не прошло и минуты, как Джонатан уже стоял на пороге моей комнаты, невозмутимо наблюдая за тем, как я нервно поигрывал увесистой тростью.

— Скажите на милость, Джонатан, где вы изволили только что быть? — не скрывая раздражения процедил я грозно, пыгливо смотря слуге в глаза.

— В подвале дома, сэр, вернее в винном хранилище, — прохрипел он, — после этого я поднялся на второй этаж и занялся вазонами. Клянусь, сэр, это никогда не занимает у меня много времени, и на сей раз я пробыл там совсем недолго.

Честно говоря, я питал тайную надежду услышать какую-нибудь явную, примитивную ложь, но спокойный ответ слуги, отвечавший в действительности каждому его ша-

гу, в один миг сделали меня безвольным, хотя я не поленился предпринять новое слабое наступление.

— Это очень хорошо, Джонатан, что вы так безупречно исполняете свои обязанности, — уже безразлично заметил я, — и все же, я как-то не очень разделяю мнение, что вазоны так нуждаются в орошении старым вином. Что вы на это скажете?

Оказалось, что и на сей раз я торжествовал напрасно.

— Я не смею обсуждать традиции, заведенные хозяевами "Поющего Камня", — преспокойно ответил Джонатан, даже не изменив нотки в голосе.

— Да, да, конечно, — тихо прошептал я, — я также не намерен рушить здесь вековые фундаменты и если вы видите в этом необходимость, можете и дальше поливать цветы вином.

Осознавая, что несу несусветную чушь, я заставил себя замолчать и отправив слугу, нервно заходил по комнате. Что-то вновь стало убеждать меня в искренности Джонатана, хотя и эту ночь я провел при запертых дверях. Около полуночи сквозь стены опять донеслось нечто подобное приглушенному стону, однако звуки были настолько слабы, а я так устал и перенервничал, что даже не нашел в себе сил выйти в коридор.

На следующее утро, будучи немало раздосадован вчерашнему краху первой серьезной попытки вникнуть в тайну дома Хугнеров и еще больше удалившись от ее неприступных порогов, я вновь возобновил дальнейшие прогулки к подножию скал. Теперь, забираясь в самые глухие места, я мучительно думал о дальнейшей судьбе старого Джонатана, начиная видеть в старике не столько дьявола, сколько единственную преграду на пути пусть и к одинокой, но более спокойной и свободной жизни. Я не переставал ловить себя на мысли, что дальше терпеть его в доме у меня нет никаких сил, но и выгнать так просто его не мог: даже при всей предвзятости, я всегда помнил страшную каменную могилу и того, кому был обязан своим спасением. Как я ни старался, все мои размышления относительно слуги так ни к чему конкретному и не привели, однако их ценность состояла в том, что я вплотную приблизился к той истине, которую так долго и упорно не желал замечать прямо перед собой. Только оперевшись на чью-то помощь и реальную поддержку, я мог претендовать на то, чтобы превратить свое новое жилище из дьявольского гнезда в величавый столп незыблемости

своего древнего рода, чье влияние теперь распространялось даже на эти убогие, бесконечно далекие места.

Как и следовало ожидать, первым делом все мои помыслы были обращены к верному Габриелю, и все же, как ни странно, у меня хватило разума перестать даже думать о его приезде. Вряд ли его завидная, нажитая с годами предприимчивость, преданность и неординарный ум могли в здешних условиях стать мне надежной опорой в моем безрассудстве. Здесь, среди покрытых вечной дымкой бескрайних пустошей мне мог помочь лишь тот, кто доподлинно знает каждый камень и каждый овраг, относился к столь неподвластной разуму таинственной обстановке как к чему-то привычному и неприметному. Именно тут Френсис Хьюз и предстал перед мной чуть ли не небесным спасителем.

Поначалу к своему новому замыслу я питал такое же недоверие, с каким старый археолог оценивал в свое время рассказ Роберта Хугнера. Даже в столь плачевном и безвыходном положении боязнь произвести впечатление умалишенного олицетворяла собой верх ужаса, однако последовавшие вскоре события вскоре дали мне в руки именно ту нить, которая как ничто другое обещала намертво приковать внимание крайне недоверчивого, неутомонного Хьюза. Да и вряд ли я вообще решился бы обратиться к нему, если бы через несколько дней мои предположения относительно шума листвы, как источника странного звука, не были отброшены навсегда: в одну из ночей, пережив немало тревожных минут, я наконец полностью убедил себя в том, что проклятые стоны исходили именно из глубины дома в полное безветрие, когда на огромных тополях не шелохнулся ни один лист.

К этому времени мое состояние резко ухудшилось, что, как и следовало ожидать, явилось прямым следствием ежедневного столкновения с безысходностью, порывами беспросветного страха и какой-то поразительной неуверенности в любом своем шаге. Впервые я стал замечать за собой такую рассеянность и апатию, что порой подолгу рыскал по дому в поисках запропастившейся трубки, совершенно не помня, что она преспокойно лежала в моей комнате на самом видном месте. Все чаще наступали в моей жизни минуты, когда изрядно подогретый вином — этим страшным бичем безысходности, я ударялся в самые крайние и сомнительные намерения, хотя с тем же упорством отвергал любую мысль о возвращении. Дошло до того, что я уже просто не в силах был представить себя без дикого одиночества и

старых гор, без таинственного слуги и леденящих душу ночных стонов. Окончательно пропитавшись зыбкой атмосферой невероятной тайны, я все сознательнее отказывался от всяких попыток вырваться из цепких когтей голубого дракона, чье невидимое присутствие постепенно становилось для меня повседневной необходимостью.

Моя недавняя затея с Френсисом Хьюзом со временем претерпевала значительные изменения и к исходу полуторамесячного пребывания в "Поющем Камне" я стал окружать голову сомнениями относительно ее целесообразности вообще. Главной причиной этого послужило, вероятно, то обстоятельство, что моя беспокойная жизнь на новом месте принимала все более плавное течение, пронизанное все тем же мощным стержнем ежедневного томительного одиночества и тоски. Одним словом, ко всему я настолько привык, что даже странные непроходящие стоны стен перестали как-то наводить на меня панический ужас.

И вот, как-то заметно устав от непрерывного многочасового чтения совершенно неинтересного романа, я решил немного прогуляться вдоль ручья, еще раньше обнаружив в этом превосходное средство от бессонницы. Погода этим вечером выдалась явно неподходящая, холодным, промозглым ветром удерживая меня уже на самом пороге дома. Тем не менее, оставив без внимания надвигавшиеся со стороны моря тяжелые свинцовые тучи, я, застегнувшись на все пуговицы, неспеша вышел за пределы имения через восточную калитку. Жуткий ветер усиливался с каждым шагом и я еще не добрался даже до цепи оврагов, как заморосил мелкий холодный дождь. Поругивая себя в душе за проявленную непредусмотрительность, я тотчас повернул обратно и самым коротким путем поспешил вернуться домой. Поскольку боковая дверь правого крыла вопреки моей уверенности оказалась запертой, я сделал довольно большой крюк, чтобы зайти через парадный подъезд. Дождь к этому времени уже прекратился, я сбавил шаг и, идя под самым домом, совершенно случайно поднял голову вверх, увидев, как тяжелая гардина комнаты с рыцарскими доспехами как-то странно резко пошевельнулась. Я готов был поклясться чем угодно, что в образовавшейся на какое-то мгновение щели мелькнули голубые космы Джонатана. Невольно остановившись, и стараясь представить себе что мог он делать в этой комнате, я простоял так не более минуты. Именно через это время стукнула тяжелая дверь главного подъезда и ко мне своей скованной походкой подошел старый слуга, распахнув

над головой принесенный зонт. Пробурчав в ответ что-то невнятное, я медленно стал подниматься по ступенькам подъезда, до конца так и не осознавая того, что так меня поразило в этой, казалось, на первый взгляд совсем непримечательной сцене.

"Нет, ошибиться со временем я не мог, — с трудом удерживая туманную мысль, лихорадочно размышляя я, — но тогда получалось, что Джонатан, этот старый немощный старик всего за какую-то минуту прошел половину второго этажа, спустился по лестничному маршу, миновал весь первый этаж и успел, ко всему, прихватить зонт! Очевидная бессмыслица этого предположения не вызывала никаких сомнений, однако в таком случае всплывала еще более коварная и страшная мысль. Получалось, что Джонатан вообще не ходил ни по каким коридорам и находился в холле, в то время, как в комнате на втором этаже прятался кто-то другой! Тут меня, словно обдало ледяным ветром — если и был кто-то еще, то этот призрачный незнакомец, как и мой слуга, имел голубую окраску таких же длинных косматых волос.

Не вспомнить о голубом драконе на этот раз было просто невозможно. Столь в высшей степени тревожное происшествие уже тогда окончательно перечеркнуло все прежние колебания относительно намерения привлечь на свою сторону недоверчивого Френсиса Хьюза. Зная, что говорить с Джонатаном было бесполезно, я даже не стал намекать ему на странное покачивание шторы на втором этаже, и кое-как проведя невероятно богатую раздумьями бессонную ночь, с восходом солнца покинул поместье и отправился в путь.

Когда я наконец достиг мрачной хижины археолога, я уже не чувствовал от усталости ног, но то, что ждало меня впереди, окончательно лишило меня последних сил. Дверь дома оказалась запертой и сколько я не стучался, внутри ничего так и не выдавало присутствия живого человека. Хьюз, по всей видимости, был где-то на своих раскопках и поначалу я решил поискать его в хорошо знакомых мне местах. Однако, представив, сколько времени мне придется потратить на одну только дорогу к дальним оврагам, не имея к тому же никакой уверенности в том, что Хьюз предавался азарту кладоискательства именно там, я быстро отказался от этого замысла, и ведомый наивностью решил ждать.

Неспеша выкурив сигару, с нескрываемым любопытством я весьма дотошно обследовал окрестности жалкой лачу-

ги археолога, столкнувшись с куда большим запустением и унынием, чем в своем новом имени. Даже днем здесь висела странная зеленоватая дымка, невероятным образом поглощавшая малейший звук и придававшая лежавшим в нишине камням самые загадочные силуэты. Не за ними ли пряталась таинственная фигура, преследовавшая Хьюза до самого порога его дома? От этих воспоминаний, куда невольно добавился неизвестный мне образ глухонемой кухарки, чье появление можно было ожидать в любую минуту, я уже сейчас вдвое сократил намеченное время пребывания у запертых дверей. Когда солнце, высоко поднявшись над землей, заметно поглотило некоторую часть господствующих здесь мрачных цветов, я наконец понял, что совершенно зря проделал весь этот долгий путь. Ждать дальше было полностью бессмысленно: Френсис Хьюз, как он сам мне говорил, мог и на этот раз забыться и вернуться домой только с наступлением сумерек, и тогда мне предстояла весьма и весьма неприятная дорога назад.

Негодование по поводу того, что все мои столь многообещающие замыслы в один миг разбились о запертую дверь хижины археолога, казалось, вселило в меня новые силы, и на обратный путь я как-то незаметно затратил чуть ли не вдвое меньше времени. Подойдя к дому, как и в прошлый раз с тыльной стороны, я, будучи убежден что и сейчас дверь в торце правого крыла закрыта, сразу поспешил к главному подъезду. И можно только представить, что пронеслось у меня в голове, когда выйдя из-за угла, я увидел перед домом открытый экипаж.

Томимый острым предчувствием чего-то из ряда вон выходящего, я нерешительно стал подниматься по лестнице, немало встревоженный тем, что меня не встретил, как обычно, старый слуга. Уже отсюда я услышал доносившийся сверху чей-то на редкость знакомый женский голос, окончательно поставивший меня в тупик. Так, крадучись, я оказался на одной линии с дверным проемом и тут, конечно, в один миг перестали слушаться меня и лишенный воли, я стал медленно пятиться назад. На диване сидела очаровательная мисс Дортон! И она, и стоявшая рядом служанка Сюзанна с таким величайшим вниманием и восторгом слушали неестественно веселого стряпчего Астона, что ни одна из женщин даже не заметила моего присутствия. Неизвестно, сколько бы еще времени, боясь сдвинуться с места, я простоял бы у дверей с недоверием заглядывая в гостиную, если бы меня не увидел старый Джонатан.

— Мисс Дортон и мистер Астон прибыли два часа назад, сэр.

— Благодарю вас, Джонатан, вы очень правильно сделали, что пригласили их именно сюда.

Я был настолько ошеломлен этой невероятной, не укладывающейся в голове реальностью, что поначалу, вероятно, произвел на присутствующих самое странное впечатление, с трудом связывая в речи отдельные фразы, и не зная, куда деть глаз. К моему счастью Астон еще долго и захватывающе описывал красоту здешних нетронутых мест, что и дало мне определенную возможность несколько привыкнуть к тому, что все это происходило не во сне.

Не переставая восторгаться красноречию и убедительности, с которыми старый стряпчий вел свой рассказ, мисс Дортон мило улыбалась каждому отдельному его эпизоду, но от меня уже не могло уйти то, что все ее мысли витали где-то совсем в другой стороне. Мне стоило только встретить ее глаза, как я ловил эти преисполненные нежности и страсти легкие, чуть тревожные и застенчивые взгляды, именно такие, о которых я не переставал думать по ночам с самого первого дня нашего знакомства. Уже сейчас, стараясь не слушать о чем говорил Астон, я вновь предавался тому забываемому состоянию блаженства и сладкой грусти, которое мне внушал запечатленный в душе и памяти навсегда образ юной леди. Мне стоило немного освоиться, как в какой-то миг были забыты все ранние обиды и страдания. Трепетные порывы воцарившейся в гостиной свежести и непревзойденной красоты сделали мое тело невесомым.

Вряд ли за все свое долгое существование старое поместье когда-либо видело такой блеск и неповторимое великолепие. На фоне потускневших гобеленов и неизвестно когда и кем написанных полотен, под тяжелыми сводами мрачного, изъеденного стариной потолка моя нежданная гостья казалась нежным молодым цветком, имевшим божественное, взнезаемное происхождение. Посматривая то на нее, то на неподалеку стоявшего Джонатана, я, казалось, видел перед собой две противоположные грани одного мира, восхищаясь радостью жизни и холодея от мысли о неизбежности ее последнего заката. Наверное только здесь, онемев от присутствия своего идеала, я начинал понимать что такое ужас и любовь — то, что я пережил и что позволило мне постигнуть самую глубокую и захватывающую тайну бытия.

Когда старый Астон окончательно исчерпал все свои темы, я вновь стал испытывать заметную неловкость, причи-

на которой во многом так и оставалась для меня непонятной. Я возлагал окончательную надежду на совместный ужин, однако невзирая на мое настойчивое предложение, стряпчий на этот раз не дал себя уговорить и, сославшись на необычайно важные дела, вскоре оставил меня в обществе дам. Его экипаж наделал столько грохота, что встревоженный тем, как бы у него не отвалилось колесо, я невольно подошел к окну. Повозка уже исчезла за углом дома, но я все продолжал стоять не шелохнувшись, как-то совершенно по другому взирая на огромный силуэт поющей скалы.

— Это и есть то, мисс Дортон, о чем только что говорил стряпчий, — не поворачивая головы, промолвил я. — Я уверен, что вам даже трудно представить какой захватывающий голос у этого каменного чуда, от которого содрогаются толстые стены дома. Вряд ли кому было и будет суждено кроме меня слышать нечто подобное.

Поскольку ответа не последовало, я невольно обернулся и тут увидел, что гостья стояла почти рядом со мной, смотря на меня так, будто грандиозной скалы, как и всего остального вокруг, просто не существовало. То, что мелькало в ее глазах своей неожиданностью и прямою казалось самым трепетным сновидением, за один только миг которого я готов был отдать все. Сейчас, преодолев растерянность, мне достаточно было сделать только один встречный шаг, чтобы юная леди оказалась у меня в объятиях, но я, так и не шелохнувшись с места, не нашел ничего, как с редкой неуверенностью предложить недолгую прогулку к скалам.

Тяжелый вздох, вырвавшийся из груди мисс Дортон, вновь затуманил мое сознание. В эти минуты, впервые начиная ловить себя на мысли, что я перестаю быть самим собой, наибольшим благом для меня было вновь провалиться на дно каменного колодца, где я уже не мог встретиться с этими большими, страстными глазами. В глубокой тайне я надеялся, что мисс Дортон поймет мое настроение и откажется от предложенной прогулки, но я ошибся — мою случайно пришедшую в голову затею она восприняла с какой-то нескрываемой надеждой. И вот, около шести вечера, взяв с собой служанку, мы неспеша вышли из дома.

Если кто и испытывал искреннее восхищение здешними ландшафтами, то это была молодая Сюзанна. Возвышавшаяся на своем незавидном постаменте гигантская поющая скала настолько привлекла ее любопытство, что позабыв о нас, девушка стала заметно отставать и вскоре удалилась на

такое расстояние, что мне пришлось обратить на это внимание мисс Дортон.

— Вы допускаете возможность, что с ней что-то может случиться? — раздраженно заметила она, даже не оглянувшись в сторону служанки.

— Нет, но здесь много оврагов и острых камней... — виновато ответил я, с затаенным дыханием догадываясь о причине столь резкого ответа гостьи.

Мои предположения и на этот раз оказались верны. Почти всю дорогу к поющей скале мисс Дортон в самых мрачных и серых тонах рисовала покрытые тучами картины своего существования, прямо не указывая причину, но и не переставая намекать на целительное влияние нашей встречи. Даже в ее голосе теперь не осталось ни той гордости, ни высокомерия и прохлады, которые я так тяжело переживал, запираясь в пыльном подвале своего городского имения. На какие-то мгновения ее речь, приближавшаяся с каждой фразой к страстному признанию, неожиданно возвратила меня в лоно прежних чувств, но это были действительно лишь мгновения. Столько дней пребывания под сводами дома Хугнеров превратили меня в нечто неживое и бездушное, чье покрытое каменным панцирем сердце стало неспособным распахнуться перед свежим порывом нежности и любви. Слушая мисс Дортон с жаром в груди, я тем не менее смотрел на нее с жалостью и тоской, тщетно пытаюсь понять, что все таки вызвало в моей душе столь непостижимый крутой перелом. Одни воспоминания о образе юной леди до сих пор вселяли в меня сладострастный трепет, но стоило ей предстать во плоти, как это самое величайшее наслаждение превращалось в ничто именно так, как попавший к подножию гигантской поющей скалы человек превращался в крошечное насекомое. Даже самый нежный и горячий поцелуй, то, о чем я раньше не смел мечтать, был сейчас для меня чем-то ненужным и пустым, неспособным поставить надежный заслон пробуждению тех чувств, которые неумолимо подстегивались каждодневным соприкосновением с полной ужаса и тайн жизнью старого поместья.

Только у самого подножия легендарного камня, вплотную столкнувшись с его неподражаемостью и странным воздействием на сознание, мисс Дортон стала смотреть более отвлеченным, лишенным отчаяния взором, поразив меня той смелостью, с которой она подошла вплотную к каменному исполину.

— Мне кажется, что стоит только коснуться его пальцем,

как он скатится вниз прямо на ваше имение, — серьезно проговорила она, — скажите честно, неужели вас никогда не одолевало такое же жуткое предположение?

— Если откровенно, мисс Дортон, то да. Первые дни пребывания в "Поющем Камне" я, что называется, жил постоянной тревогой, но прошло время и я полностью избавился от этого чувства. Теперь любого, в том числе и вас, я, пожалуй, смогу убедить в том, что этот чудовищный камень незыблем, как мир.

— Остается только восторгаться тому, с какой легкостью вы расстаетесь со всем тем, что еще недавно лишало вас покоя, — двусмысленно сказала моя гостья, тут же обратившись к служанке. — Вот что, Сюзанна, мы с сэром Рупертом еще немного пройдемся, а вы ступайте в поместье и помогите слуге. Надеюсь, вы не станете возражать? — тут она повернулась ко мне.

— Разумеется нет, мисс Дортон, но меня, признаться, несколько тревожит... редкая внешность Джонатана...

— Ну что вы, Сюзанна смелая девушка и нам нет никакой особой причины для беспокойства.

Только когда Сюзанна оказалась далеко, я случайно вспомнил проклятые колодцы, даже не пытаясь скрыть волнения и замешательства. Конечно, мисс Дортон сразу заметила перемену в моем лице и теперь, в дополнение ко всему, меня охватил ужас от того, что я вынужден буду объяснить этому причину.

— Вы помните, мистер Хугнер, — после долгой паузы продолжала мисс Дортон, — те страшные истории, которые вы мне рассказывали в парке у фонтана с русалками вечерними закатами?

Облегченно вздохнув, что речь не касалась Сюзанны и моей острой реакции на ее уход, я утвердительно кивнул.

— Тогда мне было почему-то смешно — я даже не могла себе представить, что такое вообще может быть. Но теперь, здесь я вижу именно этот мир. Взгляните вокруг, мистер Хугнер, ведь повсюду все мертво!

— Я очень сожалею, мисс Дортон, — говорил я, с трудом подбирая слова, — что мои новые владения наводят на вас такую грусть. Поверьте, и мои первые впечатления вызывали только лишь беспокойство и страшную неуверенность в ожидании полной неизвестности. Однако, согласитесь, мало кому доступно каждодневное восхищение призрачным безмолвием и безграничной свободой. Только среди этих мертвых скал вы перестаете терзаться привычными для каждого

переживаниями и все ваше сознание полностью переносится за грань ранее неспостижимого.

С жавшимся сердцем, видя как молодая леди таяла на глазах, я вопреки самому себе продолжал нести эту ужасную, дремучую чепуху, пока моя спутница, резко остановившись, не повернулась ко мне лицом. Только каменное изваяние самого дьявола могло остаться глухим к ее переполненным слезами, широко раскрытым глазам.

— С той поры, как вы уехали из города, мистер Хугнер, — чуть слышно говорила мисс Дортон, — мне пришлось очень многое переосмыслить и совершенно по-другому взглянуть на то, что раньше я почему-то старалась не замечать. Каким-то странным и совершенно другим я стала воспринимать то, что было, казалось, постоянным спутником моей жизни. Поверьте, все вокруг приобрело вдруг какой-то странный, пугающий оттенок. Неужели моим уделом теперь навсегда станут забытые лишь тяжелые воспоминания? Я уже не смогу найти забвение даже в стенах святой обители — только похожие на эти дикие, безмолвные места заставят меня покориться судьбе. Но я не хочу этого, мистер Хугнер, не хочу и боюсь.

— Я вступил во владение поместьем, мисс Дортон, не для того, чтобы стать затворником, а дабы исполнить волю своего единственного родственника сэра Роберта Хугнера, — холодно ответил я, не слыша собственного голоса.

И тут язык, словно перестав быть моим, пошел на поводу чьей-то безжалостной сатанинской воли. Какое поместье, какой долг перед родственником! Сейчас я готов был бросив все, припасть к ногам юной леди и тысячу раз повторить что еще больше люблю ее, что только благодаря ее далекому существованию я вынес все ужасы старого поместья и готов подвергать себя столь невыносимому испытанию еще сколько угодно времени, лишь бы знать, что она есть. Всего какое-то ничтожное мгновение отделяло меня от горячего признания, но внезапно налетевший смерч воспоминаний, опередив волю, неистово погасил вспыхнувший в душе огонек. С особым содроганием я вспомнил далекий весенний вечер, когда на площади перед кафедральным собором, путая слова, я с дрожью в голосе говорил мисс Дортон все то, что вознамерился сказать сейчас. Тогда ее ответ был для меня концом света, весь ужас которого, казалось, преодолел барьер прошлого, теперь воспылал у подножия поющего камня. Нет, это была не гордость, не самолюбие, не безумие — это было нечто такое, чему я не мог противиться и

чем не мог управлять. Боже моей, сознавая, что я теряю свою судьбу навсегда, я тем не менее не произнес ни слова!

Вот так и закончилась наша прогулка в горы, зловещая память о которой сохранилась во мне до сих пор. Самое ужасное состояло в том, что и я, и мисс Дортон, весь обратный путь делали вид, что между нами вообще ничего не произошло, в конце концов сами поверив в это. Как ни тяжело это было представить, но она даже несколько раз лукаво улыбнулась, особенно, когда забывшись, я описывал ей свои фантастические планы реконструкции старого дома.

Новый всплеск сознания того, как я разбил свою судьбу, обрушился на меня уже на самом подходе к поместью. Все повторилось в той же последовательности, как и тем памятным вечером у цоколя кафедрального собора. Чувствуя невероятно приятный трепет, я сбавил шаг и резко подняв глаза, уже готов был произнести всего одну простую фразу, но тут лицо мисс Дортон вдруг приобрело выражение крайнего изумления, что я в один миг покорился воле судьбы. Это был уже конец, очевидность которого я воспринял с таким же безразличием, с каким смотрел на приближавшуюся к нам сгорбленную фигуру старого Джонатана.

— Наверное, что-то случилось, мистер Хугнер, — первой нарушила молчание мисс Дортон, невольно возвратив меня к отвратительным предчувствиям относительно скрытых в полу иезуитских колодцах.

Словно не услышав ее, я так ничего и не ответил до тех самых пор, пока с нами не поравнялся мой слуга.

— Служанка мисс Дортон без сознания, сэр, — прохрипел Джонатан, не выдавая ни единого признака усталости от столь быстрой ходьбы, — я велел кучеру присмотреть за ней, а сам отправился сюда.

— Но вы можете в конце концов внятно объяснить, что произошло! — опередив меня, воскликнула мисс Дортон, — бедная Сюзанна!

Я взял такой темп, что по дороге у нас не оказалось никакой возможности выслушать рассказ моего слуги. Только оторвавшись от заметно уставшей мисс Дортон, я намекнул Джонатану про колодец, но он только чуть покачнул головой, что, впрочем, вселило в меня еще большее беспокойство.

Когда мы втроем наконец оказались в доме, Сюзанна, под присмотром кучера уже пришла в себя. Лежа без движения с невероятно бледным лицом, молодая служанка блуж-

дала взором по потолку, совершенно не реагируя на присевшую у изголовья кровати мисс Дортон.

— Почему она все время молчит? — пробормотала моя гостья, как-то странно на меня посмотрев, — я думаю, мистер Хугнер, нам сейчас не обойтись без вмешательства доктора.

— Да, да, конечно, вы правы, — с готовностью ответил я, подойдя к кучеру, — вот что, милейший, поезжайте в город и привезите сюда тамошнего доктора. Надеюсь, дорога вам известна.

— Конечно, сэр. Уверяю вас, это займет немного времени.

— Вот и хорошо. А вам, мисс Дортон, вероятно, не мешает побыть здесь — с вами она куда быстрее оправится от шока, который, как я думаю, и мешает ей говорить.

— Вы уходите? — приподнявшись со стула, с заметной тревогой пролепетала гостья.

— Уверяю вас, очень скоро я вернусь.

Отправив Джонатана на кухню, я спустился в сопровождении кучера в холл, задержав его у самых дверей.

— А теперь я хочу знать о том, что здесь произошло, — промолвил я, поражаясь серьезному тону своего голоса, — итак...

— Конечно я расскажу все, сэр, хотя рассказывать особо и нечего. Лично я находился в подвале в тот момент, когда эта мисс закричала. Можно только предположить, какой это был вопль ужаса, если его отголоски проникли даже в глубокое подzemелье.

— Хорошо, но можно полюбопытствовать что вы делали в подвале?

— Я? — запнулся кучер, — я помогал вашему слуге открыть какую-то бочку. Да он сам и попросил меня об этом, сославшись на то, что справиться ему одному с ней просто не под силу.

— Значит все время он был с вами?

— Да, сэр, — окончательно растерявшись, говорил кучер, — услышав крик, мы оба бросились наверх, где в коридоре на полу и обнаружили скорчившееся тело молодой служанки. Мы перенесли ее в одну из комнат, потом ваш слуга дал мне бутылку коньяка, чтобы привести ее в сознание. Когда она вскоре пришла в себя и открыла глаза, он велел мне никуда не отлучаться из комнаты, сказав, сэр, что пойдет искать вас.

— И кроме этого вы больше никого и ничего не заметили? — вздохнул я.

— Нет, сэр, ничего. Хотя я уверен, что ее что-то напугало и кричать так она могла только от наплыва ужаса.

Не став больше отвлекать кучера, я еще раз напомнил ему о желательности скорейшего возвращения, и заперев двери на все запоры, вернулся на второй этаж.

По возвращении я застал мисс Дортон у изголовья кровати в той же немисливо застывшей позе. Однако стоило мне подойти немного ближе, как я невольно остановился, настолько неестественно бледным было ее лицо. Лишь на миг взглянув на меня, молодая леди внезапно сорвалась с места, и не переставая смотреть на Сюзанну, вплотную коснулась моего плеча. У меня поднялись волосы на голове, когда я наконец понял, чем был вызван этот испуг и смещение. Только сейчас я начал с ужасом осознавать то, что произошло в моем доме, не находя сил оторвать взгляда от недвижимого тела служанки. Я не знаю, что подтолкнуло меня тогда приблизиться к кровати, и тут веки Сюзанны вздрогнули.

— Она ведь спит! — переведя дыхание, воскликнул я, почувствовав внезапное облегчение.

Однако, если развеяв страшные предположения, я довольно быстро обрел спокойствие, то мисс Дортон еще крепче сжала мою руку.

— Да, она заснула, когда вы ушли, — прошептала она, но, мистер Хугнер, только что мне довелось столкнуться с тем, что уже само по себе кажется невероятным. Я не могу поверить в то, что перед мной моя Сюзанна... Эти глаза...

— Я не совсем понимаю вас, мисс Дортон, что вы хотите этим сказать.

— Сколько я знаю свою служанку, у нее всегда были карие глаза, а сейчас, когда вас не было, на меня смотрели ужасные, неестественно зеленые! Такие бывают только у ящериц и мерзких змей.

— Наверное, вам просто показалось, мисс Дортон, — с наигранным безразличием ответил я, — к тому же здесь очень тусклый свет.

— Может быть, так оно и есть, — недоверчиво сказала мисс Дортон, — и все же одна в этой комнате я больше не останусь ни за что.

— Я сам этого не допущу, да и сон послужит ей, вероятно, самым лучшим лекарством. Вам сейчас очень важно не-

много развеяться и отдохнуть. Простите, но сегодняшний день оказался действительно не из лучших.

— О каком покое вы говорите, мистер Хугнер, — тяжело вздохнула моя гостья, — разве можно надеяться на то, что волей судьбы вычеркнуто навсегда?

После всего того, что произошло с Сюзанной, затухавшие порывы душевной искренности мисс Дортон оказались окончательно бессильными перед моим восприятием. Перестав чувствовать тот приятный трепет от ее присутствия, я как-то особенно неуверенно прошел с ней в гостиную, где старанием Джонатана нас ждал накрытый стол.

— Можно только представить, что это был за ужин, затмивший своим мрачным настроением даже трапезу в первый день моего пребывания в «Поющем Камне», когда от одного присутствия Джонатана я готов был пройти сквозь стены. Дюжина толстых свечей в двух канделябрах, всегда дававшая здесь достаточно света, теперь почему-то так и не смогла побороть гнетущий полумрак, придававший лицу мисс Дортон еще более грустный оттенок. Ее на редкость жалкий и беспомощный вид на какие-то мгновения пробуждал во мне невероятное отвращение к самому себе, однако возобновившийся ветер, ударяя в окно, поневоле отвлекал внимание и предрасполагал лишь к обоюдному молчанию. Стараясь ничем не нарушать тишину, мы оба нашли спасение, сосредоточившись на шипевшем пламени каминна, чье магическое воздействие пробудило в каждом из нас то, отчего друг для друга мы стали незримы. Впрочем, несколько раз я пытался поправить отчаянное положение весьма путаной и туманной речью, но из этого ничего толкового не получалось, да и не могло получиться вообще — ведь сам того не сознавая, я все больше подчеркивал полную опустошенность своей души, завлекая милое, несчастное создание в самую чашу зловещей тайны старого дома.

— И все же, мистер Хугнер, я не могу избавиться от подозрений в отношении вашего слуги, — сказала мисс Дортон после того, как я заметил о nepозволительно долгом отсутствии кучера, — ведь, насколько мне известно, больше никто не мог до обморока напугать Сюзанну.

— Это и мне первым пришло в голову, однако, если верить кучеру, Джонатан тут ни при чем. Больше же в доме никого не могло быть.

Последние слова я произнес чуть дрогнувшим голосом, тотчас поймав себя на мысли, как противоречило сказанное всему тому, что творилось в моей голове. Опасение по ново-

ду того, что мисс Дортон каким-то образом догадывалась о моем истинном настроении вновь заставило меня переключить внимание на провалившегося сквозь землю кучера, что, впрочем, было воспринято моей гостьей с холодным безразличием.

— Вот и наступила ночь, — робко промолвила мисс Дортон, с опущенной головой подходя к пылавшему камину, — Чем дольше я нахожусь здесь, тем все сильнее меня обволакивает какой-то густой, мерзкий туман, скрывающий мысли и понятия, казавшиеся недавно такими простыми. Ради Бога, мистер Хугнер, не считите это за женское любопытство, но я не могу перестать думать о том, что заставило вас уединиться здесь, и забыв земные радости, проводить время среди этих ужасных, безобразных стариков, похожих всем на огромных ядовитых насекомых?

— Мой слуга действительно вряд ли сможет вызвать у кого-нибудь симпатии, — мрачно ответил я, попросив разрешения закурить сигару, — но если вы имеете в виду мистера Астона — бывшего поверенного моего брата, то я поспешу с вами не согласиться. При определенных обстоятельствах он обладает редкой способностью одним своим присутствием развеять самое мрачное настроение и, признаюсь, в первые дни он только этим меня и спасал.

— Боже мой, о каком поверенном вы говорите! — резко оборвала меня мисс Дортон, готовая вот-вот разрыдаться от отчаяния и досады. — Я имею в виду того кошмарного столетнего старика, с которым ваш милый слуга перешептывался на углу дома, когда мы с мистером Астоном ждали вашего возвращения наверху. Я тогда совершенно случайно подошла к окну...

Только сейчас до меня наконец дошел зловещий смысл слов мисс Дортон. Оказывается, кроме Астона и Джонатана сегодня днем возле дома мрачно бродил кто-то третий, имевший еще более отвратительную внешность, чем мой слуга и до сих пор скрывающийся от моих глаз! Впрочем, это было для меня совсем не ново и леденящие воспоминания о недавнем происшествии с прогнувшей шторой вдруг приобрело совершенно иную окраску. Пораженный тому, с какой беспечностью и недоверием я отнесся к явному признаку близости чего-то зловещего, я уже готов был, отбросив приличие, обрушиться на мисс Дортон с целым градом расспросов, но ее бледное, уставшее, полное страданий лицо все таки вызвало во мне человеческую жалость. Как ни заманчива казалась новая попытка приблизиться к загадке

старого дома, идя что называлось по горячим следам, тем не менее мне пришлось отложить ее на завтра.

Прошел еще один час, окончательно отбросивший любую надежду на возвращение негодяя-кучера, а с ним и доктора, чье вмешательство, между тем, уже вряд ли имело какой-то смысл. Не доверяя Джонатану, сообщившему что Сюзанна спит, мы сами прошли в ее комнату, где еще раз убедились в полной беспечности своих опасений относительно ее состояния. Повернувшись на бок, и положила руку под голову, девушка действительно сладко спала, нарушая тишину лишь здоровым монотонным дыханием. Если я считал для себя излишним подходить к самой кровати и остался стоять у двери, то мисс Дортон, в чьей душе мрачная обстановка пробудила самые нежные чувства, осторожно присев на кровати, с искренней заботой стала поправлять чуть спавший с плеч служанки толстый, пушистый плед. Покончив с этим, она прошептала какие-то слова, расслышать которые я не смог, и несколько раз провела ладонью по золотистым волосам Сюзанны. И тут, одернувшись, ее маленькая рука застыла в воздухе так, будто ее ужалила ядовитая змея. Мисс Дортон даже не успела повернуть головы, как я уже стоял рядом с ней и смотрел на небольшое красное пятнышко на белоснежной шее Сюзанны, на что в любой другой обстановке вряд ли вообще можно было обратить внимание.

— Что это, мистер Хугнер! — прошептала моя гостья, дрожащей рукой опуская на место локонов золотых волос.

— Я не доктор, мисс Дортон, — вяло ответил я, — но по моему, это всего лишь незначительное повреждение кожи, чье появление можно объявить не иначе, как падением вашей служанки в состоянии глубокого обморока. Разве это не убедительно?

— Да, это наиболее правдоподобно, — она вдруг замолчала, — и все-таки в этом доме, после всего здесь происходившего меня навязчиво и неумолимо преследует совершенно другая мысль. Это, как вы изволили заметить, повреждение кожи всем напоминает мне ужасную метку, оставленную зубами... вампира! Вспомните, мистер Хугнер, тогда в беседке над пристанью я просила вас рассказать какую-нибудь жуткую историю. Вы ведь говорили о таком же самом пятне...

Наверное, никогда в жизни я не был так неискренен, как в те, бросавшие в дрожь минуты у кровати спящей служанки мисс Дортон. Как мне помнится, я даже скорчил нечто подобное слабой улыбке, что стоило мне чудовищного наси-

лия над натянутыми и готовыми вот-вот разорваться нервами. Но самое страшное состояло в том, что делалось все это отнюдь не для успокоения и поддержания духа и без того несчастной мисс Дортон — все мои старания были направлены только на то, чтобы хоть таким сомнительным путем обмануть самого себя.

— Да, я действительно припоминаю, что рассказывал вам подобную историю, — холодно продолжал я, опасаясь сказать лишнее слово, — Но вам вряд ли известно, мисс Дортон, что она явилась порождением весьма буйного воображения нашей экономки — женщины на редкость добропорядочной, но невероятно суеверной. Признаюсь в раннем юношестве меня чем-то привлекала всякая несусветица и старая экономка охотно исполняла мою прихоть. Однако переносить средневековую мистику на грань реальности, да еще сейчас! Впрочем, мисс Дортон, я тысячу раз неправ именно в том, что с такой настойчивостью, даже навязчивостью отвлекаю вас от отдыха всякой чепухой. Уверяю вас, завтра утром, когда взойдет солнце, здесь все будет иметь совсем другие тона, но для этого, опять же, вам необходимо предаться сну.

— Благодарю вас. Вы правы, я очень устала и хочу отдыхать, — она что-то не договаривала и вдруг решила, смотря на меня полными мольбы и неприкрытой надежды глазами. — Я боюсь... оставаться в комнате одна, боюсь вашего мерзкого слуги. Меня не перестает мучить ужасное предчувствие, что среди ночи он заглянет в мою комнату.

Как и ранее, я тут же принялся успокаивать гостью, найдя немало внешне правдоподобных подтверждений полной иллюзорности всех ее тревог. Я не знаю возымели ли эти убеждения какое-либо действие, однако, чем больше я нес явный абсурд, тем больше и глубже все опасения леди переносились на меня самого, внушая особое беспокойство тем, что она как-то догадывалась об истинной подоплеке моего наигранного хладнокровия.

— Позволю себе заметить, мисс Дортон, на этот счет я уже принял решение, — продолжал я, испытывая только одно желание поскорее удалиться к себе. — Прямо сейчас я отправлю Джонатана спать и запру все двери на первом этаже, где находится его комната. Так что ваш покой не посягнет потревожить никто.

— Я очень благодарна вам, мистер Хугнер, — с горечью ответила мисс Дортон, — может я и неправа, но только так я действительно буду чувствовать себя в полной безопасности.

Проводив юную леди в комнату с доспехами, я отправил слугу спать и, как было условлено, запер двери на ключ. Теперь второй этаж оказался полностью отрезанным от первого, и проникнуть наверх стало совершенно невозможным, тем более, что на всякий случай я запер и двери коридора. И все же на душе у меня было очень беспокойно. Не знаю толком почему, но невероятно мрачная обстановка сегодняшней ночи почти во всем стала приближаться к той, которая, по словам Хьюза, царила здесь во время пребывания таинственного гостя Роберта. Единственное различие состояло в том, что тогда по всему дому был погашен свет, и вот, чтобы хоть как-то разрушить это ужасное сходство, мне пришлось потратить еще четверть часа, после чего длинная галерея озарилась светом всех существующих свечей.

Перед тем, как уйти к себе, я еще раз украдкой прошелся мимо дверей комнаты мисс Дортон. Вряд ли это делало мне честь, но в эти жуткие минуты я действительно был готов на все, что угодно, лишь бы не допустить того ужаса, который пронесся по старому дому много лет назад. Ступая как можно тише, я в конце концов подкрался к самому порогу, и тут до меня донеслось приглушенное, частое всхлипывание, раздававшееся по ту сторону двери. Невероятное смятение чуть было не толкнуло меня на самый необдуманный шаг. Неужели только проклятый дом был единственным виновником того, что ту, которую я так безумно любил, теперь с идиотской одержимостью я сам предавал пыткам и забвению! Мне вновь стало гадко за самого себя. Ведь ни старый, противный Джонатан, ни дьявольское поместье с его голубым призраком, — а я и никто другой, обрек мисс Дортон на самую ужасную в ее жизни ночь, оставив наедине с ринами своих надежд. Как никогда я должен был сейчас находиться рядом с ней, однако необъяснимое опасение, что с этим перестанет существовать окружающая меня зыбкая тайна, подогреваемая собственным воображением, остановила меня у порога ее комнаты. Пошатываясь из стороны в сторону, словно хмельной, я с опущенной головой побрел к себе, успев преодолеть лишь половину пути.

Моя комната находилась почти в самом конце левого крыла строения, пересеченного двумя коридорами и винтовой лестницей, что в случае непредвиденных обстоятельств, о которых я не забывал ни на миг, вряд ли позволило мне быстро оказаться у спальни мисс Дортон. Именно это и побудило меня вернуться назад и расположиться на ночлег в тесной, почти необставленной комнатке, имевшей неос-

поримое преимущество по сравнению с остальными в виде общей стены с покоями гостя. Устроившись на старом, необычайно твердом и неудобном диване, я поставил перед собой копящий светильник и закулив сигару, стал с сожалением помышлять о том, с какой непопозволительной оплошностью забыл взять сюда бутылку вина. Так, не переставая чувствовать во рту ее аромат, я просидел с открытыми глазами до тех пор, пока мне в лицо не ударила своим мертвенно-бледным светом бог знает откуда взявшаяся луна. Как ни пытался я вертеть головой, из этого ничего путного не выходило, и в конце концов мне пришлось чуть отодвинуться в сторону, отчего кожа дивана издала такой странный визг, что я вздрогнул. Поскольку и после этого проклятая луна в окне упорно не желала оставлять меня в покое, я присел уже на самый угол, вновь заставив диван издать свой отвратительный скрипучий голос, на этот раз с каким-то особым оттенком. Мне решительно ничего не оставалось, как смириться с ледяными лучами ночного небесного фонаря, и лишь бы не нарушать в комнате тишину, я замер в самой неудобной позе. Казалось, уже ничто не могло заставить меня даже шевельнуть пальцем, но тем не менее старый диван, словно издеваясь, все продолжал терзать мой слух, издавая самые невероятные звуки. Доведенный до крайнего отчаяния, я в один миг оказался на ногах и тут с ужасом понял, что огрубевшая от времени кожаная обшивка была явно не при чем. Где-то совершенно близко скрипнула дверь, после чего ночную тишину прорезал приглушенный крик и быстрый топот удаляющихся шагов. Все это настолько соответствовало моему состоянию ожидания чего-то адского и безумного, что какая-то внутренняя сила, настойчиво вытолкнув меня в коридор, впоследствии полностью вычеркнула из памяти то, как я там оказался.

Когда, набравшись храбрости, я переступил порог комнаты своей гостьи, первой мне бросилась в глаза поражающая своим захватывающим видом разбросанная пустующая постель только чуть спустя я наткнулся на распластавшееся у стены тело молодой леди. Сознание каким-то непостижимым образом еще теплилось в ней, однако невероятно тяжелое, прерывистое дыхание всячески мешало ей говорить. Даже при желтоватом свете свечей она выглядела бледнее мрамора, а ужас, наложивший свой злоедающий отпечаток, был настолько велик и властен, что мисс Дортон при моем появлении уже даже не пыталась прикрыть сильно обнажившееся плечо.

— Ваш слуга... — задыхаясь, пробормотала она, — ваш слуга... Он был здесь! Он набросился на меня прямо в постели! Он...

Ее слова чуть было не свели меня с ума и от гнева я почувствовал, как судорожно затряслось мое тело. Разумеется, первым делом мне надлежало помочь несчастной молодой леди, пережившей сейчас самый суровый ужас на земле, однако любая мысль о Джонатане лишала меня возможности правильно соображать. Даже не прикоснувшись к своей гостье, я выбежал из комнаты и только здесь заметил полураспахнутую дверь, ту самую, которую несколько часов назад я с такой предусмотрительностью запер на ключ. С трудом удерживая равновесие, чтобы не упасть, я буквально слетел с лестницы, и вбежав в галерею первого этажа, на какое-то мгновение был ослеплен ярким светом десятка светильников. Насколько не сильной была от этого острая боль в глазах, развевавшиеся космы голубых волос слуги я заметил в один миг.

Даже при своем отнюдь не скудном воображении, я сейчас не могу толком передать весь тот ужас, который предстал перед моими глазами в ту роковую ночь.

Оказавшись на узкой площадке, Джонатан с силой дернул ручку одной из дверей, но они оказались запертыми. Попав таким образом в безвыходную ловушку, адский старик заметался при моем приближении, словно раненый зверь, и тут последовало нечто невероятное. Издавая леденящие душу взвизгивания, слуга опустился на четвереньки, и парализовав мою волю, с ужасным протяжным воем понесся вприпрыжку по галерее, с проворством огромной обезьяны огибая толстые колонны. Видя, что дьявол неотвратимо уходит от возмездия, я, окончательно потеряв голову и не чувствуя ног, бросился за ним, успев миновать лишь половину галереи. Прячась за колоннами, Джонатан все продолжал выдавать себя нечеловеческим взвизгиванием, то и дело ужасая меня выпяченным мерзким горбом, который стал, казалось, еще больше. Еще немного, и у меня стало темнеть в глазах, когда кроме биения собственного сердца я услышал очередной протяжный вопль, ударом молнии расколовший ночное безмолвие и заставивший меня зажмуриться.

Когда я наконец решил поднять веки, Джонатана уже не было — на месте, где только что мелькала его звериная фигура, в полу зияла черная дыра, откуда теперь продолжал струиться леденящий душу предсмертный хрип. Только когда он смолк, я, стараясь не представлять того, что ждало

меня впереди, помимо собственной воли приблизился к краю колодца, чуть было не свалившись от неожиданности в его зловещую пасть. Огромная зажженная люстра над самой западной позволила мне видеть все, что происходило на ее дне.

... Только жалкие клоки длинных голубых волос говорили о том, что это был мой слуга, превратившийся за какие-то минуты в бесформенный холм красного месива, по которому, разбрызгивая по стенам потеки крови, со скрежетом сновали гигантские хвостатые чудовища. Останки слуги таляли буквально на глазах, пока я не расслышал, как на зубах исполненных бесчисленных крыс ни захрустели кости.

Приступ страшной тошноты отбросил меня к колонне, и в этот миг створки люка бесшумно захлопнулись. Не переставая видеть перед глазами всю ту же дьявольскую картину и позабыв о мисс Дортон, я простоял, уткнувшись в холодную колонну еще довольно долго, покрываясь потом и не веря в то, что только что стал свидетелем кончины ужасного злого духа своего дома.

"И все-таки с самого начала я был прав!" — почти вслух пробормотал я, еще и еще раз представляя перед глазами то, что осталось от зловещего слуги. — "Разумеется, никакого в прямом понимании голубого дракона никогда не существовало. Был лишь ужасный, выживший из ума и потерявший человеческий облик дряхлый старик, превратившийся в здешней атмосфере мрака и одиночества в некоронованного короля ужасов и злодеяний".

Еще раз довольно нерешительно бросив взгляд на то место, где навеки был погребен дьявол, я медленно пошел прочь, к своему удивлению так и не чувствуя ожидаемого облегчения от всего того, что вытекало из последствий гибели страшного старика. О, Боже, уже сейчас я вдруг увидел какое жалкое, лишенное былой остроты существование ждало меня впереди. С уходом в небытие трепетной легенды "Поющего Камня", во мне, казалось, также уходило все.

О мисс Дортон я вспомнил только на доброй половине обратного пути, несколько придя в себя после сцены, разыгравшейся на дне мрачного подземелья. Конечно, как никогда молодая леди сейчас дождалась моего возвращения, наверное даже так, как в свое время знатные дамы ждали подвигов и побед от своих бесстрашных кавалеров. Признаться, замешанная на мистических ужасах экзотика наших отношений пробудила во мне вновь пылкие юношеские переживания и поначалу вызвала такой трепет, что я поспе-

шил ускорить шаг. Однако по мере того, как я поднимался на второй этаж, мое восторженное настроение, обесцвечиваясь, превращалось в свою противоположность и стоило мне только вспомнить о недавних событиях, как я вообще остановился в нерешительности. Передо мной уже не было загадочного очага потусторонней тайны — теперь я видел при свете свечей всего лишь покосившиеся стены громоздкого, ветхого дома, владение которым вряд ли было способно вызвать у кого-нибудь зависть.

Когда я осторожной поступью вернулся назад, моя гостья, поджав под себя ноги, уже сидела на кровати, восприняв мое появление с нескрываемой подозрительностью.

— Где он? — чуть слышно прошептала она, еще больше прижавшись к подушкам.

— Его больше нет, мисс Дортон. Убегая, он провалился в каменную могилу, откуда, поверьте, уже нет выхода.

— Какой ужас ..!

— Да, ужас, — мрачно ответил я, — и с этим дьяволом я столько времени пробыл под одной крышей, никогда, ни днем, ни ночью, не имея уверенности в наступлении завтрашнего дня. Все-таки, мисс Дортон, ужас состоит не в том, что, сотворив свое последнее злодеяние, он нашел нечеловеческую смерть. Нет, мисс Дортон, весь невообразимый кошмар моего положения заключается в том, что пережив нечто непостижимое, я теперь лишен любой возможности исповедаться даже перед самым близким мне человеком, опасаясь произвести впечатление законченного безумца. Эти стены обладают страшным свойством поглощать душу, словно гиблая болотная трясина, и я уверен, что после всего этого даже в нашем шумном городе я никогда не избавлюсь от сознания того, что они существуют. Вы, вероятно, еще не знаете, мисс Дортон, что означал для меня ваш неожиданный приезд, но сейчас, поверьте, я не тот Руперт Хугнер, кого вы надеялись увидеть, и все, о чем я вам вчера говорил, является тому прямым подтверждением. Да, — продолжал я, — за какой-то месяц все здесь происходящее вывернуло мою душу наизнанку и даже, сумев побороть в себе колебания, я оказался способным подвергнуть вас такому жестокому испытанию.

Наверное, только полнейшая безысходность толкнула меня тогда на столь искреннее признание, вызвавшее одновременно великое облегчение и томительное чувство противоречия самому себе. Пребывая где-то далеко, за пределами освещаемой светом свечей комнаты, я действительно

настолько забылся, что невольно присел на край кровати юной леди, от одного дыхания которой неистово кружилась голова.

— Я вряд ли вычеркну из памяти то, с какими безумными, звериными глазами он бросился на меня, пытаясь сорвать одежду невероятными когтями, — с дрожью в голосе произнесла мисс Дортон, — я до сих пор не могу прийти в себя от пережитого ужаса. Наверное, я на месте умерла бы от страха, но..., — она замаялась, — но мне кажется, что самой судьбе стало угодно, чтобы все произошло именно так. Ведь сейчас, мистер Хугнер, с кончиной вашего слуги разрушилась и та монолитная стена, делавшая нас обоих такими несчастными.

— Вы думаете, что завтра все будет по-другому? — по-никшим голосом пробормотал я, наивными и жаждущими глазами смотря на мисс Дортон.

— Я уверена в этом, уверена, потому что каждый новый восход солнца неотвратимо отдаляет все ужасы прошлого.

Пробыв возле своей гостьи еще около часа, я ушел из ее комнаты, наконец чувствуя ту сладкую, ранее недоступную свободу, которая угнеталась во мне невидимым присутствием мерзкого голубого дракона, высасывавшего из души последние радости жизни. Чарующая красота открывшихся просторов блаженства, казалось, окончательно разрушила следы жестокого коварства старого дома, и от столкновения с этой реальностью я уже не мог найти себе места. Твердо решив дождаться столь желанного рассвета не ложась, я осторожно покинул дом и стал размеренным шагом прохаживаться по узким дорожкам перед его фасадом, проклиная на чем свет стоит застывшее время. Поистине, только бесконечные движения снимали тогда невероятное напряжение в душе, однако и они оказались не в состоянии хоть как-то ускорить бег времени. Мне ничего не оставалось делать, как за несколько часов до рассвета подняться к себе, где взяв в руки первый попавшийся на глаза скучный роман, я принялся выискивать там лишь отдельные иллюстрации, подолгу приковывая внимание к каждой из них. За этим сомнительным занятием время действительно пошло быстрее. Первую книгу сменила вторая, затем последовала еще одна, после чего передо мной выросла уже целая стопка пухлых томов. Наступил период некоторого облегчения и безмятежности, меня уже стало неумолимо клонить ко сну, как вдруг в комнату откуда-то долетело глухое шипение и еще более отвратительный треск. Резко обернувшись к окну, я чуть бы-

ло не выронил из рук книгу, настолько увиденное противоречило любым догадкам. Стояло полное безветрие, густая крона огромного тополя на чуть посветлевшем фоне неба не выдавала себя ни единым всплеском листвы, а звук — это мерзкое чудовищное шипение, — все продолжал неумолимо перерастать в зловеющий отголосок недавнего кошмара.

Стоя с затаенным дыханием, я отказывался верить собственным ушам. Ведь всего час назад я был лишен любых сомнений в том, что все кончилось навсегда и уже испытывал сладость новой жизни, и вот сейчас пробуждение прошлого, считавшегося мертвым, словно отточенный клинок, вонзилось в мою грудь. Запутанный клубок ужаса, впитавший в себя решительно все окружавшее, оказался беспощадным даже к моим чувствам к молодой леди, намертво сковав сердце невидимыми крепкими цепями. Когда же по дому прокатился неопиcуемый душераздирающий вопль, я еще больше прижался к дверце шкафа, видя предметы интерьера комнаты лишь в форме тусклых, расплывчатых пятен. Одна лишь входная дверь оказалась нетронутой для моего помутившегося сознания, притягивая взгляд с цепкостью фантастического видения.

Мое тело отделилось от шкафа лишь после того, как замерло эхо вопля в самых дальних уголках дома и тут последовало то, что — я уверен — и стало главной причиной моей преждевременной седины. Только по нарушившему тишину скрипу я догадался, что дверь моих покоев, та, на которую я смотрел с таким ужасом, теперь медленно раскрывалась...

На пороге комнаты, тщетно пытаюсь ухватиться за воздух, шатаюсь, стояла мисс Дортон. Ее изорванная, густо пропитанная кровью одежда почти до половины обнажала тело, представшее передо мной в виде немыслимой сплошной раны. Это уже не были те глубокие шрамы, о которых говорил мне старик Хьюз, а чудовищные зияющие дыры, из которых мясо было вырвано, словно гигантскими орлиными когтями. Когда мисс Дортон наконец судорожно вцепилась в ручку двери, я забыв свое имя, увидел, что от ее прекрасного лица теперь оставался только один левый глаз, да и тот наполовину скрытый слипшимися от крови прядями длинных распущенных волос.

— Чудовище..! — пролепетала моя гостя и тут из ее груди вырвался лишь ужасающий хрип.

Вдруг ее иссеченная ужасными багровыми рубцами рука, на какое-то мгновение зависнув в направлении спальни, бессильно опустилась на ручку двери, тут же захлопнувшей-

ся под тяжестью повисшего на ней тела. Уничтоженный и раздавленный я вновь остался в комнате один.

До самого сегодняшнего дня я не могу представить себе того, сколько времени мне довелось пребывать в полуобморочном состоянии, ни тем более то, каким образом я очутился за пределами комнаты под сводами узкого коридора. Вероятно, только ужас, смятение, боль и отвращение, переплетаясь между собой, вызвали этот приток зыбкой решительности, толкнувшей меня на самый страшный путь в своей жизни. Продолжая созерцать впереди пошатывающуюся обезображенную фигуру молодой леди, ступавшую словно невесомый призрак, я вопреки воле сделался ее тенью, шарахаясь к стенам при виде стелившихся по полу кровавых потеков, но так и не смея ни на дюйм сократить расстояние. За окнами уже давно бушевал молодой рассвет, но тяжелые, неприступные стены поместья все продолжали упрямо сохранять в помещениях ночную мглу, выбивая в эти ужасные минуты из головы остатки разума. И вот, когда мисс Дортон, находясь на последнем издыхании, переступила порог коварной галереи, я, отвернувшись, замер на самом пороге. Последнее, что нарушило тогда безмолвие уходящей ночи ужасов, был шум удалявшихся шагов, вскоре резко оборвавшийся на фоне пронзительного скрипа. В этот миг приветливый луч солнца, проникший в дьявольские покои, заставил от неожиданности зажмурить глаза, но даже этот ослепляющий свет не мог скрыть от меня надрывающего нервы конца всей разыгравшейся невообразимой драмы. Проем мрачной галереи был пуст, и я только успел заметить, как плавно и бесшумно захлопнулись створки адского колодца. Все было кончено — мне вдруг стало казаться, что какая-то чудовищная сила накрыла меня исполинским звенящим колоколом.

Вероятно, ноги сами принесли меня в гостиную, где глаза инстинктивно отыскали непечатую бутылку коньяка. То состояние, в которое я погрузился после нескольких хороших глотков, вряд ли поддавалось какому-либо описанию, настолько оно было проникнуто тем, чего я еще никогда не чувствовал. Все, что произошло перед этим ужасным рассветом, вдруг настолько затуманилось и исказилось, что все его острые грани как-то сами собой сошли на нет и перестали существовать. Я мог припомнить только отдельные эпизоды, казавшиеся настолько давними и сомнительными, что в конце концов у меня мелькнула вялая мысль о том, не явилось ли все это кошмарным сном. Одно представление,

что мисс Дортон погибла, и погибла на моих глазах самой ужасной смертью, было тупым гвоздем, медленно вбиваемым в мою спину, хотя и оно не шло ни в какое сравнение с разрывавшим на части сознанием вечного одиночества. Схватив бутылку, я стал жадно пить прямо из толстого горлышка, ужасаясь тому, что даже коньяк оказался бессильным перед моим душевным недугом. Мне захотелось дико кричать, но здесь же я понял, что уже перестал существовать на этой земле, и ни единый даже самый громкий и пронзительный звук не сможет преодолеть толстых стен старого дома, ставших для меня холодной гробницей. И тут, совершенно случайно, я и вспомнил о Сюзанне.

От внезапно нахлынувшей надежды, что я все-таки не один, я наконец почувствовал после коньяка нарастающее головокружение, но стоило мне только приблизиться к дверям комнаты служанки, как меня вновь стал бить сильный озноб. Боже, я ведь даже не знал, с чего начать, я не знал вообще, что говорить, как смотреть в глаза несчастной девушке, еще не оправившейся от вчерашнего жуткого потрясения. Какую бы я искренность не проявил, ни единое мое слово не могло стать даже частичкой оправдания — казалось, на земле уже не существовало ничего, что могло бы сорвать с меня маску кровавого злодея.

Мрачно томясь у двери комнаты Сюзанны, переступить порог которой оказалось так непросто, я впервые с позиции реальной жизни и здравого разума взглянул на то, что ждало меня впереди. Разумеется, исход в моем положении был только один и я уже отчетливо видел маячившую на горизонте зловещую виселицу, но даже этот столь страшный мираж вдруг стал восприниматься мной с некоторым облегчением и даже с безразличием, порой даже вторгаясь в область давно желаемого. И тогда, и сегодня я готов был сколько угодно раз повторить, что единственным шансом спасти свою несчастную душу была мучительная смерть на эшафоте, смерть, принятая от людей и не имевшая ничего общего с вечной мукой под зловещей паутиной потустороннего мира.

С подобными настроениями я осторожно толкнул дверь, ступив не далее порога: комната служанки оказалась пустой. Постояв так с минуту, я все же заставил себя зайти во внутрь, только тут заметив, что одно из окон было чуть открыто. Вряд ли на фоне всего остального это происшествие могло задеть мои нервы, настолько привык я к постоянному соседству с тем, что вообще не вписывалось ни в какие

рамки здравого смысла. Еще раз оббежав взглядом комнату, в чем особенно и не было никакой необходимости, я решился вплотную подойти к окну, ощупывая толстую раму так, будто она представляла собой некую диковинку. Окно располагалось над землей совсем низко, однако росший под ним густой кустарник исключал любую возможность того, что Сюзанна покинула спальню таким необычным способом. Но почему, в таком случае, я не столкнулся с ней в коридорах? Уже сейчас начиная сознавать, что проклятый дом готовил мне новое потрясение, я торопливо вышел из комнаты с самыми туманными и противоречивыми намерениями.

Неспеша миновав длинный коридор, я уже подходил к лестничному маршу, как фигура молодой служанки выросла, словно из-под земли. Двигаясь странной плавной походкой, Сюзанна, казалось, не замечала моего присутствия, даже отвернув голову, когда, набравшись храбрости, я негромко произнес ее имя. Вновь окликнув ее, я сократил расстояние между нами более чем наполовину, и тут она резко обернулась.

Вероятно, еще немного, и от невероятного замешательства я просто скатился бы по лестнице вниз: со звериной жестокостью на меня смотрела пара неподвижных и безобразных рубиново-красных глаз. Излучаемый ими магический блеск с поразительной силой стал притягивать меня все ближе и ближе, пока я наконец не понял, в кого перевоплотилось это некогда милое, веселое создание. Нас разделял уже какой-то десяток футов, и здесь, воспользовавшись тем, что Сюзанна остановилась, я сбежал с крутой лестницы и в мгновение ока преодолел довольно длинный коридор, решившись оглянуться только достигнув поворота. Сюзанна не спешила, но тем не менее неумолимо плыла по моим следам, поблескивая своими страшными выпученными глазами. Поистине, даже в столь огромном доме не нашлось ни единого уголка, где бы я мог укрыться от зубов новорожденного вампира. И на чердаке, и в подвале, и вообще везде, куда меня загонял непостижимый ужас, я не переставал чувствовать на себе этот дьявольский взгляд, постепенно убивающий всякую волю к сопротивлению. Я уже стал подумывать о том, как бы прекратить изматывающую погоню по дому и, отдавшись на растерзание судьбы, броситься в объятия оборотня, но именно здесь, в одной из пустующих, необитаемых комнат мне случайно бросилась в глаза довольно глубокая ниша, наполовину скрытая старым, поко-

сившимся буфетом. Недолго думая, я кое-как протиснулся в узкую щель до того, как ужасная Сюзанна переступила порог помещения.

В эти страшные минуты мне казалось, что биение сердца вот-вот выдаст меня с головой и оно, вероятно, так бы и случилось, если бы я замешкался и не воспользовался внезапно предоставившимся шансом к спасению. Стоило бывшей служанке, цеплявшейся согнутыми пальцами за все, что попадалось на пути, сделать несколько шагов в сторону от буфета, как я выскочил из ниши и буквально вылетел за дверь, судорожно защелкнув сомнительной прочности замок. За все это короткое время я уже успел до мелочей продумать каждый свой дальнейший шаг, но тут что-то задержало меня у запертой двери, вслед за чем и последовало нечто такое, что только ускорило паническое бегство из поместья.

Ужасное угрожающее бормотание за дверью перешло в пронзительный нечеловеческий визг, преодолевший даже толстые дубовые доски, которые тотчас закрипели под действием обезумевших когтей. Вскоре начали вздрагивать металлические петли и только вылетевший из засова изогнутый гвоздь наконец пробудил меня от чуть не ставшего роковым оцепенения. Слыша в ушах лишь ветер и глухие напористые удары, чередующиеся с протяжным завыванием, я сорвался с места так, будто подо мной вспыхнул огонь.

Вероятно, я отвратительно соображал, если ноги принесли меня в самую глубину холодного винного подвала. Мысль поскорее бежать из поместья усилилась еще в несколько раз, хотя именно здесь, среди склада бочек, я пришел к выводу о полном несоответствии своей одежды тому, что я замыслил. Необходимо было каким-то образом вернуться в холл, где в гардеробе висели кое-какие вещи, но как это было проделать, если Сюзанна, вероятно уже высвободившись из плена, зловеще рыскала по коридорам? Мучительно перебирая различные варианты, я подошел к одной из маленьких бочек и трясущимися руками налил себе кружку красного вина, того самого, которым мерзавец Джонатан поливал в доме большой вазон. И тут, стояло мне только пригубить его, как ужасная тошнота, согнувшая меня чуть ли не пополам, заставила с омерзением швырнуть кружку в самый дальний угол. В бочке, где хранилось, по словам Роберта, самое старое вино, теперь была еще неостывшая кровь!

Даже будучи полностью обнаженным, я не стал бы даже думать об одежде перед тем, как бросить адское гнездо: С

трудом противясь невероятной тошноте, подгоняя самого себя, я кое-как выбрался из винного подвала и через разбитое канделябром окно первого этажа устремился в сторону пустошей, не особенно разбирая под ногами дороги.

Меня немного протрезвило лишь ледяное, необычайно свежее дыхание скал, которое стало чувствоваться сразу же, как только поместье полностью исчезло из виду. В еще более жестоких цветах я вновь переживал все происшедшее этой ночью, и чтобы хоть как-то сдерживать себя от сверхчеловеческого отчаяния, мне пришлось еще больше ускорить шаг. Не видя ничего вокруг себя, я удалялся все дальше и дальше к оврагам, даже не пытаясь представить, где должны были прерваться мои следы.

Через час я достиг невысокого, залитого солнцем холмика, показавшегося мне вдруг подозрительно знакомым. Впрочем, решительно все здесь было серо и однообразно, угнетая своим пустынным, заброшенным видом, и быстро поверив в ошибку, я продолжал свой бессмысленный путь. Но вот впереди показался глубокий овраг, спутать который с другим было невозможно, потому что именно на его откосах произошла моя первая встреча с Френсисом Хьюзом. Это обстоятельство заставило меня остановиться, и вскоре, изменив направление, я с опущенной головой нерешительно побрел в сторону старой лачуги археолога, словно голодный, озябнувший нищий на незнакомый далекий огонек. Я, вероятно, вообще бы лишился рассудка, застав дом без присутствия хозяина, но, к счастью, Хьюз, хотя и собирался уже на свои раскопки, однако увидел меня, тотчас с готовностью их отложил. Так я вновь оказался в тесной комнатухе, где веяло плесенью и стариной.

— Поистине, здешние места хранят многие загадки, — заключил со вздохом старик после того, как самым внимательным образом выслушал мой на редкость сбивчивый и непоследовательный рассказ, — но боюсь, сэр, что у меня найдется достойное противоядие от столь мучительных переживаний. Конечно, если вы сами пожелаете этого.

Даже после всего того, о чем я поведал с таким пылом, было видно, что и на сей раз археолог воспринял все с тем же недоверием и жалостью, пробудившими во мне лишь жалкое подобие гнева. Никогда в жизни я не позволил бы допустить, чтобы надо мной смеялись, но ужасное истощение превратило меня сейчас в безвольное забитое существо. Впрочем, далеко не это определило тогда мое настроение. Став безропотным младенцем, я все больше видел в старом

Френсисе Хьюзе доброго волшебного эльфа, способного огривить меня от коварства темной демонической силы. С этой мыслью окончательно исчезло раздражение его спокойным восприятием всех моих невзгод и приключений, и я тут же сложил оружие.

— По-видимому, мне действительно ничего не остается, мистер Хьюз, как только уповать на вашу мудрость и рассудительность, — подавленным голосом процедил я, с трудом веря в эту затею.

— Я рад буду вам помочь, сэр, всем, что только будет в моих силах, — тепло ответил старик, засуетившись возле стола. — Однако, вы не должны ни в коем случае забывать, что и вы сами обязаны мне помогать в этом. Поживите у меня неделю, другую, и все, о чем вы тут говорили, поверьте, навсегда погрузится на самое дно вашей памяти.

— Мне кажется, мистер Хьюз, что это очень простое лекарство, — пытался протестовать я, когда на столе появилась большая бутылка столь почитаемого в этом доме крепчайшего заокеанского рома.

— Даже очень простое на первый взгляд средство нередко оказывается самым действенным, особенно в случаях, подобных вашему, — тоном знатока ответил Хьюз, — когда вы займетесь чем-то посторонним, смените климат и почувствуете от этого настоящий азарт, тяжесть быстро исчезнет из вашей груди, как растворится и то, что порождалось вашим воображением.

— Я не знаю, как согласиться с вами, мистер Хьюз, но неужели вы действительно думаете, что я стал жертвой только лишь проклятого, бредоподобного наваждения, и ни Джонатана, заживо растерзанного огромными крысами, ни мерзкого голубого дракона, ни мисс Дортон на самом деле не существовало. Лично я скорее отрублю себе руку, чем поверю в это.

— Как вам известно, в некоторой степени я занят научной работой, сэр, и верить в сверхъестественное не мой удел, — спокойно отрезал Хьюз. — Что касается вашего слуги Джонатана, то я давно подозревал, что у несчастного старика помутился рассудок и, кстати, неоднократно говорил об этом сэру Роберту. Исходя из этого, я вполне допускал возможность, что по вине слуги в доме действительно могло произойти нечто непонятное...

— Хорошо, мистер Хьюз, допустим Джонатан был болен душой и не ведал, что творил. Но ведь сейчас мы говорим не о нем, а обо мне. Неужели и я...

Словно давая мне возможность успокоиться, старый археолог сознательно тянул с ответом, вернувшись к разговору только после новой рюмки рома.

— Раньше, сэр, я как-то не рещался об этом даже намекнуть, но теперь вижу, что этот час настал. Имея честь состоять в близких приятельских отношениях с вашим братом Робертом, я еще год назад сделал открытие, кажущееся на первый взгляд сущим безумием. Отличаясь, как никто другой, весьма ранимой впечатлительностью и богатым воображением, сэр Роберт обладал способностью усилием воли переносить плоды своего воображения на любого, кто его окружал, в результате чего этот другой начинал мыслить категориями сэра Роберта. Он видел, слышал и чувствовал то, что было порождено только лишь восприятием вашего брата, передававшееся с помощью редчайшего таланта к глубокому внушению. Да, сэр, я знаю, что моя система объяснений выглядит весьма шаткой, но я абсолютно уверен, что и тот ночной преследователь в облики старого Хугнера, о котором я вам рассказывал, есть порождение той же магической воли, заставившей меня воспринять то, чего нет. Следующим оказались вы.

— Может, все это и так, мистер Хьюз, — мрачно промолвил я, все более погружаясь в состояние хмельного безразличия, — однако вычеркнуть из головы пережитое мне дадут возможность лишь бесспорные факты, для чего я должен вернуться в "Поющий Камень".

— Как мы договаривались, в ближайшие дни вы постараетесь даже не помышлять об этой затее, — раздраженно заметил Хьюз, быстро смягчившись, — теперь, сэр, вам нужен только отдых и покой. Особенного комфорта я вам не гарантирую, но спокойный, ничем не нарушаемый сон в этом доме будет обеспечен, когда вы того только пожелаете. А вот, что касается поместья, то если вам угодно, я сам съезжу туда, и уж поверьте, привезу оттуда самые достоверные свидетельства своей правоты.

Уже сейчас я довольно хорошо представлял во что превратятся для меня часы ожидания той страшной минуты, когда старый археолог вернется из моих владений. Видя в этом чуть ли не повторение вчерашних ужасов, я сделал несколько робких попыток удержать Хьюза от своего же собственного замысла, однако усталость и подавленность в конце концов заставила меня слабым кивком головы согласиться. После этого, допив ром, я переступил порог невероятно тесной, узкой комнатухи, где тотчас погрузился в самый глу-

бокий и продолжительный в своей жизни сон, уже не слыша ни отъезда Френсиса Хьюза, ни его возвращения.

Только на завтрашний день, за поздним ужином мы вернулись к тяжелому для меня разговору, на что я решился далеко не сразу. Поначалу всеми силами я пытался угадать настроение Хьюза, подозрительно присматриваясь к выражению лица, прислушиваясь к интонации и даже следя за тем, как держал он в руке вилку или нож. Полная несостоятельность этих наблюдений проявилась очень скоро — старый археолог, к моей досаде, решительно ни в чем не проявлял и намека на беспокойство, битый час рассуждая об огромной значимости и достоинствах своего домашнего музея. Он продолжал оставаться все тем же жизнерадостным, увлеченным и беспечным стариком даже тогда, когда не выдержав неизвестности, затаив дыхание, я напрямую спросил его о вчерашней поездке в поместье.

— Все, сэр, все до самых мелочей подтвердило мои предположения, — быстро заговорил он, продолжая нежно смотреть на полки с экспонатами, — смею вас заверить, я не пропустил ни одного помещения, застав там все именно в том виде, в котором ему и надлежит быть. А вы ждали другого ответа?

— А комната, где я запер Сюзанну! — чуть не вскричал я, — ведь я точно помню, что...

— Совершенно верно, сэр, когда я осматривал дом, указанная только что вами комната действительно была заперта снаружи на маленькую задвижку, но и она оказалась пустой. Да, сэр, вы заперли пустую комнату и это верно, как и то, что сейчас вы сидите за этим столом.

Мне показалось, что подо мной стала перемещаться земля, и тем не менее, вопреки самому себе, я сделал, к удовольствию Хьюза, все возможное, чтобы прямо на этом немедленно прекратить сводящий с ума разговор, перенеся его на более удаленные времена. Поспешив заявить о своем решении, я тотчас сделал второй шаг на пути к победе над недавним прошлым в виде искренней просьбы услышать историю первого попавшегося на глаза камня с полки экспонатов.

Почти девять долгих дней подряд, с утра до позднего вечера мы бродили, словно тени, с Хьюзом по пустынным и глухим местам, любуясь дикой, нетронутой природой, и с одержимостью кладоискателей ковыряясь в каменной земле. Как ни странно, я оказался в данном ремесле весьма примерным учеником и очень скоро до того втянулся в ка-

завшееся пустым занятием, что стал получать удовлетворение уже не столько от улучшения состояния души и мыслей, сколько непосредственно от плодов нашей, порой, изнурительной деятельности, представленной десятком серо-зеленых каменных черепков. Я искренне торжествовал при одном виде огромной ямы, которую мы одержимо копали, не зная отдыха, на протяжении нескольких дней, и вместе с Хьюзом чувствовал страшное отчаяние, когда подземные воды навсегда остановили наши раскопки. Только рядом с неутомонным стариком, среди безбрежных пустошей и нависших скал я столкнулся с целительным свойством захватывающего увлечения, заставлявшего меня теперь как должное воспринимать самые причудливые затеи моего спутника. Одной из таких была адская, каторжная работа с огромным валуном поразительной формы, который мы вознамерились перетащить к дому археолога. Четыре дня, забывая о еде, мы провозились с гигантским камнем, пока не водрузили его у самого порога хижины. Я буквально валился с ног и обливался потом, однако нахлынувшая мания самопожертвования при воскресшем в памяти образе дорогой мисс Дортон вселяла в меня новые силы, и я с удвоенной решимостью брался за самую тяжелую и неподобающую мне работу.

Очевидно, этот поразительный этап моей жизни продолжался бы еще неизвестно сколько, если бы на десятый день вдруг не зарядил отвратительный морозящий дождь, превративший пустоши в липкие, труднопроходимые болота. Впрочем, уже к этому времени, особенно ненастными ночами, меня все чаще стали посещать хранимые в тайне помыслы о возвращении в "Поющий Камень", цель которого из-за постоянной отвлеченности раскопками, пока еще скрывалась беспробудной пеленой густого тумана. И вот сейчас, будучи вынужден безотлучно находиться в стенах старой хижины и все более предаваться нагнетаемым романским размышлениям, я совершенно случайно и отыскал ту единственную причину, которая столь коварно подталкивала меня к новому безрассудству. Только мисс Дортон, ее божественный, светлый образ и заставляли меня любимым путем возвратиться в проклятое поместье, где с именем юной леди я жаждал принести себя в жертву новому столкновению с ужасом.

Еще день, если не больше, пришлось мне потратить на окончательное обдумывание пока еще тайного намерения, после чего, подготовив для этого внешне правдоподобную,

но целиком вымышленную почву, я за завтраком посвятил в свои планы Френсиса Хьюза. Как я заметил, мои слова были восприняты с некоторым сожалением и даже с грустью, однако противиться, а тем более отговаривать меня археолог не стал.

— Разумеется, сэр, вы окрепли и теперь можете спокойно возвращаться к себе, когда вам только заблагорассудится, — неспеша говорил Хьюз, несколько шокируя меня полным безразличием. — Я далек от того, чтобы давать вам рекомендации, но думаю, сэр, вы не откажитесь выслушать один единственный совет седовласого старика.

— Как вы заметили, мистер Хьюз, я всегда безропотно следовал вашим советам, — дружески ответил я, — благодаря им, я находил утешение даже в своем безвыходном, тяжелейшем положении, и вот теперь, смею заверить, перед возвращением в поместье они приобретают для меня еще более значимую окраску.

Я сам не знаю, говорил ли тогда правду, или кривил душой, но Хьюз выслушал меня с явным почтением, сделавшим его голос еще более мягким.

— Так вот, сэр, чтобы не повторилось того, что было, перестаньте думать о том, чего нет. Поверьте, это очень просто: принимать шелест листвы за шелест листвы, а вой ветра за вой ветра. Заставьте свое воображение избавиться от призрака какого-то голубого дракона, призвав на помощь разум, и для вас в один миг он перестанет существовать. Единственное, что пагубно может сказаться на вашем настроении будет все то же одиночество, но в этом случае вы не должны никогда забывать, сэр, что если этого потребуют обстоятельства, старый Френсис Хьюз в любую минуту готов прийти к вам с советом и помощью.

Мы тепло простились на пороге ветхого домика, где, казалось, я пробыл всего несколько часов. Категорически отказавшись от предложения воспользоваться двуколкой, я отправился к себе пешком, выбрав самый неторопливый шаг и самую длинную дорогу. Признаюсь, уже первая тысяча футов за спиной создала у меня на редкость устойчивое и неприятное ощущение погружения в мрачную серую бездну, настолько изменил местность недавно прошедший дождь. По-прежнему веяло живительной свежестью, но теперь она приносилась сюда частыми порывами холодного ветра, гнавшего по небу нескончаемые плеяды тяжелых фиолетовых туч, спускавшихся так низко, что, казалось, их исполинские монолиты задевали кроны отдельных деревьев и

даже округлые вершины гигантских валунов. За все время своего пребывания здесь я не видел такой гнетущей, неприветливой и пасмурной погоды, однако на сей раз напутствующий совет старика Хьюза помог мне избавиться от чрезмерно мрачных впечатлений. Отдохнув телом и душой, и заморозив струну ужаса в своем восприятии окружающего, я стал относиться ко всему так, как делал это в те недавние времена, когда мой проклятый архив — этот источник невообразимых бед — был на надежном, неприступном замке. И все же, не переставая удивляться тому, какую дьявольскую призму я собственноручно соорудил перед своими глазами, я тем не менее был еще довольно далек от внутреннего восторга и ликования. Мисс Дортон и ее невероятная судьба — вот, что продолжало оставаться непреодолимым барьером, отбрасывающим в прошлое при любой попытке к нему подступиться.

"Хотя старик Хьюз и относился ко мне, как к впечатлительной и наивной барышне, все же во многом он был безусловно прав, — вслух бормотал я, отчаянно сопротивляясь сильным порывам встречного ветра и придерживая рукой кепи, — Молодая леди просто не могла решиться сохранить в тайне свою поездку в эти забытые жизнью края, а в таком случае здесь бы уже давно была полиция. Но прошло столько времени, этого не произошло, значит..."

За всю дорогу раза три я возвращался к этой спасительной мысли и те же три раза застревал на одном и том же месте, откуда память безжалостно отбрасывала меня в самый очаг недавних событий в "Поющем Камне", отчего, вынужден признать, даже на холодном ветру мне становилось невыносимо жарко. Дичайшее противоречие между здравым смыслом и моей непоколебимой уверенностью в достоверности всего происшедшего заставило меня настолько ускорить шаг, что опомнился я только на самых подступах к имению, застыв на некоторое время возле массивной чугунной ограды.

Мое отсутствие исчислялось каким-то десятком дней, но разве мог я допустить, что за столь короткое время здесь может все так преобразиться и помрачнеть. Мой дом, вобрав в себя все самое злое и печальное, выглядел еще более запущенным и мертвым, словно специально был выстроен сатанинской силой для обитания коварных призрачных духов. Как-то совсем по-новому смотрел я на узкие темные окна, остроконечную, тронутую плесенью крышу, неизменно переносил тревожный взгляд на дверь подъезда, где, каза-

лось, вот-вот должна появиться сгорбленная фигура омерзительного Джонатана. И все же самое сильное беспокойство причиняла царящая здесь могильная тишина, неподвластная даже вездесущему ветру, чьи резкие порывы склоняли голову перед ветхими старыми стенами.

Я робко переступил порог своего страшного дома, так, словно никогда здесь не был. Хотя обстановка в комнатах сохранилась именно такой, какой я оставил ее в то ужасное утро, все представлялось каким-то другим, странным и холодным. Все светильники были погашены, от множества свечей в коридорах остались лишь одни небольшие холмики, обросшие невообразимыми, причудливыми наростами застывшего воска. Даже в ясные солнечные дни сквозь узкие окна сюда проникало ничтожное количество света, но теперь, когда небо оказалось плотно затянуто серыми тучами, здесь повсюду зловеще сгущались серые сумерки, только у самых окон прорезаемые зыбкими и таинственными проседями света.

Если вокруг "Поющего Камня" стояла дикая тишина, то внутри молчал лишь остановившийся маятник огромных напольных часов: все, решительно все, что раньше было обречено на безмолвие, сейчас старалось подать свой отвратительный голос. Кое-где оставшиеся распахнутыми окна порой порождали сильные сквозняки, от которых зловеще постукивали тяжелые рамы картин и шуршали потревоженные гардины. Каждый мой шаг, где бы я ни находился, отмечался пронзительным скрипом половиц, иной раз чем-то напоминавшим человеческий крик.

И все же самым страшным обитателем пустого дома оказались холод и колючая сырость, окончательно убедившие меня в невозможности дальнейшего пребывания среди этих глухих стен и могильных сводов. Без конца бродя по затемненным помещениям, лишенным всякого гостеприимства, я все более чувствовал себя брошенным всеми нищим, даже неспособным убежать от самого себя.

Вновь нахлынувшее чувство ужаса к полудню сменилось странной апатией, достигшей своего апогея, когда я понял, что действительно искал то, чего нет, и даже самый придирчивый осмотр был бессилен перед тайной страшной кончины мисс Дортон. Вероятно, это и был тот последний удар, окончательно похоронивший меня в собственных глазах. Холод, мрак и безысходность, подталкивая к безоглядному бегству, одновременно все глубже завлекали меня в свою дьявольскую пучину, в результате чего, так и не сбросив на-

кидку, я, задыхаясь от волнения, непрерывно блуждал по дому до самого вечера, будучи не в силах спокойно усидеть на месте и выкурить сигару.

С наступлением темноты характер моих размышлений приобрел еще более зловещий характер и я впервые столкнулся с тем чудовищным состоянием, которое поджигает ненависть и страх перед бытием. Мое спасение теперь могло быть только в том, что не дожидаясь рассвета, я вырвусь из этих пропитанных зловонным духом дьявольщины седых стен, однако, куда мне было бежать, если бездонная пропасть, окружавшая дом со всех сторон и скрывавшая от меня мир людей, могла быть преодолена только через ужасную смерть!

Сейчас мне крайне трудно представить все тернии, через которые я пробивался к поискам единственного в столь тяжелом положении выхода, но я абсолютно уверен, что именно леденящее душу воспоминание о прекрасной мисс Дортон высветило мне этот непростой путь. Вот так постепенно, начиная питать полное безразличие к исходу нового замысла, я и решил провести последнюю ночь в спальне юной леди, все более оставляя сомнения в том, что эта уютная, просторная комната и была тем местом, где я мог встретить кровожадные когти призрачного голубого дракона.

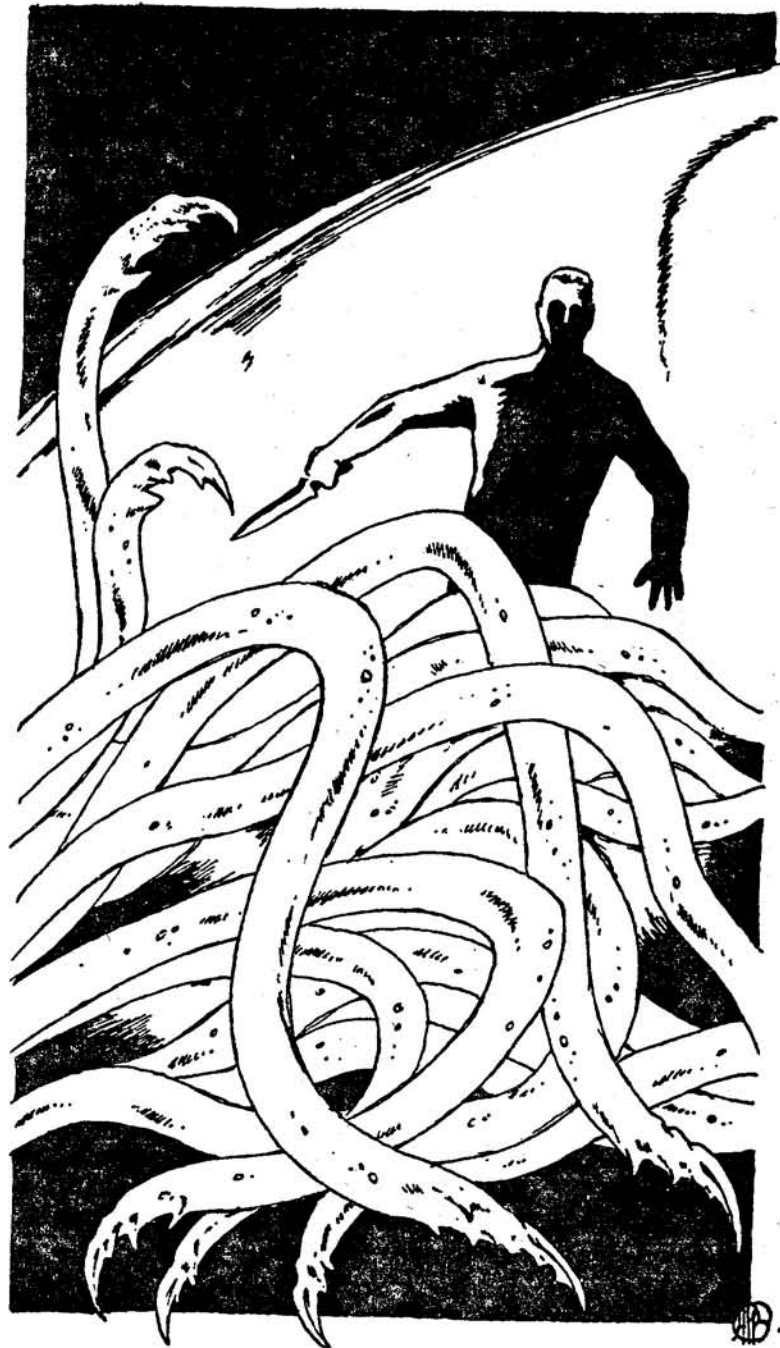
Как и в прошлый раз, я где только возможно позажигал светильники и свечи, менее всего беспокоясь, что это может вызвать сильный пожар. Почти все двери коридоров на случай бегства я оставил открытыми, что еще больше усилило ледяные сквозняки. Что касалось окон, то наоборот, я предусмотрительно запер их на все крючки и задвижки с тем, чтобы ни единый посторонний звук с гор не проникал в дом и не приносил лишних переживаний и тревог. И наконец, самым главным оказался старый револьвер, доставшийся мне, как и многое другое, еще от Роберта Хугнера. Признаюсь, до этого времени любой вид огнестрельного оружия я считал самым неразумным и ненужным порождением человеческого мозга, и, исходя из этих взглядов, никогда к нему не прикасался, но сейчас, когда я все глубже и глубже оценивал всю суть своего плана, эта страшная вещица одним своим видом погасила во мне добрую половину колебаний. В начале второго ночи, запустив часы, чтобы хоть как-то чувствовать присутствие жизни, я уселся в кресло под ветвями пушистого куста в бывшей спальне мисс Дортон, и боясь даже закурить, принялся ждать.

Я уже просто не в силах описать весь ужас первого часа

этого кошмарного ожидания неизвестности. Мне казалось, что весь я превратился в зрение и слух, с затаенным дыханием реагируя даже на ничтожные колебания пламени стоящей рядом свечи в фарфоровом подсвечнике. До боли сжимаемая в ладони рукоятку револьвера, я очень скоро истощил все свои силы, в результате чего мне поневоле пришлось расстаться с оружием, положенным на самый край стола. Однако, куда более жестокому испытанию подвергли меня все те же маятниковые часы, отбившие половину третьего с таким звоном, что я подскочил в кресле, успев схватить револьвер. К этому времени за окнами окончательно утих ветер и вот теперь пощелкивание старинного механизма, усилившееся на фоне жуткого безмолвия, стало превращаться в грозного предвестника чего-то ужасного. Не в силах больше терпеть столь щекочущих нервы звуков, мне пришлось подняться и заставить проклятые часы замолчать. Небольшая размявка несколько взбудрила меня и ослабила внутреннее напряжение, и все же несколько раз я умудрялся засыпать, в поту пробуждаясь и леденя от одного представления, что в эти недолгие минуты могло со мной произойти.

Вскоре я уже окончательно потерял счет времени и не видел перед глазами ничего, кроме желтого пламени свечей, более походивших на расплывчатые пульсирующие огненные шары. Сейчас я почему-то настойчиво пытался нарисовать перед глазами знакомый пейзаж свежей утренней зари, но у меня так ничего и не получалось — я никак не мог избавиться от уверенности в том, что ночь навсегда поглотила эти места, лишив их дневного светила. Поистине, я так увлекся сладкими несбыточными картинками легнего утра, что уже не мог слышать легкий шорох, постепенно заполнявший все пространство комнаты.

Слух вернулся ко мне тогда, когда за моей спиной вдруг раздался тяжелый стон, бросивший в дрожь тусклые огоньки свечей. Я только успел подумать о револьвере, как что-то голубое, необъяснимой формы неожиданно качнулось у меня над самой головой, и тут сильное дуновение тотчас погасило свет. Я не знаю, как удалось мне выскользнуть из-за стола, да еще с коробком спичек в руках. Комната, между тем, все продолжала наполняться скрежетом и зловещим стоном. Перемешиваясь, воздух стал теревить мои волосы — казалось, источник этого страшного дуновения находился именно на том месте, где я оставил кресло. Ни за что в жизни я не решился бы здесь чиркнуть спичками, теряя драгоценные мгновения, однако воцарившаяся тьма не по-

зволюла мне отыскать даже дверь, за которой был спасительный свет.

"Голубой дракон!" — не своим голосом прошептал я, когда слабый свет озарил спальню.

Странный экзотический куст, на который раньше я меньше всего обращал внимание, превратился в нечто неопишное, огромное и мерзкое, отдававшее при свете единственной спички грязной голубизной. Десятки щупальцев чудовища, усеянные зловещими когтями и покрытые шерстью, отвратительно змеились посреди комнаты в поисках жертвы, круша и сбрасывая все на своем пути. Вскоре когти замаячили у самого моего лица, однако ставшие, казалось, ватными ноги намертво вросли в пол. Догоравшая спичка уже начинала обжигать пальцы, как тут мимолетное проснувшееся сознание того, чему я стал свидетелем, неожиданно вывело меня из состояния губельного оцепенения. Поистине, я испугался не столько мучительной смерти, сколько того, что со мной в могилу навсегда уйдет кошмарная тайна дома Хугнеров.

Теперь в моем распоряжении оставались ничтожные секунды. Метнувшись в сторону в полной темноте, я кое-как сорвал со стены отточенный средневековый кинжал, и наугад бросив его в затмившую собой все бесформенную покачивающуюся массу, непонятной силой был вынесен в коридор. Невероятные, леденящие душу стоны, переплетаясь со свистом воздуха в ушах, лишали меня всякой ориентировки. Даже не задумываясь над тем, где мог находиться выход, я беспорядочно метался из одной комнаты в другую, пока не оказался на ступеньках высокой, крутой лестницы, ведущей в подвал. Только здесь, пронзенный сыростью и нестерпимым холодом мрачного подземелья, я наконец замер на месте, тщетно прислушиваясь к тому, что творилось наверху, но не слыша ничего, кроме своего горячего дыхания.

"Неужели мне придется когда-нибудь вернуться назад!" — думал я, и сам всеми силами отгонял эту ужасную мысль.

Казалось, мне уже было совершенно безразлично сколько времени доведется пребывать в чреве ледяного подвала, однако именно тут со мной стали происходить вещи, суть которых располагалась где-то за пределами моего понимания. Чем больше меня охватывал ужас, тем настойчивей и непреодолимей становилось желание вернуться наверх — туда, где в просторной комнате рассекали воздух чудовищные когти голубого дракона.

Искаженное гримасой страха и боли лицо мисс Дортон вдруг сменилось в моей памяти недоверчивой улыбкой Френсиса Хьюза, видевшего во мне лишь несчастного больного. И вот, находясь теперь действительно на грани помешательства, я стал бредить новой встречей со стариком, с диким злорадством предвкушая его полный крах, до того самого момента, когда покинув подвал, я чуть не натолкнулся головой на высокий напольный светильник у самой двери ужасной комнаты.

Теперь я абсолютно уверен, что не постижение истины, не любопытство, не желание принести себя в жертву ради несбыточного идеала привело меня тогда к двери обители страшного призрака. Безграничным повелителем и властелином моей воли в те ранние часы выступало то, о чем я могу решиться упомянуть, только находясь на смертном одре.

Дрожащей рукой я чуть приоткрыл дверь и с трепетом приник к узкой щели образовавшегося проема. Надеюсь встретить нечто невероятное, я впал в полнейшую растерянность, увидев, что растение-оборотень бесследно исчезло — угол, где оно некогда возвышалось, оказался пуст. То ли дверь распахнулась сама собой, то ли в припадке смутения я незаметно толкнул ее ногой... У меня потемнело в глазах, когда оказавшись на пороге спальни, я зацепился ногами за нечто продолговатое, издававшее такое же невероятное зловоние, с которым мне приходилось столкнуться когда-то в своей комнате. За окнами уже начинало светать, и все же кое-как я отыскал в себе силы зажечь случайно найденную здесь на полу свечу.

На ковре, сильно изогнувшись, распласталось скрюченное тело высокого страшного старика с неестественно острыми чертами лица, выдвинутой нижней челюстью и голубой, изрытой настоящими оврагами морщинистой кожей. В груди мертвеца поблескивал тот самый кинжал с крестом на рукоятке, который я, спасаясь бегством от смертоносных когтей, безнадежно бросил в голубое исчадие ада. С вытаращенными глазами я смотрел на почти полностью ушедший в тело клинок, уже не в силах вспомнить даже слова молитвы при виде струившейся из раны грязно-зеленой жидкости. И все же то, что последовало вслед за этим, было несравнимо уже ни с чем.

Моя рука невольно подвела свечу к самому лицу чудовищного оборотня, и тут от неожиданности я чуть было не уронил ее прямо на мертвеца. Обличие ужасного старика даже при тусклом свете показалось мне очень знакомым... Пе-

редо мной лежал ни кто иной, как мой загадочный дядя, которого я так хорошо помнил по жуткому портрету, висевшему в моем городском доме!

Мертвой хваткой сжавшая свечу рука тряслась, словно в лихорадке, в результате чего расплавленный воск хлынул на заостренное, перекошенное лицо покойника. Ужасный стон вырвался вдруг из груди оборотня и он впился в меня потускневшими, безжизненными глазами, в которых по-особому зловеще поблескивало пламя свечи. Я отскочил, как ужаленный болотным гадом, и тут высохшая костлявая рука вампира судорожно схватила воздух там, где только что была моя голова.

Ужасный, раскатистый звериный рев сопровождал меня до самых границ старого поместья, и только сильные порывы разбушевавшегося ветра заглушали кошмарные вопли поверженного дьявола. Несколько раз спотыкаясь и падая, я, тем не менее, находил в себе силы подниматься и удалялся все дальше и дальше от проклятого дома, пока не достиг вершины холма, откуда сатанинское гнездо выглядело совсем крохотным, невзрачным строением. Я не знаю, что заставило меня остановиться именно здесь, но видно самому Всевышнему было угодно, чтобы я до конца испытал за свои грехи самый черный, непостижимый ужас.

Новый бешеный порыв ветра чуть не свалил меня с ног и тут вся округа вдруг наполнилась захватывающим, протяжным воем исполинского камня. Взглянув в его сторону, мне показалось, что наступает конец света: покоящая скала мерно раскачивалась на своем маленьком постаменте. На какое-то мгновение наступила полнейшая тишина, утих даже обезумевший ветер, словно преклоняясь перед тем, что вот-вот должно будет произойти. Скала между тем, медленно, будто сопротивляясь, угрожающе подалась вперед, на несколько секунд застыла на незаметном уступе и внезапно с ужасным, сотрясающим землю грохотом ринулась вниз, за считанные мгновения добравшись до того места, где стоял ветхий дом Роберта Хугнера.

"ПРОРИЦАНИЕ" расскажет Вам о грядущем до 2000 года. Самое подробное описание всех предстоящих событий с датами. Стоимость с пересылкой — 70 р. Перевод высылать по адресу: 111123, Москва, а/я 40

Петухову Ю.Д.

НОЧЬ — ВРЕМЯ ПРИЗРАКОВ

Моросил бесконечный нудный дождь. Лучи редких фонарей безуспешно пытались пробить чрево ночи и вязли во влажной холодной тьме. Тишина затаилась как зверь, готовый вцепиться в глотку. Дэм Дэйв посмотрел на часы. Пора. До дома добираться не меньше часа, а в восемь встреча с Алексом. С высоты четвертого этажа он последний раз взглянул на старинный дом, напоминающий военный корабль. Дэм отвернулся и побрел к выходу. Под ногами хрустело стекло и битый кирпич.

Он выбрался из разрушенной девятиэтажки и быстрым шагом направился вдоль улицы, стараясь держаться подальше от фонарей. До дома оставалось минут двадцать ходьбы, как вдруг откуда-то сбоку ударил снап света, припечатав к тротуару сжавшуюся фигуру. Из темного переулка бесшумно выполз полицейский броневик. Металлический голос разбудил тишину: «Предъявите ночной пропуск». Дэйв кивнул, медленно расстегнул куртку и полез во внутренний карман за несуществующим пропуском.

Неимоверным усилием воли он ввел организм в состояние критического напряжения и сквозь шоковую боль почувствовал, как отступает его «Я» под натиском яростной звериной силы, стремительно заполняющей тело.

Существо, минуту назад бывшее человеком, подняло голову и в свете фар блеснули круглые глаза с вертикальными кошачьими зрачками. Команда «огонь» запоздала на секунду. Оборотень распрямился как пружина и взлетел на высоту третьего этажа, перевернувшись через голову. Вместо пробитого окна он врзался в стену, но, падая, вцепился в подоконник этажом ниже. Старая пластмасса затрещала под кривыми когтями. Он подтянулся, вышиб головой раму и ввалился внутрь. Мгновением позже плясавший луч прожектора осветил клубы пыли над его головой. Беспшумные выстрелы длинноимпульсного разрядника развалили стену и часть потолка. Дэйв вскочил, разметав обломки и бросился к лестнице. Новая серия импульсов достигла цели. Когтистая кисть завертелась в воздухе и врзалась в стену. Жгучая боль и запах горелого мяса выдавили из глотки короткий хрип, но не остановили. К разряднику присоединился

крупнокалиберный пулемет и вскоре здание рухнуло, словно карточный домик.

Тяжело дыша, Дэм остановился перед своим домом. Дверь не отворялась. Он выругался, но услышал только нечленораздельное мычание. Из мешанины в голове вычленилась мысль: «Я еще не принял нормальный облик». Он опустился на мокрый порог и попытался сосредоточиться. Мешала стонущая боль — организм тянул энергию из всех клеток для регенерации оторванной кисти. Из обожженного рукава торчал густо розовый обрубок. Пальцы росли на глазах.

Наконец, дом впустил его. Стая кошек, с голодным мяуканьем терзавших внутренности, погнала его на кухню. Шатаясь как пьяный, он добрал до клетки с кроликами и схватил первого попавшегося. Хрупкий позвоночник переломился, оборвав судорожное дерганье лапок. Жернова челюстей перемололи все без остатка, включая шкуру и кости. Влив в себя полбутылки «Шерри», Дэйв дотащился до спальни и рухнул на тахту.

— Проснись, мой мальчик, пора вставать. — Веки разомкнулись сами собой и яркий свет растопил остатки сна. Он встал, прошел на кухню. Ольга стояла у плиты. Дэм обнял ее и окунул лицо в мягкое озеро рыжих волос. Она улыбнулась:

— Доброе утро. Как ты прожил этот день без меня? Ты был весь в крови и даже не проснулся, когда я тебя раздевала.

При воспоминании о прошедшей ночи, что-то звериное шевельнулось внутри. Поморщившись, он ответил:

— Меня пытались убить несколько часов назад. Но это не просто сделать, ты же знаешь.

Ольга повернулась, задержала его голову в теплых ладонях. Ее взгляд загнал зверя в бездонные пещеры подсознания.

— Бедный мой мальчик. Хочешь я буду ходить с тобой?

— Нет. Днем я в безопасности, а ночью двух заметить легче, чем одного.

— Береги себя. Если с тобой что-то случится, кому я буду нужна?

— Я всегда помню о тебе.

Он поцеловал ее и отправился в ванную. Плотно позавтракав, в семь двадцать Дэм вышел из дома, а в восемь уже сидел за столиком в легнем кафе на площади Воссоединения и наслаждался горячим кофе. Из-за угла «Синема Стар» показалась знакомая долговязая фигура.

— Саяют.
— Привет. Ты опять опаздываешь!
— Куда спешить? До работы почти полгода. Какие планы на сегодня, сэр?
— У тебя хорошее настроение. Случилось что-нибудь?
— Я в своей тарелке. Мы просто редко видимся. Так чем ты собираешься сегодня заняться?
— У меня тоже хорошее настроение и я хочу размяться. Приглашаю во «Все развлечения».
— Принято. Я там ни разу не был — дороговато.
— Отлично. Давно собирался посмотреть, что это такое. Плачу я.

Они выпили кофе, поболтали ни о чем и, расплатившись, сели в такси. Через полчаса машина мягко приземлилась перед металлической башней без окон. Миновав стальные двери, молодые люди прошли через фойе и попали в небольшой холл. Одна из дверей распахнулась и навстречу им выкатился одетый в строгий костюм толстый коротышка. Широко улыбаясь, он быстрым шагом направился к посетителям.

— Здравствуйте, господа. Очень, очень рад вас видеть в этих стенах. Мое имя Ланол. Но вы можете называть меня просто Лан. А как зовут вас?

— Стينو, а это мой друг Авар, — не моргнув глазом ответил Дэйв.

— Очень, очень приятно. Что же мы стоим? Располагайтесь! — Все трое утонули в глубоких креслах. — Не желаете ли выпить? Коньяк? Виски?

— Я бы предпочел стаканчик «Шерри», — сказал Дэйв.

— А я — водку.

— О-о, водка! Среди моих предков много русских. Водка была их любимым напитком.

Столик выдавил из себя три сосуда, пачку сигарет и пепельницу.

— Теперь разрешите полюбопытствовать, какова цель вашего визита?

— Мы желали бы знать, какими развлечениями располагает ваша фирма.

— О-о, самыми разнообразными! Точнее — всеми. Мы — единственная на планете фирма, клиенты которой могут создавать свои миры и посещать их.

Дэм удивленно вскинул брови:

— В самом деле? Я считал, что запрет на ЭТО был полным.

— Совершенно верно. Но совсем недавно удалось получить средства контроля за подобной деятельностью. Вы можете выдумать любую, повторяю — любую реальность и отаться в ней. Но мы сумеем вывести вас в момент стопроцентной угрозы для жизни и по окончании заранее оговоренного времени. Контроль за безопасностью осуществляется соответствующими зонами мозга самого клиента, продублированными на наших машинах. Дубликаты уничтожаются вместе с созданными реальностями по окончании сеанса. Как видите, мы гарантируем полную свободу, исключая самоубийство. Для этого существуют другие фирмы. — Ланол вопросительно взглянул на посетителей. Они молчали. Чуть охладив тон, он добавил. — Вас не устраивают наши условия? Может вы не доверяете моим словам? Я могу предоставить...

— Нет-нет. Нас все устраивает, так? — Дэйв повернулся к Алексу. Тот неуверенно кивнул.

— В таком случае назовите время, на которое вы хотели бы, так сказать, отрешиться от мира. Вы можете находиться у нас до вашего очередного обязательного срока работы.

— Достаточно... 12—13 часов. Авар, ты будешь брать отдельный сеанс или пойдешь со мной?

Алекс несколько секунд напряженно всматривался в безмятежное лицо Дэйва. — С тобой.

— О-о! — Глаза толстяка увлажнились. — Господа, простите старику эти слезы. За время существования нашей фирмы вы первыми взяли совместный сеанс. Я — человек архаичных взглядов. Вы не представляете, как мне приятно видеть проявление духа коллективизма в наш век равнодушия и эгоизма.

— Сколько с нас?

— Цены на коллективные сеансы в два раза ниже одиночных. С Вас 76 и две десятых единицы.

Дэм достал карточку и расплатился. Они прошли в обширный зал, заполненный машинами. Две дежурно улыбающиеся кинодивы, в которых без труда можно было узнать роботов, помогли им раздеться, уложили на мягчайшие кушетки. Одна из них произнесла бесцветным голосом: «Какой выбираете режим?» Дэм ответил не задумываясь: «Свободный поиск». Щелчок — и обнаженные тела исчезли с белоснежных простыней.

Крутой склон холма. Вокруг — болото, укутанное в рваное одеяло душных испарений. Порыв ветра разметал туман у подножия холма, где находилось устрашающего вида су-

пещество. Туловище, не уступавшее слоновьему, подпиралось короткими кривыми лапами толщиной с бревно. На толстой шее сидела уродливая лобастая голова с торчащими из клюва мощными клыками. Тело лоснилось от жирной грязи, маленькие свиные глазки буравили людей, отступивших за невысокие растения, похожие на кактусы. Зверь издал глубокий рык и, потоптавшись, полез вверх. С шумным сопением взобравшись на плоскую вершину, животное улеглось, положив тяжелую голову на когтистые лапы. Сзади раздался шорох, между стволов замелькали неясные силуэты и на открытое пространство выскочило несколько животных, величиной с тигра. Крупная голова, острые когти и зубастая пасть выдавали в них хищников. Шесть тварей, не раздумывая, бросились на толстокожего, а последняя свернула на полдороге. Два тесака с лязгом выскочили из ножен и опустили на оскаленную морду. Алый фонтан на мгновение ослепил обоих. Дэм рукавом стер с лица кровь. Мозги вывалились из разрубленного черепа, но лапы и хвост еще бились в конвульсиях. В тридцати шагах ревущий колосс отбивался от наседавшей стаи. Один хищник лежал с переломленным позвоночником, но остальные, передними зубами, похожими на направленные вперед щипцы, раз за разом сдирали куски толстой лохматой шкуры, судорожно глотали и тут же вновь бросались на жертву. Обезумевший от боли зверь, не разбирая дороги, рванулся на пролом и покатился по склону. «Вот и все», — не без жалости подумал Дэйв. Но гигант встал и, с трудом переставляя истерзанные ноги, растворился в тумане. Ящер набросился на мертвого собрата и труп исчез под грудой тел.

— Надо бы умыться, — Алекс вопросительно взглянул на Дэйва.

Вода пахла отвратительно, но другой не было. Дэм смыл кровь и попытался что-либо разглядеть в клубящейся серой мгле. «Сзади!» — Хлесткий, как удар бича, крик развернул его на 180 градусов, но не смог удержать на скользкой грязи. Когтистые лапы вдавили его в вонючую жижу. В дюйме от лица распахнулась пасть, дохнувшая смрадом гнилого мяса. И наступила тьма.

«Хар, хар!» — Дэм нещадно лупил древком храпевшего коня. «Догнать и уничтожить!» — Ярость заменяла отнятые многодневным переходом силы. Вместе с передовым десятком всадников он мчался по полю, оставляя позади полосу смятой истоптанной пшеницы. Спины чужаков уже близко,

но и до деревни «рукой подать». Он поудобнее перехватил древко и сделал бросок. Дротик воткнулся в шею одного из преследуемых и сбил с ног. Бежавший рядом остановился и повернул бородатое лицо. Дэйв физически ощутил направленную на него волну ненависти. В руке старика что-то блеснуло и мир взорвался.

Дэм приподнял голову, выплюнул землю. Рядом бился его вороной с бронзовым кинжалом в горле. Шум сзади. Дэйв схватил сплетенный из прутьев щит и вскочил. Страшный удар отшвырнул щит далеко в сторону и запалил в левой руке костер жгучей боли. Дэм выхватил из-за пояса боевой скипетр. Железное навершие в виде лошадиной морды оторвало ухо и вонзилось в плечо противника. Смешиваясь с потом, кровь заструилась под рубаху. Враг не обратил на раны никакого внимания. Очередной раз увернувшись от шлифованной каменной головки, Дэйв нанес сокрушительный удар и отскочил. В руках осталась только резная рукоять. Старик с окаменевшим лицом и с железом в груди продолжал наступать. Завороженный Дэм стоял не шелохнувшись. Тяжелый молот медленно поднялся и пошел вниз. Не закончив смертоносного движения, он выпал из онемевших ладоней. «Тебе не жить», — прохрипел умирающий и рухнул лицом вниз. Из позвоночника торчала оперенная стрела.

В звенящее пустотой сознание вихрем ворвались звуки и краски. Грохот копыт и гиканье сотен всадников, несущихся мимо, слышались со стонами и визгом мечущихся жителей деревни, с ревом пламени, пожирающим убогие лачуги. Рядом остановился койный лучник Алекс. Он улыбался и кричал, но слова не доходили. Алекс ускакал. Дэм стоял, не зная что делать. Ноги сами понесли его. «Я не хочу! Не надо!» — маленький жалкий человечек бился в черепной коробке, а над ним возвышался кто-то огромный молчаливый и страшный. Дэм споткнулся. У ног распростерся убитый им юноша. Дэм выдернул дротик и перевернул труп. Наконец перебил шейные позвонки и голова болталась как привязанная. На безумном лице застыло изумление. Кто он старик: сын? внук? «Что ты сидишь?! Брось его! Это враг! Враг!» — злобно визжал в мозгу человечек. Дэм закрыл мертвому глаза и повернулся, ощутив спиной взгляд. Рядом тренькнула тетива и ночь проглотила мир.

— Мама, Ма-ма. — Дэйв целовал мягкие ладони. — Почему ты не приходила? Я так долго ждал.

— Прости. Я не могла. Давай просто помолчим. — Един-

ственные в мире руки гладили его лицо, мокрое от слез. — Не плач, мой мальчик. Меня нет, но ты же знаешь, я всегда с тобой. И ты можешь уйти, стоит лишь захотеть. Я буду ждать тебя.

Слова, как хрустальные колокольчики: динь-дон, динь-дон. И ничего нет больше в мире, кроме этих слов, произнесенных самым дорогим на свете существом.

— Мама? Мама! — Дэм открыл глаза. Рядом — никого. Высушив слезы, в лицо дохнул жгучий ветер пустыни. С беспешено молотящимся сердцем он встал с колен и подошел к обрыву. Под ним разверзлась пропасть. Узкая долина, протянувшаяся до горизонта, была заполнена шевелящейся массой. Сумрак наступил. Дэм поднял голову. Раздвинув стадо облаков, с небес опустилась гигантская рука. С ее ладони соскользнули два белоснежных крыла и, коснувшись плеч, вросли в тело. Небо стремительно восало в себя огромную длань. Дэм Дэйв шагнул в пустоту. Каменная стена рванулась ввысь. В ушах взревел ветер. Крылья за спиной развернулись и превратили стремительное падение в плавное планирование.

Чем больше Дэм смотрел вниз, тем глубже впивались в мозг когти страха. Он попытался подняться выше, но невидимая паутина не пускала. Долина тащила к себе. Он выбился из сил и сдался. Земля приближалась. Бесформенное месиво внизу расплылось на отдельные куски, состоящие из множества копошащихся точек. Точки увеличились, превратились в людей. В гигантское скопище людей, убивающих друг друга. Над толпой поднялось жерло орудия и стальная кувалда взрывной волны швырнула его на базальтовую стену. Прежде, чем отключилось сознание, перед глазами мелькнули белоснежные перья.

Дэйв вынырнул из забвения. Он лежал на трупах. Вся долина была покрыта многометровым слоем трупов. Непередаваемо отвратительная вонь гниющей плоти ножом резала легкие. Голова гудела как колокол. Из-за ближайшего холма, образованного телами мертвецов, показался человек. Он осторожно положил карабин, вытащил из-под погона пилотку и вытер лицо, мокрое от пота. Больше он ничего не успел сделать. Появившийся на вершине воин с широким мечом прыгнул на него и снес голову. А через минуту упал, пронзенный дротиком темнокожего всадника. Дэм затаил дыхание. Не найдя новой жертвы, воин умчался туда, откуда доносился гул битвы.

Дэм оглянулся. Никого. Никого, кроме тысяч и тысяч

смердящих разлагающихся трупов. Он встал, но тут же упал на колени. Его неудержимо рвало.

— Прочь отсюда! К людям! Пусть к врагам, но к живым! — Ноги не слушались и он снова упал. — Крылья! Бог дал мне крылья! — Дэйв развернул крылья и вздрогнул. Над плечами возвышались непомерно разросшиеся когтистые пальцы с голой перепонкой меж ними. — Пусть так. Только бы не видеть всего этого.

С гудением вспарывая воздух, он тяжело поднялся и полетел, лавируя между нагромождениями застывших тел. Шум впереди нарастал, как лавина. Дэйв прижался к скалам. Из-за выступа стены вырвался вертолет. Заметив человека, железная птица повернула к добыче. Пулемет оказался бессилен против драконьих крыльев, защищающих не хуже шкуры немейского льва или бронезилета.

Пулеметная очередь сбросила Дэйва вниз, в самую гущу дерущихся. На него налетел солдат в краснозвездной фуражке с винтовкой в руках. Дэм обернул одно крыло вокруг тела, защищаясь как щитом от четырехгранного штыка. Солдат наносил удар за ударом, пока не упал с нерезанным горлом. Его убийца-галл, вооруженный длинной саблей и огромным щитом, замахнулся на Дэйва. Тот крылом отбил удар, подхватил из-под ног саблю дамасской стали и первым же ответным ударом перерубил меч у самой рукояти. Второй удар рассек обнаженную грудную клетку галла. Каменный томагавк обрушился на спину и Дэйв упал, выронив саблю. Нога, обутая в мокасин, опустилась на его голову. Рыча как зверь, он вскочил и кулаком проломил висок индейцу-пуэбло. Вырвав из окоченевших рук мертвеца бронзовый лабрис, он отбил им яростное нападение гота. Мелькавший наконечник ассагая давно бы увяз в теле Дэйва, не имея он надежной защиты. Стрела китайского арбалетчика прошла предплечье германца, а обсидиановое лезвие деревянного ацтекского меча превратило его спину в сплошную кровавую рану.

Прорубая дорогу топором, Дэм пробрался к бесформенной груди железа, бывшей недавно танком первой мировой, да так и остался стоять там, прижавшись спиной к остывающему металлу. Вскоре он совершенно отупел: механически увертывался от ударов, нападал, падал при близких взрывах, вскакивал и снова без устали рубил, колот, резал. Потому что нельзя было иначе. Здесь каждый дрался на смерть только за себя. Один против всех. Воины всех времен и народов собрались вместе, чтобы доказать свое превосход-

ство над другими одним единственным известным им способом.

Долину окутывал вечер. Никто не нападал. Стонали раненые, где-то рядом храпела издыхающая лошадь, корчился у ног греческий пелтаст с отрубленной рукой. Сознание отказывалось верить, что все кончилось. Дэм оглянулся и с изумлением увидел несколько разнообразно одетых людей, мирно расположившихся возле горящих обломков сбитого винтокрыла. На огне булькал котел. Все еще сжимая тяжелый палаш, Дэм подошел и сел рядом. Рыжий великан фракиец обрубком копыа помешивал варево: сидя на коленях, молчаливо молился самурай; стройный курчавый эфиоп, хохоча и размахивая руками, о чем-то кричал в ухо старику скифу, сосредоточенно точившему акинак; ворочался и бредил во сне российский доброволец времен второй гражданской; пьяный римский легионер пытался обнять закованную в панцирь суровую монголку. Дэм видел их впервые, но знал, какого они рода-племени, о чем говорят и даже о чем думают. Каждый мечтал о доме, семье или любимой. О том, как хорошо будет жить после войны. Этим, в основном, и исчерпывались их мысли. Если не считать еще одной, слово в слово повторяющейся в каждой голове: «Помоги мне, Господи, истребить всех врагов». Эта мысль являлась вершиной ледяного айсберга равнодушия ко всему, что не составляло часть привычного каждому из них мира.

Пробуя острогу заточки, скиф воткнул клинок в грудь африканца. Никто не обратил внимания на вопль. Но когда Дэйв, облизав пересохшие губы, спросил: «Есть ли выход из долины?», все сразу повернули лица в его сторону. И столько вражды было в горящих огнем глазах, что Дэм поближе придвинул свою саблю.

— Он не такой как мы — у него крылья. Он демон. — Произнесла сумрачная монголка.

— Есть ли отсюда выход? — повторил Дэйв.

— Есть. К Богу. — Ответил фракиец, вызвав всеобщий гогот. — Сейчас мы поможем тебе поскорее попасть к нему.

Дэм схватил оружие и стал пятиться, но тут же споткнулся и упал. Задев волосы, над головой просвистел штык-нож. Он повернулся и побежал.

Каждая мышца, каждая косточка кричала: «Я больше не могу!», но Дэм, задыхаясь и падая, бежал, пока не наткнулся на стену. Он попытался взмахнуть крыльями. Крылья не слушались. Тогда он собрал остатки сил и полез.

Когда преследователи добрались до скал, Дэйв успел

взобраться высоко. Внизу осталась долина, покрытая множеством огоньков, словно зеркало, отражающее звездное небо.

Снизу донеслась пулеметная дробь. Яркая пунктирная линия врезалась в базальт, разметав искры. Ухнул тяжелый армейский разрядник. Скала затряслась, будто пыталась стряхнуть человека. Дэм вжался в стену, впился в нее когтями крыльев. В сотне метров слева лавина вывороченных глыб ринулась к земле. Снова застучал пулемет, к нему присоединились автомат, несколько винтовок и лазерный резак, осыпавший Дэйва градом камней. Стрельба и крики стихли. Он взглянул вверх. Черные скалы тянулись на небообразную высоту, оставляя небу узкую полосу свободного пространства. Дэм стер с лица пыль и полез выше.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, полчаса, а может полночи. Огни костров внизу истаяли до едва заметных искорок, а неровная лента звездного неба не приблизилась, казалось, ни на метр. Ближе к утру он наткнулся на нишу в скале, вполз внутрь и мгновенно уснул.

Солнце настойчиво пробивалось сквозь веки. Дэм медленно вылез из тоящи сна, как из черного омота. Он встал на четвереньки и выглянул из укрытия. Подножие голой стены тонуло в кипящей человеческой лаве. Взрывы, выстрелы, лязг оружия, рев моторов, предсмертные стоны и победные возгласы сливались в сплошной ровный гул.

Дэм видел лишь небольшую часть долины, ограниченную выступами скал. Из-за дальнего поворота показалось что-то огромное и подмяло кишашую толпу. Вскоре он с ужасом понял, что это все — увеличивающийся рулет из слежавшегося, утрамбованного людьми слоя мертвецов, который скатывал огромный скелет, одетый в серый балахон. Чудовищный каток давил людской муравейник. Тех, кто пытался спастись, костлявая рука размазывала по скалам. «Ей надоело ждать», — понял Дэйв. И в этот момент Смерть взглянула на него. Капюшон упал с головы и гладкая черепная коробка заблестела на солнце. Взгляд мертвых пустых глазниц приковал к месту, заледенил душу, на мгновение превратил Дэма в труп. Смерть скрылась за поворотом, а он все еще стоял как изваяние. Раздался грохот, от которого содрогнулись стены, стиснувшие долину. Каменная плита над головой угрожающе накренилась. Дэйв отпрянул назад. С потолка сыпалась пыль. Грохот прекратился, послышались тяжелые удары. Окаменевший от ужаса Дэйв ждал. Первой вышла Смерть. За ней, с трудом переставляя ноги, появи-

лась человекоподобная фигура невообразимых размеров, напоминающая одновременно Голема и Вия. Ее голова без лица находилась на одном уровне с последним живым человеком, следившим за происходящим как за гипнотизированным удавом кролик. «Почему я еще не умер?» — Этот вопрос, едва родившись, тут же был сметен яростной животной волной, — инстинктом самосохранения.

Крылья столкнули его в бездну и понесли ввысь. Внизу то ли в припадке, то ли в танце бесновалась Смерть; бежал колосс, сотрясая землю, сокрушая скалы и роняя на ходу куски тела, а Дэм Дэйв возносился к бездонному небу навстречу свободе. Вот она — спасительная кромка скал, уже совсем близко. Но что-то черное вынырнуло из пучины ущелья и закрыло солнце. Бешеный вихрь завертел Дэйва и швырнул к земле. Он падал среди бесформенных каменных обломков, искореженных машин, изуродованных людских тел и видел под собой все увеличивающийся человеческий остов, тянувшийся к нему костлявые руки. И наступила тьма.

Дэм поднялся и сел. Широкое ложе под ним съежилось, превратилось в глубокое кресло. Недоуменный взгляд скользнул по комнате. Неторопливо отсчитывали время большие напольные часы с утонувшим в чернильной темноте циферблатом. Низенький столик и несколько кресел жались к камину, облицованному фигурной глазурованной плиткой. На столике под свечами грелись конфеты в вазочке, ломтики лимона, рюмки и бокалы, отлитые из фосфоресцирующего черного стекла. Кроме камина и свечей, источники света отсутствовали и невозможно было понять, что еще скрывается в концентрированном мраке цвета сепии. Послышался приглушенный разговор. Вошли Алекс и толстяк, встретивший их во «Все развлечения».

— Вы уже проснулись? Вот и прекрасно. — Ланол обнажил в улыбке золотые зубы. — Специально для вас принес «Шерри-Дринк». И отличный армянский коньяк. Прошу вас.

Все трое сели у камина. Алекс скосил глаза на Ланола. Тот ударил себя ладонью по лбу.

— О, господи! Я же ничего не объяснил. Склероз, знаете ли, старческий. Вы, господин Стينو, очень эмоциональный человек. Хотя, на первый взгляд производите прямо противоположное впечатление. По окончании сеанса вы отключились так глубоко, что пришлось вызывать «скорую помощь».

Когда они сделали свое дело, было уже слишком много времени. Я предложил господину Авару выехать сюда, так как я чувствую себя в некотором роде виноватым в том, что вы не смогли понасть домой до начала комендантского часа. У меня имеется ограниченный ночной пропуск, вот я и решил, что самое лучшее — доставить вас сюда.

Дэм «переварил» информацию. Во время путешествия в воображаемые миры он несколько раз «выключался» и раньше. Но рядом всегда была Ольга. Кто знал, что это случится при первом же визите во «Все развлечения»? Если врачи со «скорой» провели анализ на «плавающие гены», ему конец. Но он до сих пор жив, значит, они этого не сделали.

— Благодарю вас. — Дэм поднял бокал. — Видимо, ваши развлечения не для таких хлюпиков, как я. Надеюсь, меня не сочли самоубийцей?

— Нет-нет, что вы! Наши двери всегда открыты для вас. Вам просто нужно хорошенько отдохнуть. Нельзя так близко к сердцу принимать фантазии.

— Вы ошибаетесь. Эти фантазии — не меньшая реальность, чем наша жизнь...

— Здравствуйте. — К столику подошла девушка. Дэйв едва не вскрикнул. Мужчины встали. Ланол торжественно произнес:

— Господа, моя дочь — Юлия. Господин Авар. Господин Стينو. Не хочу хвалиться, но моя дочь — человек известный. Вы, вероятно, не раз видели ее на своих экранах. Может ты украсишь нашу компанию, детка?

Девушка одарила всех ослепительной улыбкой:

— Если гости не будут против. — Юлия опустила в пододвинутое Алексом кресло, ее отец достал рюмку, а Дэм, к которому вернулась способность соображать, подумал: «Не слишком ли много сюрпризов для неполных суток?»

Молчаливый Алекс, наконец, заговорил:

— Мы не смогли вовремя вернуться домой, и господин Ланол пригласил нас к себе. О чем я ничуть не жалею.

— Я уверена, мой папа очень рад.

— Что правда, то правда. Люблю посидеть в компании у камина с бокалом вина. Увы, это случается редко.

— Папа, я возьму завтра твой «Тайфун», если не возражаешь.

— Конечно, конечно. А куда тебя послали?

— Бениго. Это колония на западе северной Африки. Там назревает война с дикарями.

— Дикари? Неужели они осмеливаются воевать?

— Не только воевать, но и побеждать, господин Авар.

— Да? Я не очень много знаю о них. Может вы расскажете?

— Извольте. Нецивилизованный мир — это, в основном, племена, образовавшиеся из сбежавших от нашей цивилизации людей. Они перешли к образу жизни далеких предков. Последние двадцать лет власти пытаются остановить бегство, так как оно приобрело массовый характер...

— Но люди все равно бегут. — Юлия повернулась на голос и Дэм на секунду утонул в черном омуте ее глаз.

— Да, бегут. Как крысы с тонущего корабля.

— Удачное сравнение. Они бегут как крысы, для того чтобы стать людьми. Не существовать, но жить...

— Господа. — Ланол слегка повысил голос. — Неужели вам хочется говорить о таких приземленных вещах в присутствии девушки? — Он протянул руку в темноту и пространство заполнилось густым, плавно переливающимся вишневым сумраком. Полилась мягкая тихая мелодия. — Господа, вы не очень устали? В таком случае, я принесу что-нибудь закусить.

Потягивая «Шерри», Дэм следил за танцующей парой. Еще 24 часа назад он мучился и страдал от невозможности попасть в этот дом. И вот он здесь. Девушка, ради которой он столько ночей рисковал жизнью, перед ним. Можно пригласить ее танцевать, можно поговорить с ней, сколько угодно любоваться ею. Но душу отравляет яд сомнения: а имею ли я право вмешиваться в ее жизнь? Я, которого считают чудовищем, вырождаком рода человеческого? А может этот страх просто продолжение комплекса неполноценности?

— О чем задумались, господин Стينو? — Каштановая прядь коснулась щеки и Дэйв вздрогнул. — Пойдемте танцуем.

— С удовольствием. — Сердце забило как пойманная птица.

— Вам плохо?

— Мне никогда не было так хорошо. Можно мне назвать Вас просто Юлией?

Лукавый взгляд и мягкое «можно» в ответ. Страхи и сомнения рассеялись как дым. Минуты превратились в вечность и Дэйв растворился в ней. Музыка кончилась. Они подошли к столику. Алекс оживленно рассказывал Ланолу о своих приключениях в мирах Дэма.

— Я тут кое-что из наших походов поведал. Ты не против?

— Пожалуйста, — ответил Дэйв, а про себя подумал: «Опять надерется». — Господин Ланол, мне нужно позвонить.

— Детка, проводи, пожалуйста, Стينو.

Они долго шли темным коридором, свернули и остановились у встроенного в стену видеотрона. Дэм закрыл дверцу и набрал код. Перед ним появилось встревоженное лицо Ольги.

— Что случилось?

— Не волнуйся, все нормально. Я приду сегодня утром.

— Где ты находишься?

— Там, куда ходил последнее время.

— Ты все-таки достал ее. Теперь я не нужна тебе.

— Не говори глупостей.

— Я для тебя только фон, часть домашней обстановки.

— Запомни раз и навсегда, я никогда не брошу тебя. Ты — часть моей жизни. Мне не нравится то, что ты говоришь.

— Я сама себе не нравлюсь. Кажется, эти костоломы из «Ремонта» занимаются не только обслуживанием киборгов. У меня такое ощущение, будто за мной наблюдают. Они что-то встроили в мои внутренности. Мне страшно.

Дэм некоторое время молчал, покусывая губу.

— Утром я проверю. На всякий случай, не теряй со мной связь. До скорого.

— Я жду тебя.

Изображение исчезло. Дэйв шагнул в коридор и остановился как вкопанный. Впереди развалился саблезубый тигр. Он поднялся и направился к человеку, по-собачьи вывалив длинный язык. Клыки торчали из пасти сантиметров на десять.

— Грон, лежать! — Властный голос остановил зверя. Юлия взяла Дэйва за руку и они осторожно обошли развалившееся поперек коридора животное. Дэйв поцеловал длинные тонкие пальцы.

— Спасибо. Вы мой ангел-хранитель. Что это за чудовище?

— Это собака породы Махайродон. Грон очень старый. Папа купил его, когда я родилась.

Они вошли в гостиную. На столике появилась новая бутылка. Ланол и Алекс спорили. Оба были пьяны.

— Папа, тебе завтра на работу.

— А-а, пустяки, детка. Пара таблеток — и утром я встану свежий как огурчик. Я доказываю этому молодому человеку,

что наша фирма если и не панацея, то отличное лекарство для общества.

Дэйв улыбнулся:

— По-моему, вы уже ничего не сможете ему доказать. — Алекс хмуро взглянул на друга.

— А Вы что об этом думаете, господин Стино?

— Нашему обществу уже не помогут никакие лекарства. Тем более — ваша фирма. Если мозг умер, тело обречено.

— Но почему?! Я не спорю с тем, что цивилизация серьезно больна, если можно так выразиться. Хотя я, честно говоря, не совсем понимаю причины болезни, почему люди стали такими равнодушными ко всему, что не касается их лично. Естественно, что властям приходится принуждать их вспоминать, что каждый член общества живет не на острове а среди себе подобных. Отсюда и недовольство, и скрытое сопротивление, и бегство в мир варваров, наконец. Но мы, имею в виду «Все развлеченья», поможем людям разрядиться, снять накопленное напряжение, а значит, способствовать нормализации обстановки.

— Самообман. — Дэм сделал глоток. — Мы слишком долго были свободными. Сейчас закручивают гайки... «Развлечения» на время дают ощущение свободы. Но выйдя из вашей стальной башни, человек будет чувствовать себя еще хуже, рамки-то остались.

Ланол тяжело вздохнул, пошарил во тьме рукой. Невидимый орган заполнил комнату умиротворяющей мелодией.

— Люди забыли Бога и он отвернулся от нас.

— Рано или поздно это произошло бы обязательно, господин Ланол. Изобретение «машины грез» нанесло последний сокрушительный удар по Церкви. Человек стал равен Богу, обрета возможность воплощать мечты в явь.

— В таком случае, эти машины подсунил сам дьявол.

— Их появление — закономерность. Мир шел к этому тысячелетия. Это — его апофеоз и одновременно — смертельный яд. На протяжении всей своей истории человечество шло по сужающейся тропе, пока она не превратилась в лезвие бритвы. С одной стороны — болото коллективизма, с другой — бездна эгоизма. Пример первого — тиранические режимы прошлого, когда общество формировало из составляющих его индивидуумов стандартных болванчиков, радующихся своей серой одинаковости. В пропасть эгоизма мы свалились впервые, но уже не выберемся — она бездонна. За неполные сто лет существования этих машин, несколько

миллиардов человек ушло в созданные ими миры. Юлия, какова сейчас численность населения?

— Точно не скажу — это секретные сведения... Примерно 25—35 миллионов. Дикарей, естественно, никто не считал.

— Ясно. Тех, кто сидит наверху нашей иерархической пирамиды, гложет жажда власти. Сейчас они пытаются остановить распад цивилизации. Все «Машины грез» из личного пользования изъяты, но люди бегут либо к дикарям, либо к тем, кто владеет машинами подпольно. Либо убивают себя наркотиками, вином и еще черт знает чем. Либо озлобляются на весь свет и мстят. Пример мести — слепой, безжалостной — осуществленная неизвестно кем (точнее — извергами) программа «Вампир», из-за которой тысячи живущих и еще не родившихся людей превратились в оборотней и обречены на преследование и смерть.

В развитии общества было утро, когда оно только формировалось, был день, когда оно бурно развивалось, лет 100—200 назад начался вечер, сейчас — начало ночи. А ночь — время призраков. Нынешнее общество — бледная тень, призрак минувшего. Благодаря обществу человек стал Человеком, но теперь оно превратилось в препятствие на пути к Человеку-Богу.

— Значит, мы обречены, а будущее за дикарями?

— По поводу дикарей не знаю. Может они повторяют наш путь, а может — найдут новый. А мы действительно обречены. И я не собираюсь смотреть на конвульсии умирающего. Рано или поздно я уйду.

— К подпольщикам?

— Нет. Мои родители были состоятельными людьми. Они успели уйти. И оставили машину... Не знаю, зачем я вам это говорю. — Дэйв опрокинул бокал и налил еще.

— И все-таки, вы ошибаетесь. Я не могу подобрать аргументы против, но чувствую, что вы ошибаетесь. Юлия, а почему молчишь ты? Наш гость поет нам зауспокойную, а от тебя не слышно ни слова.

— У меня нет желания полемизировать... Я согласна со Стино.

— Что?! Твои прогнозы с экрана звучат совсем по-другому.

— Если я не буду говорить то, что требуют, папа, мне придется искать другую работу. Не смотри на меня как на привидение. И, пожалуйста, перестаньте пить.

Ланол с минуту тупо глядел на клевавшего носом Алекса. Затем снова натянул маску-улыбку.

— Это — последняя, детка. Я предлагаю выпить за то чтобы вы, господин Стино, оказались не правы.

Все выпили. Алекс с трудом поднялся.

— Э-э... Юлия, позвольте... — Он качнулся, Ланол поддержал его. Алекс плюхнулся на место. — Извините. Я — пас.

Дэм пригласил Юлию и они закужились в вязкой полутьме, пронизанной звуками.

— Господи, если ты есть, продли эти мгновения.

— Что вы шепчете?

— Ничего. А вы действительно согласны со мной?

— Да, Стино. Я никогда не формулировал для себя ответное решение к происходящему, но вот появились вы и выразили то, что я чувствую. Спасибо вам. Жаль, что мы не встретились раньше.

У Дэйва от этих слов закружилась голова. И он решил открыться.

— Выслушайте меня. И не удивляйтесь. Я расскажу вам все. Мне знакома каждая трещина в ограде этого дома, изучил как свои пять пальцев руины вокруг и понял устройство сигнальной системы. Если бы вы знали, как я хотел бы познакомиться с Вами...

— Господин Стино, Вы не можете мне оттранспортировать Авара в комнату?

— Сейчас. — Дэм обернулся к Юлии. — Не уходите. вернусь.

Дэйв подхватил Алекса. Вой сирены пригвоздил всех на месте.

— Внимание! Полиция! Немедленно отключите защиту. В вашем доме оборотень! Отключите защиту!

Некоторое время все стояли как замороженные. Ланол опомнился первым:

— Юлия, о чем они говорят? Если полиция не может пройти, как же он пробрался?

— Ты сам привел его, папа. — Юлия неотрывно смотрела на Дэйва.

— Что ты мелешь, дочь?! Стино, что здесь происходит?! Дэм молчал. Язык присох к нёбу. Страшно хотелось пить.

— Папа, отключи защиту.

— Да объясните же мне...

— Он — оборотень! — Юлия выставила перед собой указательный палец как пистолет. У Дэйва мелькнула мысль, что если бы это было настоящее оружие, она не задумываясь, выпустила бы всю обойму ему в лоб. Бе-

шенство черной клокочущей массой всплывало из глубин мозга.

— Юлия, опомнись! Я прежде всего человек! Слышишь? Человек!!

— Теперь понятно, зачем ты хотел познакомиться. — В глазах девушки плясали хищные оранжевые искры. Она стала похожа на ошестившуюся кошку. Сейчас тебе вправят мозги, папа! Что ты стоишь?!

Ланол исчез. Протрезвевший Алекс с вытаращенными белками и разинутым ртом пятился в темноту. Дэйв схватился за волосы и застонал:

— За что-о...

Пустая бутылка врезалась в голову и разлетелась вдребезги. Он поднял окровавленное лицо, обратил умоляющий взгляд к девушке и выдохнул:

— Юлия, — но из горла выполз звериный хрип.

— Грон! Гро-он! — Визг Юлии перекрыл вой сирены.

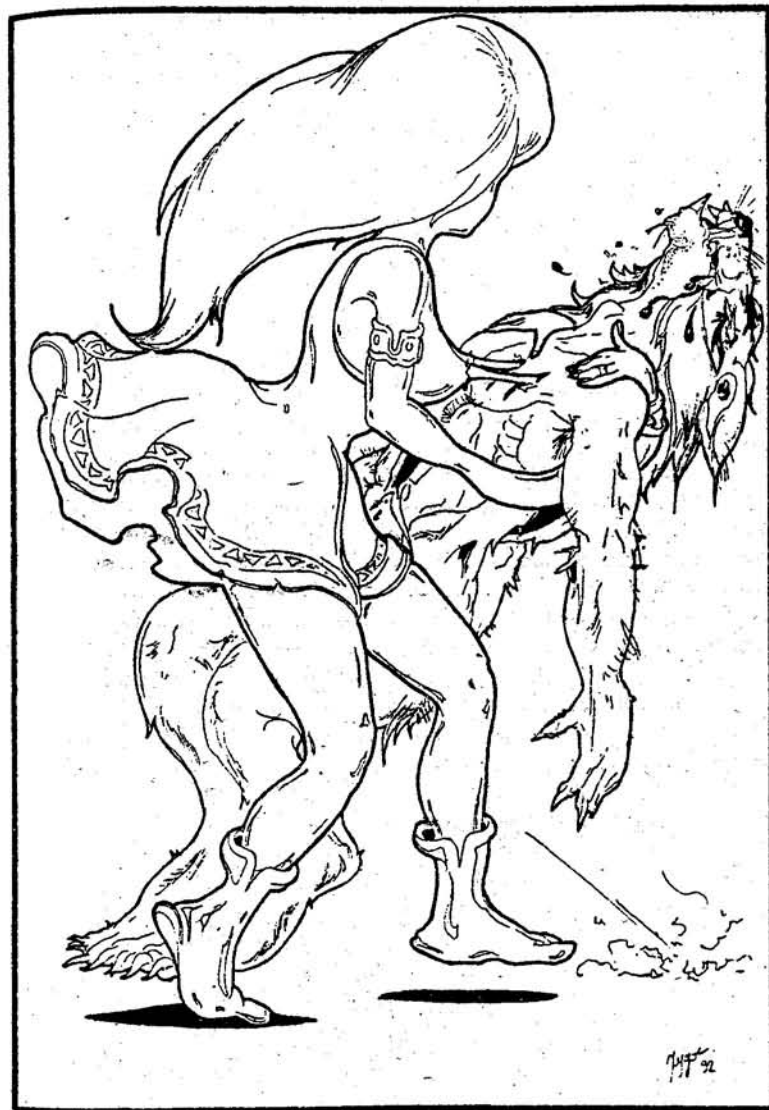
Одежда на Дэйве трещала и расплзалась по швам. Он выш и стонал от нестерпимой боли. Наконец, вой прекратился. В округлившись глазах Юлии застыл первобытный ужас. Оборотень сорвал с себя последние лохмотья, утробно заурчал и шагнул вперед. Внезапно, что-то большое, мохнатое вылетело из тьмы и два зверя покатались по полу. Через несколько секунд тело визжащей собаки мелькнуло в воздухе и, проломив решетку, влетело в камин. Запахло паленой шерстью. Грохот шнурованных сапог, автоматные очереди, дым и гарь заполнили комнату. Дико взревев, сотрясаясь от рвущей тело боли, оборотень прыгнул в толпу. Расшвыряв как кегли полицейских, он вырвался в коридор. С тем же леденящим душу ревом он вышиб дверь, сбил еще несколько человек и вылетел из дома под слепящие лучи прожекторов. Чудовищный удар расплющил его о стену, рухнувшую с грохотом.

— Славно поработали, ребята. — Человек в форме лейтенанта полиции широко улыбнулся и достал сигару.

Обгоревшее тело оборотня вытащили из-под обломков. Лейтенант несколько секунд всматривался в почерневшее от ожога лицо, потом процедил сквозь зубы: «Ублюдок».

— Лейтенант, кто это?

Освещенная прожекторами, в воротах стояла женщина. Она сделала движение, будто собиралась шагнуть и, неожиданно, оказалась среди людей. Лейтенант схватился за кобурку. Женщина вытянула руку. Удлинившиеся пальцы молниеносно обвили одного из полицейских и им, как дубиной,

МЭД

Калифорния. Осень 1994 года

смели всех собравшихся. Лейтенант сильно ударился головой и едва не потерял сознание. Преодолевая боль и тошноту, он поднялся. Пистолет пропал. Заглушая ругань и стоны затрещали автоматы. Женщина склонилась над оборотнем. Пули отскакивали от них, разбрасывая искры. Лейтенант побежал к броневнику.

Ольга бережно подняла неподвижное тело. Ее груди вытянулись в остроконечные трубки, прорвали тонкую ткань халата и вонзились в грудь Дэйва. Крепко сжимая драгоценную ношу, она помчалась к дому.

Выстрел разрядника вырыл яму на том месте, где только что был киборг с оборотнем на руках. Лейтенант длинно выматерился и поднял машину в воздух. Поставив автоводитель на максимальный ход, включил связь: «Дежурный Лейтенант Борхан. Срочно наряд в квадрат 2-17-6-Д. Да, то самый. Пусть захватит парочку "гарпий". Все».

На экране запульсировало жирное красное пятно. Машина опустилась. Перед домом уже стоял броневик, вздрагивающий от частых, но безуспешных выстрелов.

— Бараны, — прорычал лейтенант и направил турель разрядника на окно. Оно оказалось такой же иллюзией, как дубовая дверь и кирпичная кладка стен. Он прошупал анализатором весь дом, нашел наиболее уязвимое место и, собрав энергию в один импульс, пробил брешь. Цифры на индикаторе мощности потухли, едкий дым заполнил кабину. Захлебываясь от кашля, проклиная все на свете, лейтенант вывалился из люка. Выхватив у одного из стражей излучатель, он полоснул невидимым лучом и прыгнул в пролом. Никого. Из разорванной трубы хлестала вода, откуда-то сверху падали куски горячей пластмассы, из развороченной плиты клубами поднимался пар. Протерев слезящиеся глаза, он вскочил, сделал несколько выстрелов и влетел в следующую комнату. Спальня. Никого. Стоп. Он подошел к шкафу с раскрытыми дверцами. Внутри — ступени, круто спускающиеся вниз. Сзади послышался топот. Лейтенант пропустил вперед стража с такой же, как у него, «гарпией» и двинулся следом. Они оказались в обширном помещении, почти целиком занятом «машиной грез».

На вспыхнувшем экране появилось искаженное гримасой женское лицо. И, прежде, чем город содрогнулся от взрыва, хрипевший от бессильной ярости лейтенант услышал пылающие ненавистью слова:

— Будьте вы прокляты!

Огненная молния-змея расколола небо, осветила размякшие скалистые пики.

— Нет, твой папочка исключительный, я бы даже сказал — незаурядный болван, Сюзен! — Стенли неуверенно сжимал руль, пытаясь держаться в «русле» шоссе; автомобиль еле двигался в водяном содоме, водопадом извергавшемся с черных небес. — Раз за разом он подсовывает мне какую-то банальную уголовщину! Почему я должен мокнуть в этой преисподней, не знаешь?.. Лишь затем, чтобы моя крохотная заметка об отеле, где все посходили с ума, вероятно от неумеренной дозы виски, появилась раньше, чем заметка такого же содержания, скажем в «Дейли информейшен».

Сюзен, всю дорогу от Сан-Франциско нервно молчавшая, впитывая в себя красноречие зануды-мужа, не выдержала.

— Посмотрите на этого умника! Да если бы не мой папочка, ты до сих пор разъезжал бы на велосипеде курьером у деревенского журнала!

— Выходит, я идиот, а твой папочка — нет? — Стенли, кажется, был рад, что жена наконец-то ввязалась в разговор.

— Оставь отца в покое, неблагодарная свинья, он делает для нас все, что в его силах!

— Ох-хо-хо! Ты так думаешь на самом деле? Ему бы не стоило огромного труда послать меня куда-нибудь в Индию или Конго вместо толстяка Хью, который после каждой командировки покупает новые костюмы на размер больше!.. О, чертова погода!

В ответ на последнюю фразу Стенли Брайджерса паутина электрических разрядов окутала скалы, на миг соприкоснувшись с линией электропередач. Десятки иссиня-голубых шаровых молний взметнулись вверх дьявольским фейерверком.

Стенли нервно закурил. Сюзен бросила взгляд на спидометр.

— Ты можешь ехать побыстрее, дорогой? Тащишься как катафалк!

— Если не хочешь в самом деле тащиться на катафалке — помалкивай! Смотри — вода заливает уже бампер.

Сюзен отняла у мужа остаток сигареты, с видимым блаженством затянулась.

— Давай попробуем говорить нормально... Я немного в курсе твоих дел... Понимаешь, отец всегда чувствует сенсационный материал, иначе его агентство давно бы вылетело в трубу. Он не виноват, что ты каждый раз... как бы помягче сказать... все сводишь к нулю...

Стенли криво ухмыльнулся, всем своим видом давая понять, что «не женское это дело — журналистика». Сюзен терпеть не могла эту ухмылку супруга, она снова стала горячиться. Выкинув окурочек в пепельницу, Сюзен круто повернулась к нему.

— Вспомни свой последний репортаж, кретин! Именно мой отец дал тебе в руки интереснейший материал о секретной лаборатории НАСА. И что же, ты заверил отца, что все материалы — чистойшей воды мистификация, чистойший бред! В итоге — твоя сверхнаучная статья с заумными терминами, а тем же вечером в «Дейли информейшн» на основе тех же материалов, которыми ты так щедро кидался на каждом углу, статья твоего коллеги Джо Спенсера, но она в отличие от твоей была напечатана на передовице!

По лицу Стенли было видно, что вся эта «пулеметная очередь» не попала в цель.

— При других обстоятельствах я рассмеялся бы тебе в лицо, дорогая, но в данной ситуации я лишь подчеркну, что каракули Джо — это непроверенная гипотеза, а я останавливаюсь лишь на фактах. Летающие тарелки, сковородки, зеленые ребята с дюжиной моноклей — все вздор! Цветная фоторафия на всю передовицу, подлинные документы — вот что такое сенсация!

— О, господи, он же глуп как пробка! Стенли, милый, однако именно этот вечерний номер расхватили словно модный бестселлер, именно Джо Спенсер набил долларами карманы, одновременно кривляясь по всем телевизионным каналам сразу, а не ты, хотя все эти лавры отец буквально преподнес тебе на блюдечке. Да ты знаешь...

— Э-э-э, остановись маленько...

— Не перебивай. Ты знаешь, Джо Спенсер не просто так крутится возле тебя — он чувствует, что у тебя всегда есть чем поживиться, он намного умнее тебя, Стенли, не оби-

жайся. Я не удивлюсь; если через месяц он переберется в «Нью-Йорк таймс»!

— Черт возьми, ты же никогда не интересовалась моими делами, откуда такая осведомленность?

— Ты забываешь, что твой главный редактор — мой отец!

— Ага. И что же еще говорил твой папочка?

Сюзен уже не могла остановиться.

— Он сказал, что только мое глупое положение сдерживает его от решительных мер!

Стенли покраснел.

— О! Уволить меня?.. Так вот почему я в этом аду, а не как все нормальные люди — в постели?.. — мгновение он что-то обдумывал. — Значит так. Можешь убираться к дьяволу вместе со своим папочкой, с этой минуты я у вас не работаю. Сейчас я завезу тебя на ранчо, сам поеду в тот отель, но отнюдь не для того, чтобы копаться в уголовщине, а просто переночевать. А завтра утром я уезжаю в Лос-Анджелес, с меня хватит.

— Катись, бездарный писака, надеюсь, я никогда не увижу больше твою вечно унылую физиономию. Останови, я доберусь на попутке!

— Какая попутка, что ты мелешь, тебя сейчас снесет этим водопадом назад к Сан-Франциско. Не делай из меня окончательного идиота, до ранчо добрых пять километров!

— Останови, я не могу больше выносить твоего общества! — Сюзен вовсе не думала покидать удобное кресло автомобиля, но ее последние слова доконали экс-супруга. Он с силой надавил на тормоз, нажал на кнопку — дверца автоматически поднялась вверх. Вмиг салон заполнила газо-жидкая мгла, дождь оглушительно хлестал по капоту. Даже подумать было страшно о выходе наружу.

— Проваливай, чего же ты съезжилась?

Задав напоследок Стенли сильную затрепину, Сюзен раскрыла зонт и вышла на шоссе. Ноги оказались в мутном потоке, в довершение ко всему автомобиль тронулся дальше очень резко и окатил ее всю грязью. Сюзен изо всех сил бросила зонт вдогонку машине — он уже был не нужен.

По достоинству оценив свое дурацкое положение, девушка какое-то время брела в полной темноте против течения, и этого было достаточно, чтобы ее охватило отчаяние. Путешествие в пять километров почти по колено в воде, по шоссе, зажатому в тисках черных скал, в крошечной тьме под настоящим тропическим ливнем — все это Сюзен не представлялось возможным. Лишь изредка исполынский спрут

своими огненными щупальцами охватывал ущелье, извивался по шоссе, соприкасаясь с линией электропередач. От всей этой атмосферной какофонии света на миг можно было различить дорогу, но вряд ли промокнувшая до нитки девушка радовалась каждой вспышке молнии. Она вздрагивала, и ее пугало отсутствие раскатов грома. О попутке Сюзен и не думала, она проклинала свой язык и идиотскую затею добраться попутным рейсом до ранчо. Оперевшись о столб, она в яростной истерике застучала по нему руками.

— Стенли, скотина! Я тебе так этого не оставлю! Только бы до утра добраться до ранчо — тебе уже не захочется ехать в Лос-Анджелес!

Ноги постепенно стало сводить от холода, так же постепенно истерика перешла в панику: бывший муж наверняка ненавидит ее и скорее всего не собирается вернуться.

Внезапно сзади, из-за выступа скалы стал пробиваться свет. Это были не вспышки молнии — свет был постоянен и явно приближаясь, освещал все большее пространство. Еще через минуту за поворотом показали два размазанных на автострате световых блика.

Автомобиль медленно полз в гору, осторожно вращая колесами, вскоре можно было различить одинокий силуэт водителя.

— Ну, мистер Брайджерс, завтра мой папочка устроит тебе карьеру, тебя во всех штатах не возьмут даже почтальоном! — возликовала Сюзен и бросилась к автомобилю, маша полкой плаща.

Старый «форд» так медленно ехал, что девушка не побоялась выскочить навстречу.

— Хэлло, не согласились бы вы подвезти меня, здесь совсем близко, — закричала Сюзен водителю, сама открыв дверцу, сиюсья перекрыть неожиданно откуда-то взявшийся раскат грома. — Не бросите же вы несчастную, оставленную сумасшедшим мужем?.. Мне можно сесть? У меня есть деньги, я заплачу!

Владелец «форда», грузный, с заросшим лицом мужчина даже не повернулся в ее сторону, только кивнул головой. Сюзен на ходу влезла на заднее сиденье, захлопнула дверцу, немедленно скинула плащ — он мокрой тряпкой сполз вниз. Достав из него деньги, девушка протянула их спасителю.

— Это все, что у меня есть, отвезите меня, пожалуйста, на ранчо Маунтен, для этого через четыре километра нужно будет повернуть направо.

Но лишь незнакомец почувствовал прикосновение к сво-

ему плечу руки Сюзен, он так неожиданно вздрогнул, что спасенная выронила деньги и в страхе прижалась в угол сиденья. Какое-то непонятное чувство холодом пронзило ее нервную систему, что-то в происходящем было нереальным, сознание отчетливо пыталось восстановить прерванную логическую цепочку. Все, до сомнений в собственном «я», напоминало кошмарный сон. Сюзен судорожно вцепилась в ручку дверцы.

Она видела, что водитель, не шевелясь, смотрит на дорогу... и в то же время он смотрел на нее через зеркало...

Лицо Сюзен перекопилось от ужаса — сквозь густые брови на нее смотрели пустые глазницы, а сквозь иссиня-фиолетовые губы время от времени просовывалось змеиное жало...

Стенли Брайджерс ошарашенно оглядывался назад: через заливаемое непрерывным дождем стекло можно было различить два снопа света, приближающихся с невероятной быстротой. Какой-то сумасшедший гнал по такому бездорожью и с такой видимостью в скалах со скоростью не менее ста пятидесяти километров в час!

Чтобы не попасть под колеса лихача, Стенли решил прижаться влево к скалам и еще замедлить скорость. Автомобиль безумца пронесся полосой света. Брайджерс заметил лишь сопла турбин. В следующее мгновение раздался ужасный скрип тормозов, заглушаемый толщей воды и шумом дождя. Несчастный никак не мог вписаться в поворот, который на большой скорости заметил, наверное, очень поздно. Автомобиль развернуло юзом и под действием встречного потока воды несло к пропасти.

Стенли расширенными глазами видел, как спортивный автомобиль со всей скорости налетел на оградительную сваю, и зажмурился, когда раздался взрыв. Охваченные пламенем останки машины, безобразно шипя, устремились в бездну.

Журналист пулей выскочил из «пontiака» — на третьем прыжке его бега он успел вымокнуть насквозь, — подбежал к месту катастрофы. Уцепившись за скрученную в морской узел сваю, Стенли Брайджерс с дрожью во всем теле посмотрел вниз — черный провал гудел от сотни водопадов.

— О черт, Сюзен! — осенившая догадка была подобна молнии, которая в это мгновение вспыхнула по всему горизонту и осветила в нескольких километрах отель «Блю Дрим».

В сосновом бору царил непонятная тишина. Шаловно ветер гнал низкие тучи, но земли он не касался. Деревья словно в каком-то летаргическом сне в хаотичном беспорядке неподвижно замерли вдоль узкой просеки, заросшей папоротником. Пейзаж оживляло лишь появление на этой просеке двоих молодых людей, облаченных в просторные прорезиненные костюмы.

— Не знаю, как тебе, Стив, но мне это местечко напоминает царство мертвых. Правда, думаю, когда вон та тучка доберется сюда, игра в молчанку прекратится! Ты лучше меня знаешь дорогу, сколько нам еще осталось?

— Ты не был здесь летом, Дик. Райские места! Сидней в зря выбрал именно эту виллу. Скоро мы будем иметь честь позвать ему руку, осталось совсем немного.

— Поговаривают, его Леонора вышла замуж за какого-то декоратора из Голливуда... — Стив замедлил шаг.

— Чего же ты раньше молчал? По крайней мере мне становится ясным смысл его письма к нам.

— Не улавливаю связи. Насколько я помню, Сид не любил раскисать. Если эта измена действительно распатала его нервышки, он скорее сам бы приехал к нам, а не стал бы нас нанимать в шуты!

— Я с тобой согласен, но если взять поглубже... Представь, Дик, что ты на шикарной вилле в полном одиночестве и ждешь со дня на день приезда своей голубоглазкой Джени. Вы не виделись целых три года! Целых три года! Дик, это же вечность! Но она придет, и вы будете вместе навсегда, как это здорово после такой разлуки, понимаешь?

— Давай, давай, психолог, только не увлекайся.

— И вот ты уже выставил на стол лучшие французские и итальянские вина, зажег свечи, за окном осенний дождь напевает...

Дик не выдержал, глядя на друга, фыркнул. Стив, не замечая, продолжал:

— ...напевает нежную мелодию, и стрелки часов подозрительно медленно ползут по циферблату — ведь сегодня вечером она придет! Она не может не приехать, ты точно знаешь, что Джени в Штатах. Ты просидел до полуночи, свечи сторели, хрустальные бокалы не тронуты...

Дик, не в силах больше скрывать эмоции, отвернулся от «психолога» и прыснул себе в плечо.

— ...Ты уговариваешь себя идти спать, но спать невозможно. А когда наступает утро, ты узнаешь жестокую прав-

ду. И что — ехать в Лос-Анджелес, окунуться с головой в холостяцкие пирушки?

— Теперь я могу представить, что ты там шепчешь своим бесконечным подругам на ушко. Я и не подозревал, что взамен на поглощенное виски ты способен выдавать такие серенады!

— Перестань смеяться, Дик, а лучше скажи, что бы ты сделал в описанном случае?

— Я?... Ну значит так: ее остриг бы наголо, а его пустил бы на кошачьи консервы!

— Бедная Джени, слышала бы она все это...

Папоротник, кустарник и ветви деревьев незаметно пришли в движение — потянуло свежим океанским нордом.

— За этим поворотом вилла Сиды. Надо прибавить шагу, туча почти над нами. И все-таки я боюсь, что наш общий друг встретит нас окончательно раскисший и с бутылкой дешевого рома в руках.

— Чтобы Сид из-за девчонки?!

Ветер усиливался на глазах. От прежней тишины, как и предсказывал Ричард, не осталось и следа. Вековые сосны заскрипели, какой-то гул, несравнимый ни с чем, стоял на сотни миль вокруг; листья, сдираемые с полуголых кустарников, шелестя, неслись напролом через папоротник.

Вилла Сидней Коллинза представляла собой двухэтажный особняк, расположенный в удивительно живописных местах. Смешанный лес, окружавший его, радовал глаз своей девственной чистотой даже в пасмурную серую погоду. На заднем плане отчетливо виднелась покрытая рябью гладь лесного озера, терявшегося в зарослях клена. Сколоченная в добрых традициях старинных архитекторов, вилла напоминала сказочный дворец заколдованного принца.

Когда Стив Роу и Ричард Гард подходили к резиденции своего приятеля, разразилось нечто похожее на ураган. Солнечные лучи, и до этого с трудом пробивавшиеся сквозь толщу облаков, совсем затерялись в черной преддождевой пелене. Во всеобщем сумраке резко обнажилась игра теней, над озером заматалась какая-то перепуганная птица — первое живое существо, встреченное путешественниками за всю дорогу от железнодорожной станции Блэквуд.

Лишь одно окно на первом этаже особняка светилось мягким торшерным светом.

Роу и Гард, поднявшись по небольшой, но широкой парадной лестнице, не замечали нажать на звонок; пустые желудки и продрогшие оболочки обоих требовали

уютную обстановку возле пылающего камина за накрытым столом.

Буквально через секунды послышались спешные шаги хозяйина, лязгнул засов, и навстречу молодым людям вышел их ровесник в домашнем халате и тапочках по босу ногу.

— Хэлло, старина, однако ты далековато от нас... — Дик не закончил приветственную тираду и в изумлении опустил протянутые для объятий руки. Сидней Коллинз резко замотал головой.

— Срочно сматывайте отсюда удочки, джентльмены, потому все объясню! — лицо его имело восковый оттенок, левый глаз нервно дергался. От непонятого волнения руки его дрожали. — Уезжайте, слышите? — Сид почти закричал на своих испуганных однокашников. — У вас очень мало времени!

Гостеприимный хозяин захлопнул дверь перед самым носом Стива, который пришел в себя несколько раньше друга.

— Как тебе все это нравится, Дик?

— Он спятил!

Парни сидели в кустах акации, в изобилии росшей между озером и домом. С этой видимой стороны здания все окна были темны.

— Однако, если ему верить, у нас с тобой очень мало времени. Но на что?

— На то, чтобы смыться отсюда, неужели не понятно? Мистер Коллинз, кажется, начитался детективов, а мой желудок и замерзший организм вряд ли выдержат его последующим объяснениям... Чертовский ветер так и норовит залезть за шиворот... Наши действия, Стив? Не тащить же обратно в Блэквуд? Через часок в этих «райских местах» будет такое светопредставление, что я скорее соглашусь взять штурмом эту крепость, нежели находиться в здешних джунглях!

Стив напряженно всматривался в дом и угрюмо молчал. Дик поддался его настроению, было ясно, что их мысли текут в одном направлении.

Стив заговорил первым:

— У тебя с собой письмо Сиды?

— Конечно нет, тоже мне нашел любовное послание...

— Я случайно подумал, Дик... Может он не просто со скуки нас позвал, а? Может он вляпался в какую-нибудь грязную историю, а мы с тобой опоздали?

— Ты всегда и все романтизируешь, Стив, но в данном

случае спорить с тобой не стану. Сид вел себя крайне неучтиво по отношению к старым друзьям, и на это обязательно должна быть причина. Вспомни его физиономию — неужели это наш красавчик Коллинз? Может он здесь просто оди-чал?

— Так мы будем строить с тобой догадки до утра, я предлагаю немного разогреться и подсмотреть в окно: чем все-таки Сид так хочет нас напугать.

— Стив, если сейчас пойдет дождь, я залезу к нему в это окно — меня колотит как в лихорадке!

В абсолютной тьме два детектива обогнули виллу и, словно две тени, содрогаясь от бешеных порывов ветра, приблизились к единственному освещенному окну. По стеклу уже били первые капли дождя. Друзья осторожно заглянули внутрь.

Глазам представилась небольшая комната, обставленная в старинном стиле. Два красных ковра — на стене и на полу — делали эту комнату очень уютной и красивой. В левом углу находилась мечта Дика — разожженный камин, у которого спиной к наблюдателям в просторном мягком кресле-качалке полулежал Сидней Коллинз и читал книгу!

Ричард Гард чуть не задохнулся от ярости:

— Он почитывает книжонку, в то время как два его приятеля, которых он сам же заманил в эти дебри, умирают от голода под ураганным ветром и проливным дождем!

Все это было высказано Ричардом в полный голос. Стив испуганно прижал палец к губам, но было поздно. Сидней Коллинз заметно вздрогнул в кресле, медленно повернул голову к окну и, вероятно, не узрев ничего подозрительного, задумчиво уставился в камин. Затем отложил книгу в сторону, встал и не спеша стал приближаться к окну. Ричард и Стив забились в угол между стеной и парадной лестницей, с интересом наблюдая, что будет дальше.

Сид, скаля зубы, широко открытыми глазами пытался пробиться сквозь мрак.

Друзья переглянулись и кивнули друг другу, каждый имел в виду одно и то же: Коллинз свихнулся!

Необходимо было что-то предпринять, но мысли в голове крутились подобно столбу жухлой листвы, смерчем пронесшемся по поляне. Дождь перестал лить, и ветер вновь покрепчал. Прошло четверть часа, прежде чем парни решились вновь заглянуть в окно. В комнатке никого не было. Дрова в камине догорали, раскрытая книга лежала на ковре, часы на столе показывали полночь.

Две дрожащие руки легли на плечи Стива. От неожиданности Стив так резко развернулся, что ударился затылком о стекло. Дик в ужасе отскочил. Челюсти сомкнулись на горле жертвы. Хрипя и захлебываясь собственной кровью, Стив рухнул на мокрую траву, извиваясь под грузным телом вампира, который давил ему на глаза, пытаясь их выколоть, и все сильнее сжимал зубами горло.

Дик, вне себя от виденного, что есть силы ударил ногой по лицу монстра, тот с хищным глухим рычанием бросил Стива, продолжаящего хрипеть и бить руками по траве, двинулся на Ричарда.

Лицо Сиднея Коллинза было безумно и перепачкано уже не поймешь чьей кровью. Дик увернулся от лязгнувших зубов сумасшедшего друга, ударил его в солнечное сплетение. Скаля красные зубы, Сид упал на колени, запрокинув назад голову. Оглушив нежданного врага серией новых ударов, Ричард ринулся на помощь Стиву, который изо всех сил пытался подняться, держась одной рукой за горло, другой цепляясь за стену.

Все окна отеля были темны. Даже стеклянные двери смотрели на Стенли Брайджерса черным проемом. Лишь неоновые буквы «Блю дрим» голубоватым светом освещали небольшое пространство перед входом. Оглушительный ливень продолжал бомбардировать землю, поэтому, когда журналист, оставив машину, подбежал к гостинице, он был уже заново вымокшим.

Постучав ключами о стекло, Стенли с нетерпением вслушивался в каждый шорох. Постучав сильнее, он отпрянул — дверь от натиска ударов открылась. Настроенный на самое худшее, подавленный возможной смертью Сюзен, Брайджерс осторожно вошел в вестибюль отеля.

«Осталось наткнуться на дюжину трупов, остальное как в фильмах Хичкока, — пронеслось в мозгу газетчика. — Босс знает, куда отправить зятя, чтобы от него избавиться!»

Забывтая дверь со стуком закрылась. Стенли вздрогнул, но тотчас же оравился.

— Хэй, портье! Портье! — голос прозвучал на редкость мужественно. Шум дождя еле доносился с улицы, и тишина начала действовать гостю на нервы. Чиркнув зажигалкой, Стенли Брайджерс минут пять искал выключатель, — он

оказался замаскированным под бабочку, — включил свет, обвел панорамным взглядом вестибюль.

Было похоже, что в помещении велись боевые действия, по крайней мере всеобщий бардак навязывал именно это впечатление: стулья, столы, сдвинутые с места, разбитые горшки с цветами и, наконец, стойка портье, залитая не подсохшей еще кровью, и валяющийся рядом револьвер.

Убедившись, что обойма почти полная, Стенли, держа обретенное оружие наготове, перешагнул багровую лужу, стал медленно подниматься на второй этаж.

«Начало есть, так ли уж необходимо знать продолжение?!» — думал журналист под скрип ступенек. Профессиональное чувство брало верх: он придет в Лос-Анджелес не с пустыми руками!

На втором этаже, помимо нескольких номеров, в конце длинного коридора размещалось кафе. Голодный, Стенли решил наведаться туда. Включая везде перед собой свет, Брайджерс затравленно вглядывался во все темные углы — чувство внезапного нападения неприятно щекотало нервы. На стене висел телефон, провод от него безжизненно мотался, обрезанный у пола.

Прежде чем войти в кафе, Стенли Брайджерс долго прислушивался, совершенно не соображая, что является отличной мишенью сквозь рифленую стеклянную дверь.

Тот же хаос — все столы сдвинуты в одну большую кучу, стулья в беспорядке разбросаны по углам; разбитые тарелки, фужеры, валяющиеся на полу ножи, вилки, подносы.

«Все это чертовски напоминает павильон фильма о ядерной зиме», — Стенли подошел к стойке бармена, обнаружил большой ассортимент холодных закусок.

Запивая сэндвичи старым пивом, газетчик включил рядом стоящий видеомагнитофон. Пронзительный женский крик — экран высветил перекоренное от ужаса лицо девушки... но в то же время на улице раздался мощный взрыв, красным заревом осветивший кафе. Стенли в три прыжка преодолел расстояние от стойки до окна. Внизу, охваченный пламенем, стоял перекореженный «понтяк»!

Стало душно; мышеловка захлопнулась, но в чьих он теперь руках? Суждено ли ему живым выпутаться из этой истории? Что, в конце концов, стряслось в этом трижды клятом отеле?

Эти и масса других вопросов со всей неразрешимостью мысленно встали перед неудачником.

И тут Стенли очень отчетливо увидел, как внизу появи-

лась странная процессия: два человека, одетые во все черное несли огромный гроб, за ними не торопясь шествовали люди в белых саванах, высоко держа над собой яркие факелы. Выйдя из парадной двери, она размеренным шагом приблизилась к пылающему автомобилю. Двое в черном кинули свою страшную ношу в огонь, в тот же миг гроб вспыхнул.

Непонятная дрожь, непонятное чувство страха вкралось в душу, сознание, все члены Стенли Брайджерса. Он не мог бороться с ужасом, охватившим его. И в то же время еще более непонятное чувство экстаза, похожее на сумасшествие при мысли, что он, простой смертный, возможно находится на грани неведомого «того» мира — постигает неизвестные еще тайны природы и бытия.

Сзади раздалось нечеловеческое рычание. Журналист как робот, молниеносно развернулся — на экране видео обратительное чудовище выламывало двери и шло напролом по коридорам лабиринтоподобного здания.

Стенли так же быстро вернулся в прежнее положение и устремил взгляд на кошмарную церемонию. Горазд начал трескаться, и из показавшихся дымящихся щелей стали вырываться наружу черные опаленные твари с крысиными мордами, очень напоминающие своим видом летучих мышей.

Журналист отпрянул от окна — одна из этих безобразных тварей неслась прямо на него. Высадив стекло, уродливое создание заметалось по помещению с пронзительными криками, напоминающими детский плач. Сознание у Стенли помутилось, он шипал себя, мотал головой — не сошла ли он с ума? Держа крысу на прицеле, он лихорадочно отступал к двери. Но та, сбив перепончатыми крыльями падающих светильников, неожиданно уселась на видеомонитор, застыла в орлиной позе, показывая маленькие клыки.

Внимание Брайджерса было приковано непостижимой волей к экрану телевизора. Если раньше триллер вызывал улыбку, то сейчас Брайджерс переживал всю страсть, обрешенную режиссером на голову зрителя. Каждый кадр фильма ужасов казался Брайджерсу злобещей запечатленной правдой.

Вот чудовище взломало еще один засов и идет, разрушая все на пути, по длинному коридору к двери с рифленым стеклом.

Стенли затрясло от страха, что-то внутри говорило ему, что чудовище идет сюда, в кафе! Испарина выступила

на лбу журналиста — чудовище приблизилось к рифленому стеклу, зарычало тигриным рыком и ударило сверху вниз.

В то же мгновение сзади раздался режущий слух треск вынесенной напроцех двери. Стенли Брайджерс отскочил к окну, развернулся, держа наготове револьвер, но чуть не выронил его — да, монстр шел сюда, в кафе, словно сойдя с экрана видео! Если собрать всех гадов, которые ползают, летают, бегают по земле, взять все их уродливые черты и синтезировать в одном существе, то получится менее устрашающее чудовище, чем то, которое предстало перед полуобезумевшим журналистом. Хватая перевернутые столы и стулья, оно с яростью разбивало их о стену, неумолимо приближаясь к цели.

Крыса сорвалась со своего места и с леденящим душу писком сделала попытку выбить револьвер из рук Стенли, но тот судорожно увернулся и выстрелил. Крыса рухнула замертво. Стенли продолжал стрелять, но уже по монстру. Чудовище после второго ранения повалилось на спину, раздавив своим весом стол, забилось в судорогах. Все его конвульсии крупным планом показывались на экране телевизора. Брайджерс выстрелил и по экрану. Взрыв заставил вылететь оставшиеся стекла в окна. Вспышка была настолько яркой, что Стенли с минуту бродил словно в потемках, полностью ослепленный.

Возвратив себе способность созерцать, он увидел, что все кафе охвачено пламенем, непонятные взрывы усиливали пожарище, едкий дым вызывал рвоту.

Журналист выбежал из эпицентра огня, единственная мысль током пронзала мозг: как можно быстрее покинуть эту обитель дьявола. На ходу скинув костюм и сорвав с себя галстук, Стенли, дико озираясь, бежал дальше по коридору, готовый стрелять по всему шевелящемуся. Взрывы преследовали его, один другого сильнее, словно неведомая сила подгоняла журналиста бежать прочь. Стенли не оборачивался, бежал изо всех сил к лестнице на первый этаж и лишь приседал, когда новые взрывы неведомой энергии сотрясали все конструкции отеля и горящие балки пролетали над его головой. Коридор казался нескончаемым туннелем в царство мертвых. Но что это?

У проема двери на лестницу стоял человек с факелом в руке, свет которого затмевал неоновые колпаки на стенах. Брайджерс споткнулся, уронил урну — из нее посыпались мерзкие тараканы. Не вставая, Брайджерс выстрелил в по-

вое привидение. Было ясно видно, как пуля, разворотив нос, разнесла череп на затылке неизвестного. Но тот, обливаясь кровью, лишь замычал и с силой кинул костлявой рукой факел.

Новый взрыв заставил обрушиться потолок; под натиском падающих бетонных плит пол провалился; оборванные электропровода, поминутно соприкасаясь, давали белофиолетовые вспышки, отовсюду сквозь плазму пожара шипелись атомные грибки черного дыма.

Когда Стенли Брайджерс стряхнул с головы штукатурку и немного пришел в себя, он очень удивился, что все еще жив. Журналист лежал в вестибюле среди груды строительного хлама, было件нятно, что он провалился вместе с полом — на потолке зияла огненная брешь, вокруг которой паутиной расходились все новые и новые трещины. Рука мертвецкой хваткой сжимала оружие, до выхода оставалось не более трех метров. Бежать, бежать!

Журналист кое-как поднялся, силы оставляли его; ко всему прочему, он зацепился останками сорочки за железную арматуру. С голым торсом, с безучастным лицом, весь залитый кровью, Стенли Брайджерс пробирался через завалы железобетона к парадной двери. Потолок начал обрушиваться до конца, грозя неминуемой гибелью, до выхода же — совсем немного.

Собрав остатки сил, журналист преодолел последний завал. Под грохот падающей сверху огромными кусками штукатурки он внезапно услышал выстрел. Боль в правой ноге отозвалась эхом. Стенли, как подкошенный, упал на колени скрипя зубами от боли. Но кто это сделал?!

В центре вестибюля, среди всеобщего хаоса и разгрома стоял человеческий скелет с охотничьим ружьем наперевес, держа журналиста под прицелом.

Закусив до крови губу, волоча за собой раненую ногу, Стенли, прикрывшись бетонной плитой, кубарем выкатился наружу. Вслед ему прогремел еще выстрел...

Тяжело дыша, стоя на четвереньках, как собака, Брайджерс с наслаждением подставлял голову проливному дождю, с жадностью вдыхал свежий воздух. Он готов был отдаться истерике, закричать от боли, но, содрогнувшись, заметил, как к нему, тихо ступая, подошли и остановились рядом женские ножки.

Стенли, забыв про боль, судорожно поднялся. В упор на него смотрело злое лицо Сюзен, но только... мертвое лицо.

— Ты хорошо его связал, Дик? — спросил Стив Роу, осторожно крутя перемотанной бинтом шеей.

Ричард Гард сосредоточенно смотрел на тлевшую сигару и лишь кивнул головой.

Молодые люди находились в просторном обеденном зале, расположившись поближе к камину. За черными окнами бушевал настоящий шторм с каскадом громовых раскатов, ураганным ветром и проливным дождем. Через каждые двадцать-тридцать секунд сверканье молний заполняло зал синеватым светом, заставляя тени принимать новые положения.

— Я одного не понимаю, — Ричард кинул остаток сигары в камин, — буквально полтора часа назад Сид был пусть и перепуганным насмерть, но все же нормальным вполне человеком. Что это все значит и что нам делать?

Из соседней комнаты донесся невнятный храп, скорее похожий на рычание.

— Нет, это просто невыносимо, черт возьми, я звоню в психиатрическую больницу в Сакраменто! — Стив вскочил с места, с участием смотря на дверь в соседний холл. — У него, по-моему, припадок, что-то с нервными! Не ждате же, пока он проглотит себе язык!

— Да, да, если нужно, звони в Сан-Франциско, друга необходимо спасти, — ответил Ричард, рассеянно перешвыривая горящие головни.

Стив пошел на второй этаж в поисках телефона, а Ричард встал, перешел по ворсистому ковру зал, тихонько приоткрыл дверь в библиотеку.

Сидней Коллинз, связанный толстыми кожаными ремнями по рукам и ногам, лежал на спине. Лицо его переливалось всеми цветами радуги, изредка из сдавленной ремнями груди вырывалось нечеловеческое рычание. Звериный оскал не оставлял ничего общего между прежними красивыми чертами его друга и чертами этого существа, дико вращающего глазами. «Если тебя так потрясла измена Леоноры, то будь спокоен, Сид, я позабочусь, чтобы она попала в психушку раньше тебя!» — так думал молодой человек, прикрыв дверь и возвращаясь на свое теплое место у камина. Это был не гнев на обстоятельства, вырвавшие человека из дружеских объятий, но страх перед этими неподвластными силами судьбы. Страх, именно страх!.

Стук в окно вывел Ричарда Гарда из оцепенения. Он встрепенулся, приблизился к атласной шторке: мол-

ния, озарившая сосновый бор, не высветила позднего пи-лигрима.

Дик в нерешительности отошел назад к столу, пролил рюмку виски — бесцветная жидкость багровым пятном расползлась по скатерти! Руки Гарда задрожали, мурашки пошли по всему телу; предчувствие ужасной беды сковало мысли. Казалось, произойди в данный момент мало-мальски неожиданное, Дик упадет замертво от разрыва сердца.

И неожиданное произошло: сверху донесся вопль Стива, перешедший в крик полного отчаяния.

Дик заткнул уши, от внезапности перевернул стол, заметался по залу, не в силах слышать этих воплей. Желание вооружиться заставило его побежать в соседние комнаты в поисках автоматической винтовки Сиды, о которой Ричард знал по прошлому приезду. Винтовка лежала на постели Коллинза, хотя обычное ее место было на стене. Пристегнув неполный магазин и не найдя больше боеприпасов, Ричард Гард ринулся на второй этаж.

Стив Роу лежал в полутемном холле лицом вниз, рядом валялись осколки разбитого телефона, ничьего постороннего присутствия не ощущалось. Осторожно перевернув друга на спину, Дик отшатнулся: лицо Стива было деформированным от ужаса, остекленевшие глаза выкачаны из орбит — он был мертв!

Положив страшную находку на диван, Ричард затравленно оглядел комнату, внимательно обследовав каждую штору.

Снизу, из библиотеки, приглушенно ползли стенания Коллинза. Буря за окном сменилась внезапной тишиной, грозовая туча прошла мимо и лишь отдаленные зарницы освещали окна. Дьявольская тишина звоном в ушах еще сильнее подействовала Ричарду на нервы. Он никак не хотел верить во все происходящее, но действительность непостижимой тайной окутывала одинокий особняк. Развязка должна быть очень близка, и Гард ощущал ее приближение.

Стук в окно, в окно на втором этаже, заставил Дика вскочить и дать автоматическую очередь. В стеклянные бреши ворвался свежий ветер, штормы надулись парусами, и все та же тишина заполнила пространство.

Необходимо было действовать. Преодолевая животный страх, Ричард Гард быстрым шагом отправился обследовать дом. «Я найду твоего убийцу, Стив, я не оставляю этого просто так», — подбадривал он себя мнимой жадной мщеня, открывая ногой все двери и зажигая во всех комнатах свет. Ударив по двери тупиковой комнаты, Дик чуть не взвыл от

боли: она была закрыта! Почти не соображая, на какой риск он идет, Ричард плечом вынес дверь, выстрелив на ходу, вбежал в помещение.

Посередине пустой комнаты стоял могильный крест. Тяжело дыша, Ричард осторожно подошел к нему и в ту же минуту почувствовал нехватку кислорода — на серебряной табличке были его инициалы и дата его смерти — сегодняшнее число.

Чья-то тень загородила свет из коридора. Гард развернулся, готовый нажать на спуск винтовки, но в коридоре никого не было. Выскочив из комнатки, он прижался к противоположной стене, ожидая нападения, лихорадочно вращая головой направо-влево, Никого.

Приписывая видение своему потрясенному воображению, Ричард Гард двинулся к исходному пункту своих исканий. Чем ближе подходил он к залу, где оставил мертвого друга, тем явственнее улавливал какие-то звуки. Звуки становились все отчетливее слышны, пока не превратились в женский плач.

Гард нетвердой походкой приблизился к двустворчатой двери, как можно осторожнее открыл одну половину.

Весь зал, оставленный им двадцать минут назад, был завален кладбищенскими венками, письменный резной стол стоял посредине, на нем покоился гроб с телом... Сиднея Коллинза! И возле этого пьедестала рыдала миловидная девушка с седыми волосами, в которой Гард без труда узнал Леонору Бертон, бывшую подругу Сиды! Труна Стива Роу в зале не было!

Гард спинным мозгом почувствовал чье-то приближение сзади, но обернуться не хватало сил, мистический ужас подавил на время все инстинкты самосохранения. Пара костлявых цепких рук ухватила Ричарда за горло. Закричав во все легкие, Гард с разворота нанес удар прикладом винтовки по...

Стив Роу, с той же предсмертной гримасой ужаса, только на мгновение отпустил свою жертву, чтобы снова броситься на нее.

Леонора отодвинулась от гроба; лицо ее деформировалось в отвратительную маску столетней старухи. Заломив руки к небу, она почти прорычала: «Силы зла хотят, чтобы ты был с нами, Дик!»

Ричард с трудом отбивался от мертвеца, боясь потерять сознание. Стив своими огромными когтями превратил ли-

по Гарда в кровавое месиво, не отпуская жертву из объятий и не давая воспользоваться оружием.

— Прекрати сопротивляться, Дик, это твой конец! — старуха кричала все громче. — Это твой конец, Дик, ты слышишь?

Весь особняк охватила сетка электрических разрядов, стекла со страшным звоном вылетели из окон. Зал осветился необыкновенным ярко-фиолетовым светом.

Ричард Гард мощнейшим ударом, на какой только был способен, отшвырнул вампира к стене, всадил в него очередь. Стив Роу беззвучно ввалился в зал.

Затуманенный взгляд Ричарда скользнул по старухе, по гробу... и осекся. Дик увидел то, к чему человеческая фантазия, падкая на ужасы, не приходила, не пришла и никогда не придет. Он увидел Смерть!

Окончательно сойдя с ума, Ричард Гард оставшиеся в магазине винтовки три патрона выстрелил себе в живот...

На фоне горящего понтиака Сюзен, выткнув вперед руки, медленно приближалась, загоня мужа обратно в отель.

— Сюзен, что с тобой, дорогая! Почему ты здесь? Почему ты хочешь моей смерти, Сюзен? — Брайджерс отступал, не контролируя своих действий.

Откуда-то с верхних этажей ветер донес эхо взрыва. За спиной девушки посыпались горящие конструкции, но ни один мускул не дронул на ее мертвом лице. Спина Стенли Брайджерса почувствовала холодное стекло парадной двери.

Девушка оскалила зубы, неумолимо приближаясь.

— Сюзен, что с тобой, Сюзен? — Стенли дрожащей рукой навел на нее револьвер, пот, перемешанный с дождем, заливал ему глаза. — Сюзен, почему ты хочешь моей смерти?!

Она остановилась в двух шагах, готовая в любой момент накинуться.

— Почему ты мертвая? — закричал Стенли. Девушка сделала попытку приблизиться еще, прогремел выстрел. Сюзен упала навзничь в грязную лужу.

Сдерживаемые до сих пор эмоции вырвались наружу, истерические рыдания сдавили грудь. Не разбирая дороги, журналист шел по автостраде, желая, чтобы горящий в дьявольском огне отель побыстрее остался за поворотом.

Стенли прошел уже метров сто, когда увидел непонятный летающий объект, мигающий десятками огней, спуска-

ющийся прямо на шоссе неподалеку. Сделав мягкую посадку, объект открыл свои люки, из них выскочило множество существ, отдаленно напоминающих людей.

— О! Так вот куда я попал, черт возьми! Вот это материал для папочки! — Стенли криво ухмыльнулся, выставил вперед руку с револьвером. — Добро пожаловать, инопланетные свиньи!

На этот раз Стенли не успел нажать на спуск, он почувствовал, как острая боль бросила его тело на асфальт. Уже в предсмертной пелене Стенли Брайджерс увидел, как прищельцы вошли в горящий отель, но, лишь дверь захлопнулась за последним, здание взлетело на воздух.

«Процесс уходящего века»

Думаю, соотечественники не забыли еще леденящую душу историю, окутанную мраком тайны, развернувшуюся в скалистой местности близ Сакраменто (штат Калифорния). Также думаю, что нет особой необходимости эту историю пересказывать вновь, в свое время газета «Дейли информейшн» широко осветила многие подробности, и тем не менее напомним некоторые из них.

В ночь с 16 на 17 сентября в центральный полицейский участок Сан-Франциско, Сентджем, поступили сведения от некоего бизнесмена Бакли, что в отеле «Блю дрим», расположенном на автостраде Сан-Франциско — Портленд, происходят непонятные вещи; сложившаяся там обстановка указывает на возможно готовящееся преступление. Инспектор полиции Гарри Бэрроу не добился от мистера Бакли каких-либо деталей драмы, потому что последний находился в психическом трансе.

Инспектор проанализировал бедный на факты, очень сбивчивый рассказ, состояние рассказчика и распорядился немедленно отправить в отель патрульный вертолет. Команда полисменов смогла добраться туда только под утро из-за несоответствующих перелету погодных условий.

Уже заходя на посадку, еще с воздуха, пилот заметил одинокого хромого человека, ковляющего по шоссе в сторону Сакраменто. Удачно приземлившись почти в полной темноте, команда пыталась вступить в контакт с беглецом, но тот приготовился к перестрелке. Сочтя незнакомца за некоего преступника, полиция, недолго размышляя, первой открыла по нему огонь. Позднее сержант оправдывался, что он метил по ногам, а тот аргумент, что «преступник» был

уже ранен в правое бедро, мало тревожил беспощадного стража закона.

Разделавшись таким образом с беглецом, полиция ринулась в отель. Возле парадной двери был обнаружен труп молодой девушки с простреленной шеей. В вестибюле гостиницы еще один неизвестный открыл по полицейским огонь из охотничьего ружья. В короткой схватке был убит и этот джентльмен, как потом оказалось — последний свидетель всего происшедшего в отеле.

Обследовав отель, полиция обнаружила в различных закоулках весь персонал гостиницы и его клиентов убитыми, у всех имелись следы от удушья либо огнестрельные ранения.

Вся команда вернулась в Сентджем в потрясенном и растерянном состоянии с набором умопомрачительных фактов, которые в момент прилета не смогла обрисовать вышеуказанному Гарри Бэрроу. Инспектор лишь понял, что в «Блю дрим» произошло что-то из ряда вон выходящее, и в связи с этим 17 сентября туда была направлена целая экспедиция.

Эксперты буквально одели отель в обои из дактилоскопической пленки, подключили мощнейшую экспертную лабораторию Лос-Анджелеса, десятки вертолетов прочесывали близлежащую местность, благо циклон с ураганым ветром сместился в океан.

В двенадцать часов дня последовали первые открытия: были опознаны джентльмены, оказавшие сопротивление властям. Хромой беглец с револьвером «райфл» был не кто иной, как корреспондент информационного агентства «экс-си-эс» Стенли Брайджерс. Как выяснилось впоследствии, журналист, получив из неизвестных источников материалы, выехал из Сан-Франциско вместе с женой — Сюзен Брайджерс — с целью доставить, воспользовавшись попутным рейсом, супругу на ранчо, а самому добраться до отеля и дать оттуда репортаж раньше, чем все данные всплывут в уголовном бюллетене.

Как читатель помнит, в девушке, убитой возле парадной двери здания, опознали Сюзен Брайджерс.

Второй неизвестный, открывший в вестибюле огонь по полиции из охотничьего ружья, оказался временно остановившимся в «Блю дрим» клерком из центрального банка Сакраменто — неким Джонатаном Цеззи.

Агрессивность обоих — Брайджерса и Цеззи — до сих пор оставалась тайной.

Составить сценарий происшедшего не смог ни один из

профессионалов-криминалистов, дело сразу предвещало затянуться.

В два часа дня сразу два сообщения с бортов вертолетов, прочесывавших окрестности, окончательно вывели из равновесия криминальную верхушку: на повороте на ранчо Маунтен (принадлежащее чете Брайджерсов) найден сорвавшийся в пропасть спортивный «форд» старого образца с изуродованным (от падения) и обгоревшим (от взрыва) владельцем — Майклом Доджем, сотрудником медицинского института Сан-Франциско.

Другой бортпилот спешил сообщить о некоей вилле, в которой он наткнулся на три трупа. Их имена также упоминались в прессе: Сидней Коллинз найден в библиотеке связанным по рукам и ногам; разрыв сердца; владелец виллы. Ричард Гард — огнестрельные раны в области живота, автоматический выстрел в упор, очень похоже на самоубийство; близкий друг Сиднея Коллинза. Стив Роу — множество огнестрельных ран в грудной клетке, глубокий шрам на шее в области сонной артерии; близкий друг Сиднея Коллинза. Все трое — студенты колледжа Мэри-Локхетт.

Все, что смогли доказать эксперты Сентджема, так это только таинственную нить, связывающую все три происшествия.

Насколько вы помните, загадки на этом не кончились: шестьдесят процентов персонала экспертной комиссии на утро следующего дня расквартировалось по больницам Сан-Франциско и Лос-Анджелеса с сильным психическим расстройством центральной нервной системы. В чем заключались эти расстройства, не узнали самые расторопные прессымены и тележурналисты — родственники внезапно заболевших, как правило, высокопоставленные особы, оставили все это в тайне, дабы не компрометировать солидных деловых людей.

Кроме того, репортаж бортпилота Мака Голсуорта из одинокой виллы оказался по непостижимым причинам последним репортажем в его жизни. Останки «стрекозы № 6» были обнаружены в пятидесяти километрах от Сакраменто. Падение в пропасть вертолета — еще одна тайна, взбудоражившая многие умы криминального мира.

Прошло семь месяцев с тех пор, когда каждая газета Соединенных Штатов каждую неделю со своих страниц выдвигала все новые и новые гипотезы, посвященные загадке века. Время делало свое дело, страсти утихали на глазах, представив все тайны перу писателей-фантастиков.

И вот сегодня 16 апреля 1994 года. Я предлагаю вашему вниманию рассказ профессора химии Уолта Мак Тенори; который является зачинщиком «процесса уходящего века», как, вероятно, назовут вскоре процесс все средства массовой информации.

— Я состоял в экспертной комиссии, проводившей тщательную экспертизу по наведшему на всех ужас делу, всего лишь частным консультантом. Обследую сорвавшийся в пропасть «форд», я, в отличие от других ученых, обратил внимание на останки багажа владельца с находящейся в них канистрой (по внешнему виду — под бензин). Вскоре я убедился, что канистра оборудована для хранения отнюдь не жидкостей, а... газов!

Заинтересовавшись этой подробностью, я взял канистру для дальнейших исследований в свою лабораторию.

Провозившись с ней довольно длинный промежуток времени, я сумел вывести формулу газа, находившегося в сосуде в момент аварии. Работа была адская, потому что самого газа как такового в канистре не было, гипотеза основывалась на ингредиентах вещества стенок сосуда. Таким образом прошло три месяца, прежде чем я сдвинулся с места.

Постоянное напоминание инспектора Гарри Барроу о том, что все три дела: «Блю дрим», Майкла Доджа и одинокой виллы — повязаны одной логической цепочкой, заставили меня сделать подобные экспертизы в отеле и на вилле. В обоих случаях обнаружилось присутствие неизвестного науке газа, и я понял, что на верном пути.

Далее должно быть понятно, что я захотел получить газ лабораторным путем. Я его получил — бесцветный, без какого-либо запаха, немного тяжелее воздуха. Еще месяц ушел на изучение его свойств — результаты были сногсшибательными. Не в силах остановиться, я предпринял частное расследование. Попытаюсь расставить все точки над «и».

28 августа прошлого года в кабинет президента синдиката «Офул миднайт» Билла Сеттера вошел без приглашения известный всем нам Майкл Додж. Я думаю, не стоит представлять «Офул миднайт», специализирующийся на издании романов ужасов, имеющий филиалы в Голливуде и в Силиконовой долине, занимающий главенствующее место в мире по выпуску сувениров-кошмаров и прочей загробной атрибутики.

Майкл предложил президенту интереснейший по содержанию и оригинальности контракт, исходя из которого, при

доминирующем участии Доджа в прибыли, «Офул миднайт» в самом ближайшем будущем сократит денежные ассигнования на рекламу, а в перспективе вообще откажется от них за полной ненужностью.

Я не знаю условий их беседы. Весьма возможно, что рационализатор взял расписку с Билла Сеттера о полном ее инкогнито. Нахождение этого документа разрешило бы последние сомнения, и известные только мне лица Сентджема уже работают в этом направлении.

Суть предлагаемого контракта заключалась в следующем: Майкл Додж, немолодой уже ученый, работающий в медицинском институте Сан-Франциско над обезболивающими препаратами, совершенно случайно, лабораторным путем, получил газообразное наркотическое вещество. Соблюдая необходимую предосторожность, не забывая и о профессиональной тайне, Майкл, так же как впоследствии и я, открыл поразительные способности наркотика действовать на психику человека, вызывая у него безотчетный страх и кошмарные галлюцинации. Это состояние, по теоретическим разработкам алхимика, должно было переходить у человека, получившего определенную дозу наркотика, в своеобразный экстаз ужаса, а впоследствии, с наступлением так называемого «синдрома похмелья», в острую потребность «похмелиться» — либо получить еще одну дозу, либо хоть как-то компенсировать отсутствие блаженства ужаса: почитать роман ужасов, посмотреть триллер и т. д. и т. п.

Я уже упоминал, что газ бесцветен, не имеет запаха и лишь немного, но все же тяжелее воздуха, что привело Доджа к мысли делать на нем большие деньги.

Не утруждая себя провести пробный эксперимент, новоиспеченный бизнесмен, опираясь только на свои теоретические разработки и силу своего гения, обратился по адресу «Офул миднайт».

Несложно догадаться, каким бы образом синдикат мог при помощи наркотика наращивать мощности выпуска своей продукции. Я допускаю такой вариант: «Офул миднайт» через фирму-посредника совершенно инкогнито открывает фирму по выпуску обыкновенных одноразовых газовых зажигалок, но с нажатием на клапан которых вместе с обычным газом из тщательно замаскированного резервуара под напором выходил бы и наркотик. Таким образом, всем курильщикам Америки грозила опасность стать (внимание, ввозу сверхновый термин) ТЕРРИБЛМЕНАМИ, людьми, сознание которых помещалось бы на ужасах. Вывод один:

«Офул миднайт» в рекламе бы не нуждался, терриблмены, не зная, каким образом снова вызвать экстаз ужаса, раскупили бы все издания в черных обложках с черепами, все компакт-диски с фильмами ужасов, захотели бы и дома создать подобающую загробную обстановку, раскупив картины, сувениры, скульптуры, изображающие демонов, вампиров, оборотней и прочую чертовщину, выпускаемую все той же «Офул миднайт». Естественно, Майкл Додж снимал бы весьма жирные пенки с навара синдиката. Недорогостоящее производство газа позволяло сразу же приступить к делу.

28 августа прошлого года Майкл Додж стал нелегальным сотрудником «Офул миднайт».

В то время, когда Билл Сеттер лихорадочно искал брокера, отвечающего всем требованиям контракта, Майкл готовился к обширным испытаниям, которые бы дали объективные показатели. Его план состоял из двух пунктов: исследование воздействия наркотика на группу людей и на одиночку. Вскоре в его поле деятельности обрисовался и необходимый для этого «испытательный полигон»: затерянный в скалах отель «Блю дрим» и вилла, расположенная неподалеку от Блэквуда, в которой, по данным Доджа, отдыхает один человек. 15 сентября Майкл Додж выпускает газ в кафе отеля «Блю дрим» и в столовом зале виллы (каким образом ему удалось сделать второе, можно только догадываться).

Но пожар в лаборатории заставляет Доджа срочно покинуть зону наблюдения и выехать в Сан-Франциско. Уладив там все дела, он возвращается в отель на своем старом спортивном «форде», везя новую дозу наркотика. Во время пути происходит непредвиденное — частичная разгерметизация канистры, и ученый становится жертвой своего открытия. Обезумев от ужаса, охватившего его под влиянием газа на мозг, Майкл Додж направляет автомобиль в пропасть.

Майкл Додж и не подозревал, насколько силен его химикат. Его настоящие свойства намного отличаются от теоретических домыслов алхимика. К сожалению, эти свойства проверены на людях.

Одно из самых загадочных свойств Мэдиума — действовать на нервную систему только с наступлением полной темноты. Человек, десять минут находившийся в атмосфере этого газа, последующие пять минут может действительно пребывать в экстазе ужаса. Но затем его начинают преследовать видения настолько правдоподобные и реальные, что человек может запросто сойти с ума от увиденного.

Далее, действие Мэдиума не одинаково на всех распрост-

раняется, все упирается в черты характера терриблмена. Одни представляют себя вампирами и оборотнями и, одурманенные газом, ищут жертву, то есть причисляют себя к выходцам с того света. Другие наоборот — спасаются от преследующих их кошмарных видений, в каждом другом человеке они видят чудовище.

Теперь можно во всех красках представить трагедию, разыгравшуюся в «Блю дрим» и в особняке Сиднея Коллинза, к которому на беду приехали друзья в ночь с 16 на 17 сентября.

Перечисленные свойства Мэдиума настолько опасны при воздействии на толпу, что люди Гарри Бэрроу, инспектора Сентджема, после предоставления мной материалов по делу «Офул миднайт», немедленно надели наручники на весь управленческий аппарат синдиката. Отсутствие прямых доказательств не имеет в данной ситуации своей юридической силы, когда не найдены резервуары с газом Мэдиум.

Ужасное открытие Уолта Мак Тенори — это не просто сверхсенсация. Сейчас никто не сможет предсказать дальнейшие схемы ситуаций. Оставшиеся в неопределенном объеме резервуары с газом Мэдиум — реальная угроза национальной безопасности Соединенных Штатов. 28 апреля сего года начнется «процесс уходящего века», к этому сроку джентльмены из Сентджема должны будут предоставить суду факты причастности «Офул миднайт» к афере Майкла Доджа и найти склад с Мэдиумом.

В противном случае автор этого репортажа не хочет предсказывать самых худших последствий, но боится нашествия терриблменов, которое по аналогии можно будет сравнить лишь с библейским нашествием демонов.

ДЖО СПЕНСЕР,
репортер уголовной хроники «Нью-Йорк таймс»
16 апреля 1994 г.

ДОРОГА В МИЛЛИАРДЫ ЛЕТ

Фантазия

Это случилось со мной еще на суше. В один несчастный день я был настигнут в лесу свирепым ящером и разодран на клочки. А то, почему я могу рассказать вам об этом — это и есть то, что со мной случилось.

Я очень хорошо помню момент встречи с ящером, как сейчас ощущаю сильную боль от вонзающихся в тело когтей... Я хорошо это помню, потому что все это было впервые, потом, когда мне случалось гибнуть от зубов волков, падать в пропасть, или когда волны с разбега бросали меня, обессиленного на острые скалы, конечно, каждый раз это было ужасно, но так как это было сотни и сотни раз, и почти всегда очень похоже, то это стало обыденным и не вызывало больше такого ужаса, который возникает в ожидании перехода из бытия в небытие.

Но именно в моем случае, именно тогда, когда я попал в лапы к ящеру и не произошло такого перехода. После того, как боль вытеснила во мне все остальные чувства, перед глазами у меня на миг помутилось, но только на миг, через миг я опять увидел лес, небо, цветы, но только ящера уже рядом со мной не было. Я ощутил у себя совершенно новое молодое тело, я ощутил все свои четыре упругие сильные лапы, которые твердо стояли на влажной земле, и тут я полностью осознал, что я опять молодая крыса. Я повял это и кинул взгляд кругом: что я увидел! Я поразился сочности и яркости увиденного мной мира. Краски брызгали мне в глаза отовсюду: с кустов, с трав, с деревьев. Я обладал резким молодым зрением, позволявшим воспринимать мир с давнего забытой мною отчетливостью. Я обладал молодыми силами, позволявшими мне бежать без остановки, разгоняя кровь в жилах до предела. И я думаю, что есть какая-то связь между этим и тем, что я видел так великолепно.

Но самое странное было то, что я вовсе не забыл свою схватку с ящером (я успел оцарапать его) и вообще всей своей прошлой жизни, я помнил ее до мельчайших подробностей. И от этого у меня становилось весело и радостно на душе, и я бежал задорно плепая всеми своими лапами по

разбросанным на тропинке лужам, ради озорства поднимая тучи искрящихся на солнце брызг. Ах да, это было на сто веков позже, но не важно. Хотя я отлично помню все, что со мной происходило за это время, но иногда у меня происходит сдвиг в памяти. Впрочем, я всегда говорю так: это было пять миллионов веков назад плюс-минус сто тысяч веков.

Но вернемся к моей истории. При виде приближающейся опасности я бросился в воду и поплыл. Озерцо было небольшим, и если бы я сумел тогда его быстро преодолеть, то убежал бы от крупной пятнистой кошки, которая взгромоздилась на ветку дерева, чтобы броситься оттуда мне на спину. Однако сил у меня на это не хватило, а главное не хватило длины лап. Кошка успела вскочить мне на спину и перекусить шею. С того времени у меня всегда возникают неприятные ощущения, когда кто-нибудь кладет мне на лопатки руку, потому что кажется, что на этой руке непременно должны сейчас выступить когти, которые вонзятся в меня и начнут меня драть и вырывать у меня целые куски кожи.

Да, с кошкой мне не повезло. Но буквально через миг, как я погиб, когда туман застлал мои глаза, я очнулся, и очнулся именно в той ситуации, какая предшествовала моей гибели, хотя сам я на этот раз изменился: лапы мои стали чуть пошире и грудные мышцы помощней, в результате чего я смог проплыть на полметра дальше, что вообще-то все равно не дало мне избежать зубов кошки, которую я, кстати, теперь хорошо разглядел, потому что теперь мое боковое зрение стало поразительней. Кошка была большим, но не очень, зверем с пятнистой рыже-белой шкурой. Это злобное, хищное животное налетело, как бешенное, готовое, казалось, отдать полжизни, чтобы настигнуть свою добычу, то есть меня; шерсть на ней стояла дыбом, а глаза были совершенно бессмысленные. При всем при этом, я бы не рискнул называть его глухой кошкой. Просто, когда оно бросилось в атаку весь тот уровень культуры, которого достигли представители его рода за тысячелетия своего развития, захлестнулся поднявшимися со дна души первобытными инстинктами. И поэтому, понятно, оно и растерзало меня совершенно поварварски. Хотя ничего страшного не случилось и в другой раз, когда она прыгнула мне на спину. Вся схватка происходила уже на приличной глубине, потому что на лапах у меня между пальцами появились очень удобные пленки, а грудные мышцы стали совершенно каменными; я успел отплыть на большее расстояние от берега, и кошке пришлось

всей вымокнуть, прежде чем она разделалась со мной. Та картина, которую я являл собой, выгащенный на берег, была ужасна, и сердце мое разрывалось на части, когда я пытался представить ее себе, но, слава богу, что вся эта мерзость была в последний раз. Мне, наконец-то, удалось уплыть от кошки. Я сделал отчаянный рывок и очутился сразу на середине озера, которое, впрочем, сообщалось с другим, более крупным озером, куда я и поплыл, благо лапы мои приобрели великолепные перепонки. Плыл я легко и быстро и даже однажды нырнул за мелькнувшей впереди серебряной рыбкой. И нырок мой оказался так удачен, что я умудрился как-то сходу проглотить рыбку. После чего я, конечно, чрезвычайно уверовал в свои способности и пустился дальше нырять и резвиться в большом озере.

Удивительные, волшебные, безумно прекрасные миры открывались моим хорошо видившим под водой глазам. Яркие лучи солнца, проникая на значительную глубину, отлично освещали уютные миниатюрные полянки, разбросанные между массивными кусками скал, и можно было вдоволь любоваться фантастическими играми, которые устраивали стайки юрких маленьких рыбок с бурыми насущенными водорослями, толстым ковром покрывавшими дно. Рыбки то замирали на месте, будто бы загнипнотизированные мерным колыханием больших бурых кустов, то вдруг по неизвестной причине кидались враспынную, и можно было подумать, что им внезапно показалось, что бурые кусты только притворяются неподвижными и сейчас сорвутся с места и бросятся в погоню за маленькими рыбками, чтобы схватить их своими гибкими ветками.

Мне самому стало жутко от такого предположения, потому что кусты могли наброситься и на меня, и я поспешил вернуться на поверхность, тем более, что запас воздуха легких у меня подходил к концу. Когда же я опять нырнул то странным образом стайки рыбок все куда-то подевались, что сначала очень меня удивило, но потом я понял причину их поспешного бегства: из глубины озера бледной тенью поднималось ужасное чудовище с огромным телом и маленькой головой на длинной шее. Чудовище довольно резко для своих размеров пронеслось мимо, совершенно не обращая на меня никакого внимания. Но за это я был тогда, признаться, на него не в обиде, более того, я был рад этому. Правда позже выяснилось, что опасаться мне было нечего, оно, несмотря на свой страшный вид, питалось всяческой мелюзгой, и я ему был просто неинтересен.

Поэтому, когда я разобрал кто передо мной, я смело поплыл к нему ближе и стал парить рядом с ним, заплывая то справа от него, то слева. Чудовище заметило меня и быстро двинулось вперед, держа свою голову впол-оборота ко мне и как бы приглашая следовать за собой. Не долго думая, я принял приглашение, и мы помчались, петляя среди скал и валунов, делая под водой всевозможные кувырки и повороты, и лишь изредка поднимаясь наверх, чтобы я мог проветрить свои легкие.

Наш полет был прекрасен, но время от времени я зависал на одном месте, чтобы понаблюдать, как выпущенные мной разноцветные пузырьки воздуха, лавируя между невидимыми и только им одним известными преградами, прыгая в стороны под натиском легчайших подводных течений, пробираются на поверхность.

Я дурачился и резвился, как может резвиться и дурачиться только совершенно беззаботное существо, но мой новый товарищ тоже не отставал от меня: выкидывал такие номера, закладывая такие виражи, что и у меня перехватывало дух.

Нашей великолепной игрой мы наверняка распугали всю рыбу на десять миль в округе, но нам было весело, и об еде мы совсем забыли. Должно быть странный вид со стороны являл собой наш дуэт: огромная туша вертелась волчком вокруг малюсенького тельца, висящего в пространстве, то наоборот, странное крохотное существо описывало круги, центром которых был застывший неподвижно гигант. Но, ах! ощущение полета. Ничего подобного я еще в жизни никогда не испытывал, и как жаль, что вся эта феерия закончилась так плачевно. Полностью увлеченные нашими занятиями, мы совершенно не заметили, как к нам подкралась большая белая акула. Она выскочила внезапно из-за скалы и ринулась прямо на нас.

Мой новый товарищ первым увидел ее и пустился наутек, оставив меня один на один со свирепым хищником, и если вдвоем у нас еще была надежда попытаться как-то отбиться или как-нибудь запутать акулу, то одному мне не на что было уже надеяться. Конечно, я тоже попытался уплыть, но акула не дала мне этого сделать. Ее острые зубы моментально вонзились мне в тело, а все из-за того, что я не обладал тогда достаточной силой, чтобы свободно маневрировать под водой. Зато, когда в следующий раз акула бросилась на меня, я все-таки успел увернуться и врезаться ей шпательником по жабрам. Правда, это в конечном счете не спасло

меня от расправы, но тем не менее сознание того, что и акуле было пару секунд не сладко, примирило меня со смертью. Позже я усвоил подобную тактику и теперь всегда, когда акула шла на меня в атаку, грозная и неотвратимая, я резко бросался в сторону, делал крутой поворот и бил акулу затвердевшим с течением времени носом по жабрам. В результате чего, она совсем перестала нападать на меня и вяло оплывала стороной, когда нам случалось повстречаться в морских просторах, а я даже не соизволял ни на метр уклониться от своего пути, а плыл прямо, с презрением поглядывая на тупую, безмозглую рыбу, которой, впрочем, в глубине души был даже признателен за то, что благодаря ей я обрел гибкое сильное тело, плавники и мощный хвост, а также дыхательное отверстие на затылке. И скажу откровенно, я не знаю большего удовольствия, чем наблюдать за тем, как плавники твои растут и увеличиваются от тела к телу. То же самое вполне можно сказать и про хвост.

Я помню себя дельфином в разлуке с солнцем. Я помню себя делающим мощные нырки, погружающимся на большие глубины, обитатели которых и не знают, что такое свет. Им он не нужен, они крадутся на ощупь во мраке вечной ночи, такие, как я — гости в этом таинственном мире, попавшие сюда по воле случая, скулят и пищат от страха перед неизвестностью и с громадным напряжением ждут откуда вернуться к ним эхо, чтобы потом уже сидеть и с замиранием сердца ожидать чьего-то приближения: гадая друг это или не друг. Но бывает, правда, еще и так, что промелькнет искорка в этом океане тьмы: электрический скат, излучая бледное сияние, проследует куда-то по своим делам, но еще до того как будет мерещиться его свет перед глазами, как будто это ты только что смотрел на солнце в зените, и от того, что тебе кажется, что ты что-то видишь, но на самом деле ничего перед тобой уже давно нет, и ты знаешь, что нет, становится еще жутче, еще страшнее.

Однако я любил эти опущения, переживать их доставляло мне огромное удовольствие. Я специально погружался как можно глубже вниз, чтобы попутаться и чтобы потом испытать сладость побега из когтистых лап тьмы и страха и мир радости и света, пускай и слабого, звездного. Я выпрыгивал высоко-высоко из воды, махал плавниками и хвостом моим приятелям-звездам и, не дожидаясь ответа, хотя признаться, это было и не очень вежливо с моей стороны, падал обратно в море, поднимая каскад брызг.

Любил я выпрыгивать из воды даже и тогда, когда над

бурным, тяжело дышащем морем неслись снежные вихри и бились, бились об волны, и испуганные, и ослепленные, и непонимающие в чем дело, круто взмывали вверх, чтобы перевернувшись через голову снова врезаться лбом в волну. И я взлетал в круговерт снежных песчинок, на мороз, который сразу проходил по мне, и потом опять падал вниз и уходил далеко-далеко в теплые морские глубины. Но через короткое время все опять повторялось. И так один целую жизнь я плыл на север и целую жизнь на юг.

Я наблюдал издали извержения вулканов, я наблюдал у себя над головой взрывы больших белых шаров, вспышки света, которые пронзали огромные толщи воды и больно резали по глазам обитателей вечной тьмы, поэтому стаи испуганных рыб и кренки-панцирные черепахи и даже глуполобые акулы спешили уйти подальше от этих вспышек, а я, напротив, долго еще кружил там, куда, по моему мнению, должны были упасть обломки взрыва, в надежде найти хоть что-то, что помогло бы мне понять природу шаров. Но, к сожалению, все мои поиски были напрасны.

Но нет, надо сказать, один раз со мной произошел странный случай, когда я шел недалеко от поверхности (было немного видно) я ощутил впереди какое-то живое существо, и вдруг мне мелькнули глаза полные разума, я бросился к этому существу, но оно быстро стало уходить от меня и скрылось за ближайшими скалами, я кружил-кружил вокруг скал, но ничего не находил. Что же, я плыл дальше.

Задумчивый и одинокий, лишь временами я замечал, что рядом со мной в моем бесконечном путешествии несется кто-то похожий на меня. Хотя я даже любил его или их, но скоро — через десяток-другой лет — они отставали, и им на смену являлись новые, и так все повторялось много, очень много раз. Иногда, правда, мне казалось я оставался со своими спутниками, и в то же время я плыл дальше, забавляясь тем, что делал в океане огромные круги, потом бросался вдруг плыть вокруг Земного Шара, но, попав в холодную воду, быстро менял свое решение, и все это длилось до тех пор, пока однажды я не был выброшен на берег гигантской волной, потому что один раз мне не захотелось под нее поднырнуть. Естественно, я погиб, но когда я пришел в себя, то сразу был вынужден ползти, иначе меня закусали бы до смерти жесткокрылые трескучие жуки.

Я полз очень усердно и мне удалось переползти дюны и добраться до первых кустарников, которыми начинался лес. На этом месте я отдохнул и стал добычей жуков. На следую-

этом этапе я уже бежал на лапках, а потом и на коротких, еще не очень послушных ногах. Я бежал по лесу, но совершенно не узнавал его. Как все изменилось вокруг! Вместо гигантских хвощей и паноретников я видел странные деревья, закидывающие свои огромные кроны высоко в небо, так высоко, что порой я боялся, что кроны как-нибудь перевесят своей массой и Земля перевернется вверх дном. Я видел множество подвижных мелких зверюшек и совсем не видел ящеров, чему был чрезвычайно рад, потому что в глубине души у меня еще остался ужас с того времени, когда ящер наступил на меня когтистой лапой и замкнул на моем тельце свои тяжелые челюсти.

Но теперь я был жив и добродушно ластился к зверькам, которые, впрочем, не очень радовались этому, а бросались бежать со всех лап или забирались на деревья и с любопытством смотрели оттуда на меня и понимающе переглядывались друг с другом. А мне приходилось оставаться наедине со своими вселенскими восторгами, что, прямо скажем, особо меня не огорчало, потому что я мог сколько угодно изливать переполнявшее меня чувство радости на лес и на природу: я зарывал обе свои передние лапы в бурый ковер прошлогодней хвои, просовывая их под ковер, протягивал как можно дальше, а потом с силой вскидывал их вверх, поднимая целый вихрь из желтых хвоинок и сухих палочек. Постепенно пальцы у меня на лапах от того, что я вскидывал, взбрасывал, взметал хвою сделались длинными и гибкими, и я мог теперь их растопыривать или собирать в кулак, иногда я делал это просто так, для собственного удовольствия и любовался, как ловко они у меня двигаются. Мне стало неудобно уже ходить ими по земле, и я стал ходить только на задних лапах. И вот тогда я и столкнулся на поляне со стаей волков, то есть я уже ходил на задних лапах, когда повстречал на поляне волков. Этот момент особенно запомнился мне потому, что с него жизнь моя круто изменилась.

Но вернемся к волкам... Зная наперед чем все это кончится, я спокойно посмотрел на волков, а потом побежал к дереву. Меня догнали. Потом я успел добежать до дерева, уцепиться за ветку и вскочить на нее, оставив своих преследователей внизу под собой. Ветка, на которой я сидел, от рывка раскачивалась и печально роняла желтые листья на вольчих носы, поднятые вверх. Это очень меня забавляло и я специально потрясывал ветку еще, чтобы подбавить падающих листьев.

Я радовался своему счастливому спасению, но радовался недолго: через минуту я уже понял, что мне нужно было бежать по лесу и тогда я очень быстро превратился бы в ветвисторогого оленя, а сейчас на дереве я оказался в западне. Волки сторожили меня, хотя и проявляли при этом некоторое нетерпение. Они злились, гонялись иногда мордой за желтым листком, пока он слетал на землю, а потом зло и умно взглядывали на меня: заметил ли я или нет, что они неспокойны. А я им не покажу, что заметил, и смешно смотреть какое у них облегчение на душе, а уж сколько раз встанут, пройдут да лягут тут же, а потом опять морду вверх — меня стерегут.

И так весь день и всю ночь, не смыкая глаз, так, что порой ночью мне казалось, что волков то и нет, они ушли, оставив (тернув лапой) на стволе дерева, на камне, возле которых лежали до темна по два пятна фосфора, добытого ими в пещерах, чтобы я принимал эти пятна за их глаза. Но вышла луна из-за туч, и в тот момент я различал в тени деревьев неподвижные фигуры волков, а через секунду все опять покрывал густой мрак. И снова, когда луна выкатывалась из-за туч, картина оставалась все та же, только фигуры немного меняли свое положение и как-нибудь сдвигались. А луна плыла и плыла по теплой небесной реке и показывалась из-за облаков пара...

Я спал на ветке, утром я просыпался и говорил себе: «Этого не может быть». Но знать я знал, что это было. Утром так или иначе все разрешилось. Я заметил странный блеск между деревьями на краю поляны, волки тоже что-то, по видимому, учуяли, потому что стали с беспокойством нюхать воздух. А там уже на поляну вышли странные создания: у них были нежные руки и нежные безволосые лица, единственное, что у них было не покрыто пластинками из блестящего твердого вещества. В руках они держали длинные заостренные палки, которые несли наперевес. Эта странная группа оказалась рядом с деревом, и только тогда я заметил, что волков уже и след простыл.

Я представляю, каким я тогда казался (судя по отражению, виденному мной недавно в луже): длиннолапым, с красными глазами зверем, покрытым черной шерстью. Я все еще сидел, скорчившись на ветке, и странные создания палками заставили меня сползти вниз и на веревке, одев петлю на шею, повели за собой, поминутно оборачиваясь и взглядываясь в меня.

Мы вышли на тропинку, и та бросилась бежать от нас, а

мы все время наступали ей ногой на хвост, и как ногу поднимем, она рванется и уже пойдет, пойдет, сдвинется, а мы еще шаг сделаем и хвост-то ей и прижмем. И так мы ее притопчем, притопчем, а она все равно поднимется и побежит, помчится по лесу, натываясь в спешке на стволы деревьев и отталкивая их в сторону, и они в сторону раз — и уходят, удаляются.

И я шел за одним созданием-людем (так они себя называли), и взгляд мой был уткнут в узкую полоску, кожаной куртки, которая торчала из-под кольчуги. Светло-желтая куртка полностью поглощала все мое внимание, я напрягал зрение изо всех сил, чтобы получше разглядеть ее, я приближался к люду совсем близко и проглядывал каждую трещинку с начала и до конца, я представлял себе как будто сидящем на полоске, чтобы ощупать все неровности на ней своими представленно крохотными лапками и удовлетворить таким образом свой болезненный интерес. И я стонал от досады, когда воин повертывался ко мне, и полоска проворачивалась вокруг оси воина, и это лишало меня возможности смотреть на нее, жадно вбирая в память каждую складочку, каждую черточку на ней. И я тянул сетку трещинок на полоске лапой за один конец, и трещинки все сгребались к моему ногтю и входили одна в другую так, что из точки их соединения брызгала свора маленьких трещинок-пострелят, и воин, поговорив обо мне (я уже все понимал, что вокруг говорят, через слово) шаг вперед с оборотом — мы пошли дальше.

Так мы выбрались из леса и по полю (воины в сапогах, в железных набедренниках, кольчуге и шлеме, в руках копье) двинулись к серой скале, на которой стоял замок. И он вздымался вверх титанической громадой, разрастался к небу, и серые тучи ходили над ним, как тучи пещла над жерлом вулкана, заслоняя солнце. И вблизи с замком сразу все приобретало серый цвет, и доспехи воинов уже не блистали, а были темны.

И мне вдруг стало жутко, просто нестерпимо жутко, и что-то такое толкнуло меня в бок, и закотелось вдруг рвануться быстрее и бежать, бежать без оглядки, перепрыгивая через овражки и ямочки, продираясь сквозь кусты — и так много дней, и добежать до берега моря, и броситься в воду, и скрыться там в глубине, и таиться, таиться там век, а потом выйти осторожно и прийти на то место, посмотреть какая там трещина в земле, куда скала провалилась тогда, когда я только успел убежать, но я не мог убежать, потому что был

на веревке, и потому мне волей-неволей пришлось войти в этот замок.

Ворота раскрылись перед нами, и мы через них проникли внутрь, идя по узкому проходу и глядя вверх, открыв рты, на башни. В центре замка находилась небольшая площадка-двор. На нем по краям стояли деревянные будки и сараи, а по середине несколько людей возводили странное сооружение из бревен. Я так и не понял, что они делают и для чего это предназначено, хотя и внимательно наблюдал за их работой до самого ее окончания, из подвала, куда меня посадили мои хозяева.

Там уже сидел седовласый старик с вытянутым костлявым лицом, старик, говоривший всегда громким, громычающим голосом. Он сразу обратился ко мне, когда я еще только вошел.

— О, что ты за существо, и на муки ли приведено мне моими мучителями!

Я сообразил о чем идет речь и, коверкая слова, ответил:

— Я иду по дороге, — сказал я и подумал, как он меня видит: нос, глаза, уши у меня были совсем как у людей, только ростом я был меньше их и сплошь покрытый черной густой шерстью.

Но пока я думал старик впился в меня горящим взором и воскликнул:

— Боже!!!

Мы сели друг напротив друга на пыльные плиты пола и стали говорить. И говорили мы день и ночь без перерыва, переключая язык во рту справа налево, вытягивая его и вибрируя им. И старик страстно и гневно говорил о людях, о жизни, о себе и убеждал меня. Он говорил и от голоса старика все дрожало вокруг, и со свода сыпались нам на голову разные мелкие камешки и песчинки. И голос мой терялся в этом сплошном грохоте, но старик как-то умудрялся меня прослышивать. Временами он поднимался на ноги и ходил по обширному подвалу, махая руками или подбегая к стенам и толкал их, что-то возбужденно доказывая... И голос старца достигал невозможных пределов, я затыкал себе уши, что не мешало мне все равно хорошо его слышать.

Старик говорил:

— О, меня завтра убьют мои мучители, но мне не страшно, хотя я знаю, что грехи мои перевесят праведничество мученической смерти и я буду низвергнут в Геену огненную. По грехам моим будут муки адовы, а безгрешной меня разве найдешь сейчас на земле людей!? Так вот и мысля я,

что к Богу-то из нас никто и не идет... может он про людей-то и не знает!? Может быть человечество-то наше прилепилось где-нибудь в самом дальнем уголке Вселенной, как какая-нибудь ничтожная мокрица под камнем, завелось без ведома Бога, ему про нас и ничего и не известно, но, конечно, знает, на то он и Бог, но может быть не очень хорошо знает, надо, чтобы он о нас узнал точно и доподлинно.

— Я иду по дороге, — твердил я.

— По какой ты идешь дороге? — Иди к Богу, скажи ему о себе, скажи ему и о человечестве.

Я усмехнулся и грустно посмотрел на старика, которого мне вдруг стало жалко, и только хотел я ему ответить, как вдруг с улицы послышались крики и причитания, и вой, перекрывший постепенно все звуки. И почудилось нам тогда, что настал Конец Света, и уже где-то треснула земля, и из трещин полыхнули языки адского пламени, потому что мы уловили еще запах дыма, и люди учуяв тоже запах и увидев огонь так возопили. Казалось, казалось нам, что плиты пола начинают подпрыгивать, начинают шевелиться, начинают лопаться от нестерпимого подземного жара, и нам уже горячо было стоять на них голыми ногами, и поэтому мы стали пританцовывать и подпрыгивать, и пошли-пошли, и раскрутились по всему подвалу, зашли со стариком в истерической пляске, высоко-высоко вскидывая ноги вверх и долго-долго.

Но я все-таки сумел как-то вдруг остановиться и приглядеть, чтобы потом броситься к окну под потолком и выглянуть наружу, и то, что я там увидел на середине двора было ужасно: сруб, вокруг которого двигались взад-вперед люди, а на срубе стояла прекрасная девушка, привязанная веревками к столбу. Ее густые льняные волосы блестели на солнце, от чего казалось, что на голове у нее особый убор, говорящий о ее высоком положении, но глаза девушки не горели царственным блеском, а были тусклы и полны предсмертного ужаса. Она смотрела на язычок белого пламени у себя под ногами, который лизал бревно сруба, и полз по ним и протискивался между ними, и подбирался все ближе и ближе к оголенным ступням.

Девушка закричала, а толпа страшно завывала в ответ и зарычала. И я не стал уже раздумывать, почему люди не пытаются спасти несчастную, а сам рванул прутья решетки и выломал их, дернув изо всей мочи, и отшатнувшись внутрь, я уже прыгнул вперед, и, выскочив в окно, понесся к костру на всех четырех лапах, пугая своим жутким видом людей. Все

они в страхе бросились от меня врассыпную, но я не обращал на них никакого внимания, я развернулся задом и свалился в сруб прямо на пламя, которое обхватило меня своими тощими руками, и в его объятиях я весь позеленел и налился желчью, и зардел, и вдруг допнул, и кожа моя полезла ключьями, и из-под нее выступило огненное тело.

И тут я умер, но вдруг превратился в странное существо, которое живет в огне — в текучую саламандру. Руки мои были языки пламени, глаза мои были искры, а тело — желтый корень костра. Я весь дрожал и переливался. И тер, тер своими огненными руками балку, державшую сруб, но балка никак не перетиралась, и сруб стоял, а девушка уже пронзительно кричала тонким срывающимся голосом. И я не знал, что делать. Я ползал и изводился, и когда вошь стал уже совсем невыносим, я подпрыгнул вверх и оказался перед лицом девушки, и там я взглянул ей в глаза, взял за плечо и нежно тронул своим язычком мочку уха. Девушка еще раз вскрикнула, а потом закрыла веки и в экстазе запрокинула голову назад и немного в сторону так, как позволял столб. На губах ее я увидел блаженную улыбку. Девушка вдруг напряглась всем телом, и вдруг ослабла и обмякла.

Все, девушки больше не было. «Господи, что же это такое?» — вскричал тогда я в сердцах и посмотрел вверх на небо, где тучи над замком разошлись (не сейчас, а немного раньше), и в просвет светило ослепительное солнце, и тут же все закружилось, все завертелось перед моим взором, я оттолкнулся от бревен и полетел туда, к нему, к солнцу, но почему-то у меня было чувство, что я лечу вниз головой, что я падаю в колодезь, и ничего я уже не помню в этом падении, в этом мелькании, но помню, что какое-то странное существо, напоминающее по виду тюленя, летело рядом со мной и смотрело на меня глазами полными разума. И я рад был этому, рад! О! как прекрасно нам будет бродить вдвоем по огненным холмам и долинам, спускаться с гор к золотом и гранатом переливающейся реке, окунать в нее свои передние конечности, а потом нить полными пригорошнями жидкий огонь.

Реализаторов — оптовиков мы
ждем по адресу Рязанский пр.
82/5 (417 почта, со двора)
проезд до м. Выхино.